В. Хвостовъ.

ЭТИКА МЕТЕРЛИНКА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул. соб. д.
МОСКВА — 1913

В. Хвостовъ.

ЭТИКА МЕТЕРЛИНКА.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К°. Пименовская ул., соб. д.
МОСКВА — 1913.

Этика Метерлинка.

I. Мѣсто Метерлинка въ наукѣ о нравственности.

Мнѣ уже не разъ приходилось высказывать ту мысль, что этическая проблема не есть проблема только теоретическаго разума [1]). Ставя вопросъ о долгѣ, о назначеніи человѣка, мы вступаемъ въ такую область, гдѣ оказывается недостаточнымъ воспользоваться только данными опыта въ обычномъ смыслѣ этого слова, того опыта, который до сихъ поръ служилъ основаніемъ положительныхъ наукъ, и обработкой этого опыта средствами нашего логическаго мышленія. И притомъ недостаточными оказываются не только данныя внѣшняго опыта, который лежитъ въ основѣ наукъ о матеріальномъ физическомъ мірѣ, но и данныя опыта внутренняго, психическаго, поскольку онъ использованъ психологической наукой. Этотъ послѣдній опытъ уясняетъ намъ механизмъ нашихъ сознательныхъ переживаній, знакомитъ насъ съ ходомъ человѣческаго мышленія, съ процессомъ ощущенія и воспріятія, съ генезисомъ чувствованій и волевыхъ актовъ. Все это чрезвычайно важно для этики, но все это не вводитъ насъ въ ея предѣльные вопросы. На основаніи научныхъ данныхъ мы можемъ составить себѣ довольно удовлетворительное представленіе о томъ внѣшнемъ мірѣ, въ которомъ живетъ человѣкъ, которымъ онъ постепенно овладѣваетъ при помощи

---

[1]) См. въ особенности мою книгу „Нравственная личность и общество“ (1911 г.), стр. 1—49. См. также мою брошюру „Психологія женщинъ“ (1911 г.), стр. 30—39.

научного знанія, и который онъ можетъ все въ большей и большей степени использовать въ томъ направленіи, въ какомъ пожелаетъ. Мы составляемъ себѣ понятіе также и о тѣхъ потребностяхъ, которыя присущи человѣку, о томъ внутреннемъ механизмѣ, которымъ управляется его сознательная жизнь, о тѣхъ цѣляхъ, которыя ставитъ себѣ человѣкъ, о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаются при ихъ выполненіи, о тѣхъ коллизіяхъ, въ которыя онѣ вступаютъ между собою. Опираясь на эти данныя, мы можемъ уяснить себѣ, что́ именно люди называютъ счастіемъ, въ какой мѣрѣ возможно между ними согласіе по вопросу о содержаніи счастія, насколько счастіе достижимо для нихъ и какими средствами обезпечивается наиболѣе прочное счастіе. Мы можемъ также объяснить себѣ, подъ вліяніемъ какихъ факторовъ происходила эволюція человѣческихъ воззрѣній на поведеніе и тѣхъ соціальныхъ нормъ, которыми люди пытаются регулировать отношенія членовъ общежитія. Однимъ словомъ, эмпирическое знаніе очень много даетъ для разработки этическихъ вопросовъ, и нельзя представить себѣ этической системы, болѣе или менѣе удовлетворяющей современнаго человѣка, если она не построена на широкомъ базисѣ научныхъ данныхъ въ обычномъ смыслѣ этого слова.

И тѣмъ не менѣе, однихъ этихъ данныхъ недостаточно для разрѣшенія этической проблемы. Если бы даже ученые и философы пришли къ соглашенію, что счастіе состоитъ въ жизни, соотвѣтствующей условіямъ человѣческой природы, поскольку она намъ извѣстна изъ физіологическаго и психологическаго опыта, и такимъ путемъ установили нормы для осуществленія возможно болѣе прочнаго и широкаго счастія, то этическая проблема далеко не была бы разрѣшена. Во-первыхъ, никакая эвдемонистическая этика не можетъ намъ въ достаточной степени объяснить тотъ императивный характеръ, который присущъ нравственному сознанію человѣка. Всѣ ея предписанія всегда будутъ условны. Они обязательны для человѣка лишь настолько,

насколько онъ хочетъ своего счастія и притомъ именно въ смыслѣ счастія возможно болѣе прочнаго и широкаго по содержанію. Но никого нельзя обязать искать своего счастія, и всѣ рецепты эвдемонизма становятся излишними, если человѣкъ заявляетъ, что онъ не дорожитъ своимъ счастіемъ или же предпочитаетъ прочному и широкому счастію, рекомендуемому ему моралистами, счастіе какого-нибудь захватывающаго момента, хотя бы и мимолетное и очень грубое. Точно такъ же можно отнестись и къ общему благу, которое иногда полагается въ основу эвдемонистической этики. Вѣдь и оно обязательно лишь въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ убѣжденъ, что зачѣмъ-нибудь нужно самое человѣчество со всѣмъ его благополучіемъ и счастіемъ. На всѣ совѣты отдать свою жизнь на служеніе людямъ и человѣчеству въ цѣломъ, посвятить себя созданію благополучія человѣческихъ массъ, можно отвѣтить вопросомъ: а какую же цѣнность имѣетъ человѣчество и почему его существованіе и благополучіе я долженъ ставить выше своего собственнаго и вообще придавать ему какое-нибудь значеніе? Отвѣтить же на всѣ эти вопросы эвдемонистическая этика не въ состояніи; не въ состояніи дать на нихъ отвѣтъ вообще наше знаніе, пока оно не выходитъ за предѣлы опыта въ общенаучномъ смыслѣ этого слова.—Во-вторыхъ, эвдемонистическая этика въ сущности и не есть настоящая этика. Въ этикѣ мы ищемъ отвѣта на вопросъ о томъ, кого мы должны считать нравственнымъ человѣкомъ и что такое нравственный долгъ. Эвдемонисты же намъ описываютъ, что такое счастіе и какими средствами оно достигается. Но вѣдь быть счастливымъ человѣкомъ и быть достойнымъ человѣкомъ не одно и то же, и утвержденіе, что нравственный долгъ состоитъ въ способствованіи своему и чужому благополучію и въ приведеніи ихъ въ гармонію, игнорируетъ какъ разъ самые острые вопросы нравственнаго сознанія. Въ подобной конструкціи нравственности не хватаетъ чего-то очень важнаго, такъ какъ каждый изъ насъ не можетъ не сознавать, что слу-

женіе счастію и служеніе моральному долгу въ концѣ-концовъ вовсе не одно и то же, хотя бы носителемъ счастія объявлялось даже все человѣчество.

Вотъ почему приходится при разрѣшеніи нравственной проблемы искать новыхъ путей и стремиться къ расширенію матеріала за предѣлы тѣхъ рамокъ, которыя для него поставлены въ положительной наукѣ. Эта необходимость въ расширеніи матеріала очень начинаетъ чувствоваться именно въ наше время нравственнаго кризиса мыслящаго человѣчества, который выдвинулъ на очередь пересмотръ нравственной проблемы въ самыхъ ея основаніяхъ. Съ разныхъ сторонъ и въ разныхъ формулировкахъ выдвигаются предложенія привлечь къ дѣлу тѣ стороны человѣческаго духа, на которыя до сихъ поръ слишкомъ мало обращали вниманія философы и моралисты. Въ значительной степени забытая философіей идея Канта о практическомъ разумѣ и основанномъ на немъ моральномъ знаніи, выражающемся въ постулатахъ нравственнаго сознанія, оживляется вновь. Одни говорятъ объ особаго рода интуиціи, сближаемой съ инстинктомъ и коренящейся въ самой жизни, какъ новомъ пути философскаго проникновенія, другіе предпочитаютъ говорить о присущемъ человѣку космическомъ чувствѣ, третьи выдвигаютъ на первый планъ религіозный опытъ и т. д. Во всѣхъ этихъ теченіяхъ сквозитъ одна общая мысль: такъ какъ нравственная проблема есть проблема всей жизни человѣка, какъ разумнаго существа, то и къ разрѣшенію ея слѣдуетъ привлечь весь матеріалъ, который даетъ человѣческая жизнь въ цѣломъ, не игнорируя при этомъ показаній нашихъ чувствъ, нашихъ волевыхъ актовъ, однимъ словомъ, ни одного изъ нашихъ переживаній. До сихъ поръ на всѣ эти данныя смотрѣли, какъ на слишкомъ субъективныя и случайныя. Настало время сдѣлать серьезную попытку, нельзя ли и изъ нихъ извлечь какое-нибудь объективное, для всѣхъ обязательное содержаніе и не получимъ ли мы здѣсь такого матеріала, который поведетъ насъ въ бо̀льшія глубины нравственнаго сознанія,

чѣмъ какія были намъ доступны на почвѣ общенаучнаго опыта.

При этихъ условіяхъ особенный интересъ для моралиста получаютъ произведенія такихъ авторовъ, отъ которыхъ можно впередъ ожидать особенно большого богатства духовныхъ переживаній. Только тотъ можетъ развить въ себѣ интуицію, необходимую для глубокой постановки вопроса о нравственномъ долгѣ, кто живетъ возможно болѣе широкою и интенсивною жизнью. Если интуиція есть голосъ самой жизни, то онъ тѣмъ слышнѣе, чѣмъ интенсивнѣе жизненные процессы, чѣмъ разностороннѣе ихъ проявленіе. Въ этомъ отношеніи, по моему убѣжденію, гораздо болѣе выгодно поставлены лица, занимающіяся искусствомъ, особенно поэты и вообще художники слова, чѣмъ ученые и философы. Кабинетный ученый уже по своему духовному складу обыкновенно не способенъ переживать ту полноту ощущеній и впечатлѣній, которая выпадаетъ на долю богато одаренной артистической натуры, да и самый образъ жизни ученаго этому не способствуетъ. Конечно, съ другой стороны, артистъ, художникъ рѣдко бываетъ надѣленъ способностью къ строго логической систематизаціи своихъ мыслей и переживаній, а такая систематизація безусловно необходима въ этикѣ, какъ и во всякой наукѣ. Но зато только онъ можетъ познакомить систематика съ той глубиной и широтой этическаго опыта, которая оказывается необходимой не въ меньшей степени. Пусть самъ художникъ и не сумѣетъ привести къ логическому единству полноту своихъ нравственныхъ переживаній. Эту работу могутъ за него исполнить другіе люди. Зато онъ носитъ въ себѣ гораздо болѣе обильный источникъ нравственнаго опыта и самое его содержаніе умѣетъ передавать не только въ отвлеченныхъ формулахъ мысли, но и въ живыхъ образахъ фантазіи. А это послѣднее свойство художника въ этической области также получаетъ особую цѣнность. Дѣло въ томъ, что здѣсь намъ приходится доходить до такихъ глубокихъ и абсолютныхъ по своему содержанію идей, что

нашему дискурсивному мышленію не удается осилить ихъ содержанія. Оно гораздо лучше выражается какимъ-нибудь символическимъ образомъ, какой-нибудь удачной метафорой, чѣмъ точнымъ логическимъ опредѣленіемъ. Конечно, для пониманія такихъ символовъ и образовъ необходимъ извѣстный внутренній опытъ и со стороны того, кто будетъ съ ними знакомиться. Человѣкъ, лишенный этого опыта, такъ же мало изъ нихъ вынесетъ, какъ слѣпой изъ описанія красокъ и цвѣтовъ. Но въ большей или меньшей степени такимъ опытомъ располагаютъ всѣ люди. Менѣе всего онъ имѣется въ наличности у чисто кабинетныхъ ученыхъ. Потому-то этическія системы, создаваемыя такими людьми, поражаютъ насъ часто своей сухостью и скудостью содержанія. Если художникъ самъ по себѣ рѣдко создаетъ разработанную этическую систему, то и не всякій систематикъ пригоденъ для обработки данныхъ нравственнаго опыта. Для этого необходимо обладать не только хорошо вышколенной логической головой, но и собственнымъ нравственнымъ опытомъ, хотя бы и не такимъ богатымъ и тонкимъ, какъ опытъ художника [1]).

Подобныя соображенія привели меня уже одинъ разъ къ попыткѣ представить въ систематической формѣ нравственное міровоззрѣніе Генрика Ибсена [2]). Съ тѣмъ же настроеніемъ приступаю я теперь къ изложенію этики Мориса Метерлинка. Метерлинкъ, несомнѣнно, является однимъ изъ тѣхъ поэтовъ, которые даютъ огромный матеріалъ для построенія нравственной системы. Самъ онъ таковой не построилъ. Хотя многія изъ его произведеній имѣютъ по внѣшности характеръ какъ бы философскихъ, но на самомъ дѣлѣ они оказываются такими же произведеніями искусства, какъ и драмы, и стихотворенія. Здѣсь разбросана масса художественныхъ образовъ, много тонкихъ и глубокихъ пе-

---

[1]) См. объ этомъ *Rauh*, L'expérience morale (2 éd. 1909). Мой „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2-е, 1913 г.), стр. 256—271.

[2]) См. мою книгу „Нравственная личность и общество“ (изд. Клочкова, 1911 г.), стр. 50—98.

реживаній выражено на языкѣ символовъ и метафоръ. Но никакого подобія законченной по внѣшности и логически обработанной системы здѣсь нѣтъ, да и быть не можетъ по общему характеру творчества нашего автора. Кому-нибудь другому приходится заняться систематизаціей, и въ настоящей статьѣ я попытаюсь посильно выполнить эту задачу. Не знаю, какое впечатлѣніе вынесетъ изъ этого опыта читатель, но меня самого эта работа надъ Метерлинкомъ обогатила массой новаго матеріала. Я многимъ былъ обязанъ Ибсену. У Метерлинка я нашелъ то, чего не было у Ибсена. Нравственное міровоззрѣніе Ибсена поражаетъ своей суровостью; отъ Ибсена вѣетъ холодомъ норвежскихъ снѣговъ и неподатливостью норвежскаго гранита. Этика Метерлинка есть этика теплой любви къ человѣку, этика, способная принести утѣшеніе въ скорбныя минуты и согрѣть человѣка, душа котораго начинаетъ охладѣвать въ окружающей ледяной температурѣ человѣческаго равнодушія, рискуетъ огрубѣть въ суровой борьбѣ съ жестокой дѣйствительностью.

Я привлекаю къ разсмотрѣнію не только тѣ сочиненія Метерлинка, которыя по внѣшности имѣютъ философскую форму. Эти произведенія, конечно, положены мною въ основу моей работы. Сюда принадлежатъ: Le trésor des humbles, La sagesse et la destinée, La vie des abeilles, Le temple enseveli, Le double jardin, L'intelligence des fleurs. Но я рѣшилъ использовать также стихотворенія и драмы Метерлинка. Какъ я постараюсь показать, въ нихъ очень отразилось общее міровоззрѣніе писателя, которымъ опредѣляются не только фабулы этихъ произведеній, но даже пріемы художественнаго творчества автора. Сперва я въ систематической формѣ изложу нравственное міровоззрѣніе Метерлинка, какъ оно выражено въ первой категоріи его произведеній, а затѣмъ сдѣлаю примѣненіе полученныхъ выводовъ къ объясненію его драмъ и стихотвореній, причемъ въ этой послѣдней части работы считаю болѣе цѣлесообразнымъ держаться хронологическаго пріема,

который въ первой части удобнѣе замѣнить систематическимъ.

Главный вопросъ, который ставитъ себѣ Метерлинкъ, можно было бы формулировать слѣдующимъ образомъ. Какое существуетъ отношеніе между тѣмъ, что люди зовутъ судьбой, рокомъ, фатумомъ, и тѣмъ, что они именуютъ правдой, справедливостью, нравственнымъ закономъ? Вопросъ этотъ неизбѣжно возникаетъ передъ каждымъ мыслящимъ человѣкомъ. Сплошь и рядомъ намъ представляется, что между этими двумя сторонами нашей жизни существуетъ вопіющее несоотвѣтствіе. Въ жизни часто мы не можемъ усмотрѣть никакой справедливости. Здѣсь торжествуютъ люди, которыхъ мы нравственно осуждаемъ, и, напротивъ, терпятъ страданія люди, возбуждающіе полнѣйшее нравственное сочувствіе. Разнаго рода внѣшнія бѣдствія, какъ, напримѣръ, болѣзни, крайняя нищета, смерть, вторгаются въ нашу жизнь и безжалостно ее опустошаютъ, нисколько при этомъ не считаясь съ нашими представленіями о правдѣ и добрѣ. Между тѣмъ ясно, что вѣдь мы сами составляемъ только часть того міра, который посылаетъ намъ всѣ эти бѣдствія, а потому созданная нами мораль, казалось бы, не должна была такъ рѣзко расходиться съ міровыми законами вообще. Чѣмъ же объяснить замѣчаемое несоотвѣтствіе и какое слѣдуетъ намъ принять отношеніе какъ къ судьбѣ, такъ и къ человѣческой мудрости, лежащей въ основѣ морали? Философія Метерлинка, какъ и всякая философія, старается проникнуть въ тайну, окружающую человѣческое существованіе и придающую нашей жизни особую значительность. „Я думаю, говоритъ Метерлинкъ, что изученіе тайны подъ всякими ея формами есть самая благородная задача, которую можетъ передъ собой поставить нашъ духъ, и это изученіе составляетъ заботу всѣхъ людей, которые въ наукѣ, искусствѣ, литературѣ и философіи подымаются надъ наблюденіемъ и воспроизведеніемъ мелкихъ фактовъ, мелкихъ реальностей и мелкихъ пріобрѣтенныхъ истинъ. Они болѣе или менѣе въ

этомъ преуспѣваютъ, идутъ болѣе или менѣе далеко, болѣе или менѣе высоко въ томъ, что они знаютъ, въ соотвѣтствіи со степенью уваженія, которое они питаютъ къ тому, чего не знаютъ, въ соотвѣтствіи со степенью широты, которую ихъ воображеніе или ихъ интеллектъ умѣютъ придавать совокупности силъ, недоступныхъ познанію. Именно познаніе неизвѣстнаго, въ которомъ мы живемъ, даетъ нашей жизни значительность, которой она не имѣла бы, если бы мы замкнулись въ то, что мы знаемъ, или, если бы мы слишкомъ легко вѣрили, будто то, что мы знаемъ, гораздо важнѣе того, чего мы еще не знаемъ" (Temple, 103—104).

Въ своихъ разсужденіяхъ Метерлинкъ прилагаетъ всѣ усилія къ тому, чтобы по возможности умалить значеніе внѣшней судьбы для человѣка и, наоборотъ, возвысить значеніе мудрости, того „погребеннаго храма", который скрывается въ самомъ человѣкѣ и отъ котораго гораздо больше, чѣмъ отъ внѣшней судьбы, зависитъ счастіе человѣка. Мы прослѣдимъ ходъ его мыслей въ слѣдующемъ порядкѣ. Прежде всего познакомимся съ представленіями Метерлинка о самой природѣ человѣка, какъ они намъ раскрыты, главнымъ образомъ, въ самомъ раннемъ изъ его философскихъ сборниковъ, озаглавленномъ „Le trésor des humbles". Затѣмъ перейдемъ къ вопросу о судьбѣ, къ вопросу о мудрости и къ уясненію ихъ взаимнаго соотношенія.

II. Природа человѣка.

Въ своей книгѣ „Сокровище смиренныхъ" Метерлинкъ рѣшительно становится на сторону мистицизма. Онъ заявляетъ, что „существуютъ въ человѣкѣ области болѣе плодородныя, болѣе глубокія и болѣе интересныя, чѣмъ области разума и интеллекта" (180). Онъ внимательно изучалъ произведенія выдающихся мистиковъ; ему принадлежатъ переводы на французскій языкъ сочиненій Рюисбрёка и Новалиса: съ его предисловіемъ вышелъ переводъ опы-

товъ Эмерсона; онъ знакомъ съ Платономъ, Плотиномъ, Діонисіемъ Ареопагитомъ, Бёме, Кольриджемъ (95); большими симпатіями Метерлинка пользуется Карлейль; часто встрѣчаются у него ссылки на Марка Аврелія и даже въ Сведенборгѣ и графѣ Каліостро онъ видитъ личностей, заслуживающихъ бо́льшаго вниманія, чѣмъ какое имъ обыкновенно удѣляется. „Слишкомъ часто забываютъ, что вся достовѣрность заключается только въ мистикахъ. Сверхъ того, если вѣрно, какъ говорятъ, что всякій человѣкъ есть Шекспиръ въ своихъ грезахъ, то слѣдовало бы спросить, не является ли каждый человѣкъ въ своей жизни невыраженнымъ въ формулахъ мистикомъ, въ тысячу разъ болѣе трансцендентальнымъ, чѣмъ всѣ описанные словомъ. Есть ли такое дѣйствіе человѣка, послѣдняя пружина котораго не была бы мистической? И глазъ влюбленнаго или матери, напримѣръ, не въ тысячу ли разъ болѣе непонятенъ, непроницаемъ и мистиченъ, чѣмъ эта книга, въ концѣ-концовъ, бѣдная содержаніемъ и объяснимая; вѣдь всѣ книги являются только мертвыми тайнами, горизонтъ которыхъ болѣе не обновляется“. (102). Хотя, такимъ образомъ, всѣ писанія мистиковъ—ничто въ сравненіи съ подлинной человѣческой жизнью, хотя „ребенокъ, который молчитъ, въ тысячу разъ мудрѣе Марка Аврелія, который говоритъ“ (143), тѣмъ не менѣе и писательская дѣятельность мистиковъ полезна. „Если бы Маркъ Аврелій не написалъ двѣнадцати книгъ своихъ размышленій, то часть скрытыхъ въ нашемъ ребенкѣ неизвѣстныхъ сокровищъ не была бы той же самой... Возможно, что когда-нибудь откроютъ причины, по которымъ, если бы Платонъ, Сведенборгъ или Плотинъ не существовали, душа крестьянина, который ихъ не читалъ и даже никогда о нихъ не слышалъ, не была бы тѣмъ, чѣмъ она несомнѣнно является теперь. Что бы тамъ ни было, ни одна мысль никогда не теряется ни для одной души, и кто скажетъ, какія части нашей души живутъ только благодаря мыслямъ, которыя никогда не были выражены?“ (144). „Мистическія истины имѣютъ необыкновен-

ную привилегію по сравненію съ обычными истинами; онѣ не могутъ ни старѣть, ни умирать... Произведеніе старѣетъ лишь пропорціонально своему антимистицизму“ (112). „Одно только важно, говоритъ Новалисъ, это—отысканіе нашего трансцендентальнаго я. Мы замѣчаемъ это я моментами въ словахъ Бога, въ словахъ поэтовъ и мудрецовъ, въ глубинѣ нѣкоторыхъ радостей и нѣкоторыхъ скорбей, во снѣ, въ любви и болѣзняхъ, а также при неожиданныхъ стеченіяхъ обстоятельствъ, когда издалека оно намъ дѣлаетъ знакъ и пальцемъ показываетъ на наши отношенія съ вселенной. Нѣкоторые мудрецы предались этому отысканію и написали книги, въ которыхъ царитъ только необыкновенное“ (119).

Мистическимъ характеромъ отличаются и всѣ представленія Метерлинка о природѣ человѣка.

По убѣжденію Метерлинка, человѣкъ есть двойственное существо. Онъ ведетъ свою обычную жизнь въ пространствѣ и времени, выполняетъ внѣшніе акты, переживаетъ внѣшнія событія, волнуется по поводу нихъ, радуется и огорчается, но все это мало затрагиваетъ его настоящую, трансцендентальную основу. На самомъ дѣлѣ, мы—существа невидимыя (154). „Мы живемъ рядомъ съ нашею настоящею жизнью и чувствуемъ, что наши самыя интимныя мысли и даже самыя глубокія насъ не касаются, ибо мы нѣчто иное, нежели наши мысли и наши грезы“ (55). „Мы живемъ только нашимъ трансцендентальнымъ существомъ, акты и мысли котораго каждый мигъ прорываются черезъ оболочку, которая насъ окружаетъ“ (124). „Наиболѣе страннымъ въ человѣкѣ, поистинѣ, является его серьезность и его скрытая мудрость. Самый легкомысленный на самомъ дѣлѣ никогда не смѣется между нами и, несмотря на всѣ усилія, ему не удается потерять ни одной минуты, такъ какъ душа человѣческая внимательна и ничего безполезнаго не дѣлаетъ. Ernst ist das Leben, серьезна жизнь и въ глубинѣ нашего существа наша душа еще не улыбалась. По ту сторону нашихъ невольныхъ волненій мы ведемъ удиви-

тельное существованіе, неподвижное, очень чистое и очень увѣренное, на которое постоянно дѣлаютъ намеки протягивающіяся руки, открывающіеся глаза, встрѣчающіеся взгляды“ (127). „Но, если вѣрно, что послѣдній изъ насъ не можетъ сдѣлать малѣйшаго жеста, не считаясь съ душой и съ духовнымъ царствомъ, гдѣ она властвуетъ, вѣрно также и то, что самые мудрые почти никогда не думаютъ о безконечномъ, которое перемѣщаетъ открывающееся вѣко, склоняющуюся голову, сжимающуюся руку. Мы живемъ такъ далеко отъ себя самихъ, что мы не знаемъ почти ничего, что происходитъ на горизонтѣ нашего существа. Мы по волѣ случая бродимъ въ долинѣ, не подозрѣвая, что наши жесты воспроизводятся и пріобрѣтаютъ свое значеніе на вершинѣ горы“ (129). „Наша реальная и неизмѣнная жизнь проходитъ въ тысячѣ льё отъ любви и въ тысячѣ льё отъ надменности. Мы обладаемъ болѣе глубокимъ и болѣе неистощимымъ я, чѣмъ я нашихъ страстей и чистаго разума. Дѣло не въ томъ, что мы испытываемъ, когда наша возлюбленная насъ оставляетъ. Она уходитъ сегодня; наши глаза плачутъ, но наша душа не плачетъ. Возможно, что она узнаетъ объ этомъ событіи и преобразуетъ его въ свѣтъ, ибо все, что въ нее падаетъ, испускаетъ сіяніе. Возможно также, что она будетъ его игнорировать; но тогда, къ чему же о немъ говорить? Слѣдуетъ оставить эти мелочи тѣмъ, кто не чувствуетъ, что жизнь глубока“ (148).

Наша сокровенная душа есть, по мнѣнію Метерлинка, лучшая, наиболѣе чистая и наиболѣе великая часть нашего существа (57). Она постоянно стремится къ красотѣ. „Нѣтъ на свѣтѣ ничего болѣе жаднаго къ красотѣ, нѣтъ на свѣтѣ ничего, украшающаго себя съ большей легкостью, чѣмъ наша душа. Нѣтъ на свѣтѣ ничего, что болѣе естественно стремилось бы ввысь и болѣе быстро облагораживалось. Нѣтъ на свѣтѣ ничего, что повиновалось бы болѣе тщательно чистымъ и благороднымъ предписаніямъ, которыя ему даются. Нѣтъ на свѣтѣ ничего, что болѣе послуш-

но подчинялось бы власти мысли болѣе высокой, чѣмъ другія. Поэтому лишь очень немногія души на землѣ могутъ противиться господству души, которая допускаетъ себя быть прекрасной" (251). Въ своей скрытой и незамѣтной для насъ работѣ наша душа превращаетъ въ красоту всѣ мелочи, которыя мы ей даемъ. „Всматривались ли вы когда-нибудь въ это царство очищающаго огня? Сегодня вамъ причинили большое зло; жесты были мелки, актъ былъ низкій и печальный, и вы плакали въ этомъ безобразіи. Однако, взгляните въ вашу душу нѣсколько лѣтъ спустя и скажите мнѣ, не увидали ли вы подъ воспоминаніемъ объ этомъ актѣ чего то, что уже гораздо чище, чѣмъ мысли, я не знаю, какую силу, которую невозможно назвать, которая не имѣетъ никакого отношенія къ обычнымъ силамъ этого міра, я не знаю, какой источникъ „другой жизни", изъ котораго вы можете пить, не истощая его, до послѣднихъ дней вашихъ. И однако вы не помогали неутомимой царицѣ; и вы думали о другихъ вещахъ, между тѣмъ какъ актъ очищался безъ вашего вѣдома въ молчаніи вашего существа и увеличивалъ драгоцѣнную влагу въ этомъ великомъ резервуарѣ истины и красоты, который не волнуется, какъ менѣе глубокій резервуаръ истинныхъ или прекрасныхъ мыслей, но постоянно остается защищеннымъ отъ дуновенія жизни" (269).

Такимъ образомъ, въ нашемъ сознаніи находятся мелочи повседневной жизни, и мы, будучи ими заняты, не замѣчаемъ нашей реальной, серьезной и прекрасной стороны. „Поистинѣ, мы уже дѣйствуемъ какъ боги, и вся наша жизнь протекаетъ среди безконечныхъ увѣренностей и непогрѣшимостей. Но мы слѣпцы, которые играютъ камушками по бокамъ дороги" (122). „Мы боги, которые не знаютъ самихъ себя" (126). Расширеніе трансцендентальнаго сознанія всегда было высшимъ желаніемъ людей (144). „Мы рождаемся на самомъ дѣлѣ въ тотъ день, когда въ первый разъ глубоко чувствуемъ, что есть въ жизни нѣчто важное и неожиданное. Одни изъ насъ вдругъ кон-

статируютъ, что они не одни подъ небесами. Другіе, давая поцѣлуй или проливая слезу, вдругъ замѣчаютъ, что „источникъ всего, что является лучшимъ и святымъ, начиная со вселенной и кончая Богомъ, скрывается за ночью, полной слишкомъ отдаленныхъ звѣздъ“; третій увидалъ, что божественная рука простерлась между его радостью и его горемъ; еще кто-нибудь понялъ, что мертвые правы. Одинъ сжалился, другой пришелъ въ восторгъ, третій испугался. Очень часто почти ничего не требуется; слово, жестъ, какая-нибудь мелочь, не составляющая даже мысли. „До сихъ поръ я тебя любилъ, какъ брата, говоритъ герой Шекспира, имѣя передъ собой актъ, которымъ онъ восхищается; до сихъ поръ я тебя любилъ, какъ брата, но теперь я тебя уважаю, какъ мою душу“. Вѣроятно, въ этотъ день новое существо появилось на свѣтъ. Мы можемъ такъ рождаться болѣе одного раза; и въ каждомъ изъ этихъ рожденій мы немного приближаемся къ нашему Богу. Но почти всѣ мы довольствуемся тѣмъ, что ожидаемъ, какъ какое-нибудь событіе, полное неотразимаго свѣта, насильственно проникнетъ въ окружающій насъ мракъ и освѣтитъ насъ помимо нашей воли. Мы ожидаемъ какого-нибудь счастливаго совпаденія, такъ что глаза нашей души открываются случайно въ тотъ мометъ, когда насъ постигаетъ нѣчто необыкновенное. Но вѣдь свѣтъ есть во всемъ, что происходитъ; и самые великіе изъ людей были велики только потому, что они имѣли привычку открывать глаза во всякомъ мракѣ. Развѣ такъ необходимо, чтобы ваша мать переживала агонію на рукахъ у васъ, чтобы ваши дѣти погибали въ кораблекрушеніи, и вы сами прошли рядомъ со смертію, для того чтобы вы, наконецъ, узнали, что находитесь въ непостижимомъ мірѣ, куда вы помѣщены навсегда и гдѣ Богъ, котораго не видятъ, вѣчно живетъ со своими созданіями? Развѣ необходимо, чтобы ваша невѣста погибла въ пожарѣ или же подъ вашими взорами исчезла въ зеленыхъ глубинахъ океана, для того чтобы вы на мигъ увидали, что послѣдніе предѣлы царства любви идутъ, быть можетъ, далеко за пре-

дѣлы Миры, Алтаира и Волосъ Береники? Если бы вы открыли глаза, развѣ вы не могли бы увидать въ поцѣлуѣ то, что сегодня вы замѣчаете въ катастрофѣ! Развѣ такъ необходимо, чтобы горе ударами копья пробуждало божественныя воспоминанія, которыя дремлютъ въ нашихъ душахъ? Мудрецъ не нуждается въ такихъ потрясеніяхъ. Онъ видитъ слезу, жестъ дѣвушки, падающую каплю воды; онъ прислушивается къ проносящейся мысли, жметъ руку брата, приближается къ устамъ, и при этомъ у него открыты глаза и открыта душа. Онъ можетъ во всемъ этомъ постоянно видѣть то, что вамъ показывается только на мигъ; и какая-нибудь улыбка безъ труда научитъ его тому, что вамъ должна была открыть буря и даже рука смерти" (227—230).

Люди почему-то не любятъ показывать то божественное, что въ нихъ такъ глубоко скрыто. „Откуда происходитъ эта боязнь божественнаго въ людяхъ? Поистинѣ можно сказать, что чѣмъ больше движеніе души приближается къ божественному, тѣмъ больше стараній прилагаемъ мы, чтобы скрыть его отъ взглядовъ нащихъ братьевъ. Не является ли человѣкъ испугавшимся богомъ? или же намъ запрещено выдавать высшія силы?" (206—7). „Люди питаютъ какой-то странный страхъ передъ красотою; и чѣмъ ихъ больше собирается, тѣмъ больше они ея боятся, точно такъ же, какъ боятся молчанія или слишкомъ чистой истины. И это настолько вѣрно, что если кому-либо изъ нихъ пришлось совершить въ теченіе дня геройскій поступокъ, онъ попытается его извинить, приписывая своему акту жалкія побужденія, побужденія, которыя онъ могъ бы заимствовать въ низшей сферѣ, гдѣ они собраны. Но слушайте: вотъ произнесено громкое и гордое слово, которое нѣкоторымъ образомъ вскрываетъ источникъ жизни. Какая-нибудь душа осмѣлилась на мигъ показаться такой, какова она въ любви, въ горѣ, передъ смертью или въ одиночествѣ, въ присутствіи ночныхъ звѣздъ. Появляется безпокойство и лица выражаютъ удивленіе или улыбаются. Но

развѣ вы никогда не чувствовали въ эти моменты, съ какою единодушною силою всѣ души восхищаются и какъ самая слабая изъ нихъ безъ словъ одобряетъ въ глубинѣ своей тюрьмы слово, которое она признала подобнымъ самой себѣ? Души внезапно оживаютъ въ своей первоначальной и нормальной атмосферѣ; и если бы у васъ были ангельскія души, вы услыхали бы, я въ этомъ увѣренъ, мощные апплодисменты въ царствѣ изумительнаго свѣта, въ которомъ онѣ живутъ. Не думаете ли вы, что, если бы подобное слово произносилось каждый вечеръ, то и наиболѣе боязливыя души осмѣлились бы; и что люди жили бы болѣе истинной жизнью?" (253—4).

Наша внѣшняя жизнь имѣетъ очень мало общаго съ нашимъ скрытымъ духовнымъ существомъ. „Я могу совершить преступленіе и при этомъ ни малѣйшее дуновеніе не склонитъ самаго малаго пламени центральнаго огня нашего существа, а, съ другой стороны, взглядъ, которымъ мы обмѣнялись, мысль, которая даже не развернулась, минута, прошедшая безъ словъ, можетъ его взволновать ужаснымъ вихремъ въ глубинахъ его прибѣжища и заставить его выступить въ моей жизни. Наша душа судитъ не такъ, какъ мы; она представляетъ собою нѣчто капризное и скрытое. Она можетъ быть затронута дуновеніемъ и игнорировать бурю. Нужно искать, что ее задѣваетъ; все заключается въ этомъ, ибо въ этомъ мы существуемъ" (150). „Нѣтъ ни большой, ни маленькой жизни, и дѣйствія Регула и Леонида не имѣютъ никакого значенія, когда я ихъ сравниваю съ моментомъ скрытаго существованія моей души. Она могла совершить то, что они совершили, или не совершать этого; эти вещи ея не касаются; и душа Регула, когда онъ возвращался въ Карѳагенъ, была, вѣроятно, такъ-же разсѣянна и такъ же равнодушна, какъ душа рабочаго, который уходитъ на фабрику. Она слишкомъ далека отъ всѣхъ нашихъ поступковъ; она слишкомъ далека отъ всѣхъ нашихъ мыслей. Она живетъ одна, въ глубинѣ насъ, жизнью, о которой она не говоритъ; и съ высотъ, гдѣ она царитъ, раз-

нообразіе существованій уже неразличимо. Мы идемъ, подавленные тяжестью нашей души, и нѣтъ соотвѣтствія между нами и ней. Она, быть можетъ, никогда не думаетъ о томъ, что мы дѣлаемъ, и это можно прочитать на нашемъ лицѣ. Если бы можно было спросить разумное существо изъ другого міра, какое общее выраженіе лица людей, то оно, увидавъ ихъ въ ихъ радостяхъ, въ ихъ горестяхъ и въ ихъ заботахъ, несомнѣнно, отвѣтило бы: *кажется, что они думаютъ о чемъ-то другомъ*" (134—5).

Вотъ почему такъ много злыхъ людей на самомъ дѣлѣ добры, при чемъ никто этого не видитъ, тогда такъ многіе мудрецы и святые на самомъ дѣлѣ не добры (208). „Какъ только доброта проявляется во внѣшнемъ актѣ, она мѣняетъ природу; мы уже не имѣемъ больше душевной истины, но находимся въ чемъ-то, въ родѣ лжи между людьми. Доброта и любовь, которыя знаютъ себя, не имѣютъ никакого дѣйствія на души, такъ какъ они вышли изъ царства, гдѣ они живутъ; но, пока они слѣпы, они могутъ растрогать саму судьбу. Я зналъ не одного человѣка, который выполнялъ всѣ дѣла доброты и состраданія, не трогая ни одну душу; и я зналъ другихъ, которые, повидимому, жили во лжи и несправедливости, не отталкивая эти самыя души и не заставляя ни на моментъ возникнуть идею, что они не добры" (216). „Что произошло бы, напримѣръ, если бы наша душа вдругъ стала видима и должна бы была проходить среди собранія своихъ сестеръ, лишенная своихъ покрывалъ, но обремененная своими самыми тайными помыслами и влачащая за собой самые таинственные акты своей жизни, которыхъ ничто не могло выразить? Изъ-за чего краснѣла бы она? Что пожелала бы она скрыть? Набросила ли бы она, какъ стыдливая женщина, длинное покрывало своихъ волосъ на безчисленные грѣхи плоти? Она бы ихъ игнорировала и эти грѣхи никогда ея не коснулись. Они были совершены въ тысячѣ льё отъ ея престола и даже душа содомитки прошла бы среди толпы, ничего не подозрѣвая и нося въ своихъ глазахъ прозрачную улыбку ребенка. Она

въ это не вмѣшивалась, она шла своимъ путемъ въ сторону свѣта и только объ этой жизни она вспомнитъ. Какіе грѣхи и какія обычныя преступленія могла она совершить? Совершила ли она предательство, солгала ли она, обманула ли она? Заставила ли она страдать, заставила ли она плакать? Гдѣ была она, когда этотъ человѣкъ предавалъ своего брата врагамъ? Она, быть можетъ, рыдала вдали отъ него и, начиная съ этого момента, она стала болѣе глубокой и болѣе прекрасной. Она вовсе не будетъ стыдиться того, что она сдѣлала, и она могла остаться чистой въ центрѣ большого злодѣянія. Часто она превращаетъ во внутренній свѣтъ все зло, при которомъ ей приходится присутствовать. Все зависитъ отъ невидимаго принципа и отсюда возникаетъ необъяснимая снисходительность боговъ" (63—65).

Поэтому „не по ихъ актамъ и даже не по ихъ сокровеннѣйшимъ мыслямъ судимъ мы нашихъ братьевъ, ибо сокровенныя мысли не всегда могутъ быть прочитаны; но мы далеко идемъ за предѣлы того, что не можетъ быть прочитано. Человѣкъ можетъ совершить всѣ преступленія, почитаемыя за самыя низкія, и при этомъ самое великое изъ этихъ преступленій не измѣнитъ ни на одинъ моментъ дуновенія свѣжести и нематеріальной чистоты, которое окружаетъ его присутствіе; а между тѣмъ приближеніе мученика или мудреца можетъ покрыть нашу душу густой и невыносимой тьмой. Герой или святой выберутъ своего друга среди лицъ, на которыхъ безъ труда можно прочесть привычку ко всякимъ низкимъ помысламъ, и не почувствуетъ себя въ „братской или человѣческой атмосферѣ" рядомъ съ другимъ существомъ, лобъ котораго озаренъ самыми высокими и самыми великодушными мечтами. Что это означаетъ? что новаго приносятъ эти вещи? Есть, слѣдовательно, законы болѣе глубокіе, чѣмъ тѣ, которые управляютъ актами и мыслями? Чему они насъ научили и почему мы всегда дѣйствуемъ по правиламъ, о которыхъ не говорятъ и которыя только и достовѣрны? Ибо можно утверждать, что въ данномъ случаѣ, несмотря на види-

мость, герой и святой не ошиблись. Они только повиновались и, если святой преданъ и проданъ человѣкомъ, котораго онъ избралъ, то что-то непоколебимое все-таки останется и скажетъ ему, что нѣтъ заблужденія и нечего сожалѣть. Душа никогда не забудетъ, что другая душа была чиста" (66—67). „Слѣдуетъ думать, что мы знаемъ другъ друга въ областяхъ намъ невѣдомыхъ и что мы обладаемъ общей родиной, куда мы идемъ, гдѣ мы другъ друга находимъ и откуда мы безъ труда возвращаемся" (79). Этимъ и объясняется, что уже при первой встрѣчѣ мы другъ друга знаемъ, что, получая письмо издалека, отъ неизвѣстнаго человѣка, мы уже испытываемъ къ нему опредѣленное отношеніе...

Люди, несомнѣнно, могутъ прямо и непосредственно сообщаться другъ съ другомъ, и бываютъ такія эпохи въ жизни человѣчества, которыя отличаются особой духовностью, когда эта способность людей непосредственно чувствовать другъ друга обостряется. „Придетъ, быть можетъ, время, когда наши души увидятъ другъ друга безъ посредства чувствъ" (29). Мы постоянно ведемъ между собою внутренній разговоръ, непримѣтный для нашихъ внѣшнихъ чувствъ, но имѣющій для насъ гораздо болѣе серьезное значеніе, чѣмъ нашъ внѣшній разговоръ и внѣшніе поступки. „Въ этой комнатѣ находится пять или шесть существъ, которыя говорятъ о дождѣ и хорошей погодѣ; но надъ этимъ жалкимъ разговоромъ, шесть душъ ведутъ бесѣду, къ которой не можетъ безопасно приблизиться никая человѣческая мудрость; и, хотя они говорятъ черезъ свои взгляды, свои руки, свои лица и все свое присутствіе, они никогда не знаютъ, что онѣ сказали" (124). Вотъ почему иногда, не будучи въ состояніи перенести одиночества, мы отправляемся въ человѣческое общество, и, проведя нѣсколько моментовъ въ пустомъ разговорѣ, возвращаемся къ себѣ освѣженные и ободренные (126). Ибсенъ сдѣлалъ попытку въ своемъ „Строителѣ Сольнесѣ" передать въ драматической формѣ этотъ внутренній діалогъ, который,

на ряду съ внѣшней бесѣдой, ведутъ между собою души Гильды и Сольнеса (176). Истинная психологія, не та обычная психологія, которая занимается изученіемъ нашихъ страстей и мыслей, должна была бы заняться изученіемъ этихъ прямыхъ отношеній между человѣческими душами, обратить вниманіе на таинственные законы, управляющіе симпатіями и антипатіями, предчувствіями, внезапными рѣшеніями, инстинктивными влеченіями, однимъ словомъ, на все то, что показываетъ вторженіе въ нашу обычную жизнь скрытыхъ и таинственныхъ силъ изъ самой глубины человѣческаго существа (37—39).

Изъ всѣхъ этихъ представленій вытекаетъ взглядъ Метерлинка на любовь, которой онъ придаетъ огромное значеніе. Мы видѣли, что, по убѣжденію нашего автора, души наши знаютъ другъ друга въ невѣдомой намъ области, изъ которой всѣ мы происходимъ и въ которую всѣ возвращаемся. „Въ этой общей родинѣ мы выбираемъ также любимыхъ женщинъ; вотъ почему мы не ошибаемся и наши возлюбленныя также не ошибаются. Царство любви есть, прежде всего, великое царство увѣренностей, ибо въ немъ души имѣютъ болѣе всего досуга. Здѣсь вѣдь имъ нечего больше дѣлать, какъ знакомиться другъ съ другомъ, любоваться другъ другомъ и спрашивать другъ друга, со слезами на глазахъ, какъ молодымъ сестрамъ, которыя обрѣтаютъ другъ друга, въ то время, когда сплетаются руки и встрѣчаются уста такъ далеко отъ нихъ... Онѣ, наконецъ, имѣютъ время улыбнуться и пожить минутку для себя въ перерывѣ тяжкой ежедневной жизни: и, можетъ быть, съ высотъ этой улыбки и этихъ непередаваемыхъ взглядовъ распространяется въ самые вялые моменты любви таинственная соль, которая навсегда сохраняетъ воспоминаніе о встрѣчѣ двухъ устъ... Но я говорю здѣсь о любви предопредѣленной и истинной. Когда мы встрѣчаемъ одну изъ тѣхъ, которыхъ намъ предназначила судьба и которую она заставляла выйти изъ глубины великихъ духовныхъ городовъ, гдѣ мы живемъ, не зная этого, чтобы послать ее на

перекрестокъ дороги, по которой въ назначенный часъ мы должны пройти, то мы объ этомъ освѣдомлены съ перваго же взгляда. Нѣкоторые пытаются тогда нарушить судьбу. Возможно, что мы въ бѣшенствѣ кладемъ руки на вѣки, чтобы не видѣть больше того, что слѣдовало видѣть, и что, борясь всѣми нашими маленькими силами съ вѣчными силами, мы въ концѣ-концовъ переходимъ дорогу, чтобы идти къ другой посланной, которая тамъ не для насъ. Но мы напрасно стараемся; намъ не удастся „возмутить мертвую воду въ большихъ резервуарахъ будущаго". Ничего не выйдетъ; чистая сила высотъ не пожелаетъ спуститься, и эти поцѣлуи и эти безполезные часы не пожелаютъ прибавиться къ реальнымъ часамъ и поцѣлуямъ нашей жизни... Судьба иногда закрываетъ глаза, но она знаетъ, что мы вернемся къ ней сегодня же вечеромъ и что послѣднее слово останется за ней. Она можетъ закрывать глаза, но время, въ теченіе котораго она ихъ закрываетъ, есть потерянное время" (79—81). Въ настоящей любви есть нѣчто мистическое, и она такъ же независима отъ внѣшнихъ событій нашей жизни, какъ и вообще все наше реальное существованіе. Бываетъ, что видимая любовь прекращается, но это не значитъ, что прекращается любовь реальная. „Я это испыталъ сегодня вечеромъ. Я чувствовалъ, что прибылъ одинъ въ эту печальную зону поцѣлуевъ, когда кажется, что посѣщаешь уже хижины бѣдныхъ, между тѣмъ какъ запоздавшая возлюбленная еще улыбается во дворцѣ первыхъ дней. Любовь по человѣческому пониманію умирала между нами, какъ ребенокъ, пораженный зломъ, идущимъ невѣдомо откуда и не знающимъ сожалѣній. Мы ничего не сказали другъ другу. Я даже не могъ бы припомнить, о чемъ я думалъ въ эту столь важную минуту. Конечно, о незначительныхъ вещахъ, о послѣднемъ встрѣченномъ лицѣ, о мерцающемъ свѣтѣ фонаря на углу пустынной набережной. И однако все это происходило въ свѣтѣ въ тысячу разъ болѣе чистомъ и высокомъ, чѣмъ если бы вмѣшались всѣ силы жалости и любви, которыми

я распоряжаюсь въ моихъ мысляхъ и въ моемъ сердцѣ. Мы разстались, ничего не сказавши, но мы поняли въ то же время нашу невыразимую мысль. Мы знаемъ теперь, что родилась другая любовь, которая не нуждается больше въ словахъ, въ маленькихъ заботахъ и улыбкахъ обыкновенной любви. Мы больше не видались, можетъ быть, мы и не увидимся вѣками. „Намъ придется, несомнѣнно, забыть массу вещей, выучиться многимъ другимъ, на протяженіи всѣхъ міровъ, черезъ которые придется проходить, прежде чѣмъ мы встрѣтимся *въ томъ же самомъ движеніи души,* которое имѣло мѣсто въ этотъ вечеръ; но мы имѣемъ время ждать“ (214—215). Только у вратъ другого міра зарождается любовь. „Ибо любить своего ближняго это не значитъ только всецѣло ему отдаваться, служить, помогать и поддерживать другихъ. Возможно, что вы не добры, не прекрасны и не благородны среди самыхъ великихъ жертвъ, и сестра милосердія, которая умираетъ у изголовья тифознаго больного, можетъ имѣть душу злопамятную, мелкую, ничтожную. Любить своего ближняго въ устойчивой глубинѣ, это значитъ любить то, что есть вѣчнаго въ другихъ, ибо ближній по преимуществу есть тотъ, кто больше приближается къ Богу, т.-е. къ тому, что есть въ людяхъ чистаго и добраго; и только находясь постоянно около вратъ, о которыхъ только что было сказано, вы откроете, что́ есть въ душахъ божественнаго. Тогда вы сможете сказать съ великимъ Жанъ-Полемъ: „Когда я хочу любить очень нѣжно дорогое мнѣ лицо и все ему прощать, то я долженъ только нѣкоторое время въ молчаніи на него посмотрѣть“. Нужно выучиться видѣть, чтобы выучиться любить“ (244—5).

Любовь есть „тайное, но въ высшей степени проникновенное воспоминаніе о первоначальномъ великомъ единствѣ“ (217). Такой любви никто не можетъ противиться; нѣтъ души, которая не отвѣтила бы на такую любовь. „Всѣ души нашихъ братьевъ бродятъ безпрестанно вокругъ насъ, подкарауливая поцѣлуй, и только ожидаютъ знака. Но

сколько существъ не осмѣлились дать одинъ изъ этихъ знаковъ въ своей жизни. Вѣдь это и есть бѣдствіе всей нашей жизни, что мы живемъ въ такомъ отдаленіи отъ нашей души и боимся ея малѣйшихъ движеній. Если бы мы ей позволили открыто улыбаться въ своемъ молчаніи и свѣтѣ, то мы уже жили бы вѣчною жизнью" (218—9). „Я думаю, что ничто въ свѣтѣ не украшаетъ душу болѣе нечувственнымъ образомъ, болѣе естественно, чѣмъ увѣренность, что есть гдѣ-то, недалеко отъ нея, чистое и прекрасное существо, которое она можетъ любить безъ затаенной мысли" (263). „Если вы любили глубоко, то никто не долженъ былъ обращать ваше вниманіе на то, что ваша душа была чѣмъ-то столь великимъ, что міры, что звѣзды, что цвѣты, что сумерки ночи и волны моря больше не были одиноки, что ничто не кончалось и что все начиналось на границѣ видимостей; и что даже уста, которыя вы цѣловали, принадлежали существу гораздо болѣе высокому, гораздо болѣе прекрасному, гораздо болѣе чистому, чѣмъ то, которое обнимали ваши руки. Вы видѣли тогда то, чего не видятъ въ жизни, лишенной опьяненія. Но развѣ нельзя жить такъ, чтобы любить вѣчно? Герои и святые именно это и дѣлали" (231—2). „Мы всѣ живемъ въ возвышенномъ; гдѣ же намъ иначе и жить? Нѣтъ другого мѣста жизни. Если намъ чего не хватаетъ, то—не случаевъ жить на небѣ, но вниманія и сосредоточенности, нѣкотораго опьяненія души. Если у васъ есть только маленькая комнатка, то думаете ли вы, что Богъ и тамъ не присутствуетъ, и что тамъ невозможно вести болѣе высокую жизнь? если вы жалуетесь, что вы одни, что ничего съ вами не случается, что никто васъ не любитъ и что вы никого не любите, думаете ли вы, что слова не обманываютъ? Что возможно быть одному, что любовь есть вещь, которую знаютъ, которую видятъ, и что событія могутъ быть взвѣшиваемы, какъ золото и серебро, даваемыя въ качествѣ выкупа? Развѣ не можетъ войти въ маленькую комнату живая мысль—при чемъ безразлично, будетъ ли она гордая или бѣдная, ибо, возникши

изъ вашей души, она велика для васъ,—такъ же, какъ и высокое желаніе или просто моментъ торжественнаго вниманія къ жизни? И если вы не любите или васъ не любятъ и тѣмъ не менѣе вы можете съ извѣстной силой видѣть, что тысячи вещей прекрасны, что душа велика и что жизнь серьезна почти невыразимо, то развѣ это не такъ же прекрасно, какъ если бы васъ любили или вы любили? И если самое небо отъ васъ скрыто, „то развѣ великое звѣздное небо не простирается, несмотря ни на что, надъ вашей душой въ формѣ самой смерти"?.. Все, что съ нами происходитъ, божественно велико, и мы всегда въ центрѣ великаго міра. Но слѣдуетъ пріучиться жить подобно только что родившемуся ангелу, подобно любящей женщинѣ или подобно человѣку, готовящемуся умереть. Если бы вы знали, что вы умрете сегодня вечеромъ или просто навсегда удалитесь, то развѣ вы смотрѣли бы въ послѣдній разъ на существа и вещи такъ, какъ вы смотрѣли на нихъ до этого дня? и развѣ вы не любили бы ихъ такъ, какъ никогда не любили? Что выросло бы вокругъ васъ, добрая или злая сторона видимости? Получили ли бы вы даръ замѣчать красоту или безобразіе душъ? Развѣ все, со включеніемъ даже зла и страданій, не превратилось бы тогда въ любовь, полную самыхъ сладкихъ слезъ?" (232—235).

Но реальная сущность человѣка не исчерпывается этими добрыми и хорошими свойствами. Здѣсь Метерлинкъ также констатируетъ особаго рода двойственность. Въ глубинѣ нашего существа гнѣздятся, кромѣ любви и красоты, еще какія-то таинственныя и фатальныя силы, тѣ силы, которыя составляютъ источникъ глубокой печали человѣка. „Есть таинственныя силы, которыя царятъ въ насъ самихъ и которыя, повидимому, находятся въ согласіи съ событіями. Мы носимъ всѣхъ враговъ въ нашей душѣ. Они знаютъ, что они дѣлаютъ и что они заставляютъ насъ дѣлать; и когда они ведутъ насъ къ событію, то они насъ предупреждаютъ полусловами, слишкомъ мало, чтобы насъ остановить на пути, но достаточно, чтобы заставить насъ

жалѣть, когда будетъ слишкомъ поздно, что мы внимательно не прислушались къ ихъ нерѣшительнымъ и насмѣшливымъ совѣтамъ. Куда хотятъ онѣ придти, эти силы, которыя желаютъ нашей погибели, какъ будто онѣ независимы отъ насъ и не погибаютъ съ нами, хотя и живутъ только въ насъ? Что приводитъ въ движеніе всѣхъ этихъ сообщниковъ вселенной, которые питаются нашей кровью? Человѣкъ, для котораго пробилъ часъ несчастія, захваченъ вихремъ, котораго не замѣчаютъ, и годами эти силы комбинируютъ безчисленные случаи, которые должны его привести къ необходимой минутѣ, къ опредѣленному пункту, гдѣ его ожидаютъ слезы. Припомните всѣ ваши усилія и всѣ ваши предчувствія. Припомните безполезную помощь. Припомните также составляющія теперь предметъ сожалѣнія благопріятныя обстоятельства, которыя пытались вамъ загородить дорогу и которыя вы оттолкнули, какъ назойливыхъ нищихъ. Это были, однако, бѣдныя робкія сестры, которыя хотѣли васъ спасти и которыя удалились, ничего не говоря, слишкомъ слабыя и слишкомъ маленькія, чтобы бороться противъ рѣшенныхъ вещей, неизвѣстно куда... Едва только произошло несчастіе, какъ мы испытываемъ странное ощущеніе, что повиновались вѣчному закону; и я не знаю, какое таинственное облегченіе, среди самыхъ великихъ бѣдствій, вознаграждаетъ насъ за наше повиновеніе. Мы никогда не принадлежимъ самимъ себѣ болѣе интимно, чѣмъ на другой день послѣ непоправимой катастрофы. Тогда кажется, что мы нашли сами себя и вновь завоевали неизвѣстную и необходимую часть нашего существа. Наступаетъ особаго рода успокоеніе. Уже много дней и почти безъ нашего вѣдома, пока мы могли еще улыбаться лицамъ и цвѣтамъ, враждебныя силы нашей души ужасно боролись на краю пропасти и теперь, когда мы очутились на днѣ, все вздыхаетъ свободно“ (191—194).

Вся изложенная психологія, которой придерживается Метерлинкъ, объясняетъ намъ, почему онъ убѣжденъ, что настоящая жизнь, единственная, которая оставляетъ какой-

нибудь слѣдъ, состоитъ изъ молчанія (12). „Молчаніе есть элементъ, въ которомъ образуются великія вещи, чтобы онѣ, наконецъ, могли выйти совершенныя и величественныя на свѣтъ жизни, гдѣ онѣ будутъ господствовать. Не только Вильгельмъ Молчаливый, но всѣ значительные люди, которыхъ я зналъ, наименѣе дипломатичные и наименѣе способные къ военнымъ хитростямъ, воздерживались болтать о томъ, что они проектировали и что они создавали. И ты самъ въ твоихъ бѣдныхъ маленькихъ осложненіяхъ попытайся придержать языкъ въ теченіе одного дня; а на другой день насколько яснѣе станутъ твои планы и твои обязанности. Сколько отбросовъ и сколько грязи вымели эти нѣмые работники изъ тебя, пока не входили безполезные звуки извнѣ. Слово слишкомъ часто является не способомъ скрывать мысли, какъ говорилъ французъ, но способомъ заглушать и останавливать мысль, такъ что не остается, что скрывать. Слово также велико, но оно не самое великое. Какъ утверждаетъ швейцарская надпись: Sprechen ist Silbern, Schweigen ist Golden, слово серебро, а молчаніе—золото, или, какъ лучше было бы сказать, слово относится къ времени, а молчаніе—къ вѣчности. „Пчелы трудятся только въ темнотѣ, мысль трудится только въ молчаніи, а добродѣтель — въ тайнѣ“... Не слѣдуетъ думать, что слово когда-нибудь служитъ для настоящихъ сообщеній между существами. Губы и языкъ могутъ выражать душу такимъ же образомъ, какъ цифра или порядковый номеръ изображаютъ картину Мемлинка, напримѣръ, но лишь только мы на самомъ дѣлѣ имѣемъ нѣчто собщить другъ другу, какъ мы вынуждены молчать; и если въ такіе моменты мы противимся невидимымъ и настойчивымъ приказаніямъ молчанія, то мы сдѣлали вѣчную потерю, которую не смогутъ исправить самыя великія сокровища человѣческой мудрости, ибо мы потеряли случай послушать другую душу и дать моментъ существованія нашей; а есть вѣдь много жизней, въ которыхъ подобные случаи не представляются дважды...“ (9—11). „Я говорю

здѣсь, конечно, только объ *активномъ* молчаніи, ибо есть и пассивное молчаніе, которое является только отраженіемъ сна, смерти или небытія. Это—молчаніе, которое спитъ; и пока оно спитъ, оно еще меньше страшно, чѣмъ слово; но непредвидѣнное обстоятельство можетъ его внезапно разбудить и тогда на престолъ вступаетъ его братъ, великое активное молчаніе. Будьте осторожны. Двѣ души соприкоснутся, стѣны поколеблются, плотины прорвутся, и обычная жизнь уступитъ мѣсто жизни, въ которой все становится серьезнымъ, въ которой все беззащитно, въ которой ничто не смѣетъ смѣяться, въ которой ничто не повинуется, въ которой ничто не забывается... И такъ какъ каждый изъ насъ знаетъ это мрачное могущество и его опасную игру, то мы и боимся такъ глубоко молчанія. Мы еще кое-какъ переносимъ уединенное молчаніе, наше собственное молчаніе: но молчаніе нѣсколькихъ людей, умноженное молчаніе и особенно молчаніе толпы есть сверхъестественная тяжесть, неизъяснимаго гнета которой боятся самыя сильныя души. Мы употребляемъ большую часть нашей жизни на отысканіе мѣстъ, гдѣ не царитъ молчаніе. Лишь только сходятся два или три человѣка, они только и думаютъ объ изгнаніи невидимаго врага, ибо сколько обыкновенныхъ дружбъ не имѣютъ другой основы, кромѣ ненависти къ молчанію? И если, несмотря на всѣ усилія, оно проскользнетъ между собравшимися существами, эти существа съ безпокойствомъ повернутъ головы въ торжественную сторону вещей, которой не замѣчаютъ, и скоро они уйдутъ, уступая мѣсто неизвѣстному, и они будутъ его избѣгать въ будущемъ, такъ какъ они боятся, что вѣковая борьба станетъ тщетной еще одинъ разъ и что одинъ изъ нихъ окажется принадлежащимъ къ тѣмъ, которые въ тайнѣ открываютъ дверь врагу...“ (13—14).

Въ особенности близко стоитъ къ истинной внутренней жизни человѣка женщина. „Кажется, говоритъ Метерлинкъ, что женщина болѣе насъ подчинена судьбѣ. Она и покоряется ей съ гораздо большей простотой. Она ни-

когда искренно съ ней не борется. Она еще ближе къ Богу и съ меньшей сдержанностью предается чистому дѣйствію тайны. Вотъ почему всѣ событія, въ которыхъ она вмѣшивается въ нашу жизнь, представляются намъ ведущими къ чему-то, что походитъ на самые источники судьбы. Въ особенности около женщинъ иногда ощущаешь мимоходомъ „ясное предчувствіе“ жизни, которая не всегда кажется параллельной видимой жизни. Женщина приближаетъ насъ къ дверямъ нашего существа. Кто знаетъ, не въ одно ли изъ тѣхъ глубокихъ мгновеній, когда они спали на ея груди, герои познавали силу и вѣрность своей судьбы, и будетъ ли имѣть когда-нибудь точное чувство будущаго человѣкъ, который не отдыхалъ на сердцѣ женщины?“ (81—82). „Какъ только она любитъ, послѣдняя изъ дѣвушекъ обладаетъ чѣмъ-то такимъ, чего у насъ нѣтъ никогда, такъ какъ въ ея мысли любовь всегда вѣчна. Можетъ быть, именно поэтому онѣ всѣ имѣютъ съ первоначальными силами отношенія, которыя для насъ закрыты?.. Онѣ знаютъ вещи, которыхъ мы не знаемъ, и обладаютъ лампой, которую мы потеряли. Онѣ живутъ у самой подошвы Неизбѣжнаго и лучше насъ знаютъ дороги къ нему. Вотъ почему онѣ обладаютъ удивительной увѣренностью и изумительной важностью; видно, что въ своихъ малѣйшихъ дѣйствіяхъ онѣ чувствуютъ поддержку надежныхъ и сильныхъ рукъ великихъ боговъ... Если вы думаете ввести женщину въ заблужденіе, то знайте, что она права противъ васъ и что вы одни заблуждаетесь, ибо реально вы больше являетесь тѣмъ, что вы есть въ ея глазахъ, чѣмъ тѣмъ, за что вы себя почитаете въ душѣ, хотя она постоянно заблуждается въ смыслѣ улыбки, жеста, слезы... Онѣ поистинѣ самыя близкія родственницы безконечнаго, которое насъ окружаетъ, и однѣ еще умѣютъ ему улыбаться съ фамиліарной граціей ребенка, который не боится своего отца... Я очень сожалѣю о тѣхъ, кто на нихъ жалуется, ибо они не знаютъ, на какой высотѣ находятся настоящіе поцѣлуи. И, однако, какими незначительными онѣ кажутся, когда

мужчины смотрятъ на нихъ мимоходомъ. Они видятъ, какъ онѣ суетятся въ глубинѣ своихъ маленькихъ жилищъ; одна немного наклонилась, другая рыдаетъ, третья поетъ, послѣдняя вышиваетъ, и никто не понимаетъ, что онѣ дѣлаютъ... Такіе люди посѣщаютъ ихъ, какъ посѣщаютъ нѣчто улыбающееся; они приближаются къ нимъ не иначе, какъ съ настороженнымъ духомъ, а душа можетъ войти только самымъ случайнымъ образомъ. Они спрашиваютъ съ недовѣріемъ; онѣ ничего имъ не говорятъ, потому что онѣ уже знаютъ; и вотъ они уходятъ, пожимая плечами, убѣжденные, что онѣ не понимаютъ... Но какая имъ нужда понимать это, отвѣчаетъ поэтъ, который всегда правъ; какая имъ нужда понимать, этимъ счастливымъ душамъ, которыя избрали лучшую часть и которыя, подобно чистому пламени любви въ этомъ земномъ мірѣ, сіяютъ только на верхушкѣ храмовъ или на концѣ мачтъ блуждающихъ кораблей въ знакъ божественнаго огня, который затопляетъ всѣ вещи... То, что сказано о мистикахъ, въ особенности примѣнимо къ женщинамъ, которыя сохранили намъ на нашей землѣ до сихъ поръ мистическій смыслъ“ (84—90).

III. Судьба.

Люди склонны придавать очень большое значеніе въ своей жизни судьбѣ или року, при чемъ они постоянно упрекаютъ судьбу въ жестокости и несправедливости. Какъ мы увидимъ, Метерлинкъ не отрицаетъ аморальности судьбы. Но онъ считаетъ, тѣмъ не менѣе, необходимымъ сдѣлать нѣсколько ограничительныхъ оговорокъ по вопросу о значеніи внѣшняго фатума въ нашемъ существованіи. Общій смыслъ этихъ оговорокъ состоитъ въ томъ, что, во-первыхъ, упрекая судьбу въ несправедливости къ намъ, мы часто сами оказываемся несправедливы къ ней, представляя ей неправильный счетъ, во-вторыхъ, мы очень склонны излишне преувеличивать вообще значеніе внѣшнихъ событій нашей жизни.

Не трудно показать, что часто мы несправедливы къ самой судьбѣ. Такъ, прежде всего, мы часто ставимъ на ея счетъ такія бѣдствія, которыя оказываются дѣломъ нашихъ рукъ. Есть три наиболѣе реальныя бѣдствія, которыя могутъ постигнуть человѣка и которыя обыкновенно постигаютъ его уже до рожденія; это: абсолютная бѣдность, болѣзнь, особенно въ ея одіозныхъ формахъ, и слабость интеллекта. Но изъ этихъ бѣдствій бѣдность является, несомнѣнно, результатомъ не внѣшней судьбы, а нашихъ соціальныхъ порядковъ. Мы часто не знаемъ, почему такой-то именно человѣкъ рождается бѣднымъ, а другой богатымъ, но мы хорошо знаемъ, въ силу какихъ чисто человѣческихъ несправедливостей на этомъ свѣтѣ существуетъ слишкомъ много бѣдности, съ одной стороны, и слишкомъ много богатства, съ другой. Зачѣмъ удивляться, что океанъ не считается съ духовнымъ состояніемъ жертвы, которую онъ поглощаетъ, если мы сами не считаемся съ невинностью массы несчастныхъ бѣдняковъ, которые въ сущности являются нашими жертвами? Если же устранить бѣдность и грѣхи родителей, которые также вполнѣ отвратимы, то значительно сократится доля судьбы и въ другихъ двухъ источникахъ бѣдствій, болѣзняхъ и глупости. Конечно, необъяснимая и жестокая несправедливость останется, но ея размѣры очень уменьшатся (Temple, 22—25, 277—278.)

Далѣе, производя учетъ тому, что намъ посылаетъ судьба, мы еще въ иномъ отношеніи не вполнѣ справедливы къ ней въ веденіи этого счета. Мы очень заботливо отмѣчаемъ тѣ бѣдствія, которыя она намъ посылаетъ, не считаясь почти съ посылаемымъ счастьемъ [1]). „Если произошло какое-нибудь несчастіе, то сбѣгается вся деревня, весь городъ; но если это—поцѣлуй, если лучъ красоты поразилъ нашъ взоръ, или лучъ любви освѣтилъ наше сердце, то

---

[1]) Нельзя не отмѣтить, впрочемъ, что въ „Trésor des humbles“, стр. 184, самъ Метерлинкъ увѣряетъ, будто бы нѣтъ радостной судьбы, „нѣтъ счастливой звѣзды; звѣзда, которую такъ называютъ, только терпѣливо ждетъ“.

никто не обращаетъ вниманія. И однако поцѣлуй можетъ быть такъ же важенъ для радости, какъ рана важна для горя. Мы несправедливы, никогда не примѣшивая судьбу къ счастію“ (Sagesse, 120). Разсуждая о людяхъ, о какомъ-нибудь Эдипѣ, Сократѣ, Жаннѣ д'Аркъ, мы часто изъ-за трагической смерти какъ будто не придаемъ никакого значенія цѣлой жизни. „Кажется, будто смерть все поглощаетъ; и если тридцать лѣтъ счастія кончаются случайной смертью, то тридцать лѣтъ представляются намъ затерянными въ потемкахъ горестнаго часа“. Между тѣмъ „то, что насъ дѣлаетъ счастливыми или несчастными, помѣщается между рожденіемъ и смертью; не въ смерти, но въ дняхъ и годахъ, которые ей предшествуютъ, находится счастіе и несчастіе существа и его истинная судьба“ (121—123). Это отчасти объясняется тѣмъ, что въ несчастіяхъ мы всѣ болѣе одинаковы, чѣмъ въ счастіи, и чужое несчастіе намъ всегда почти понятно, тогда какъ чужого счастія мы иногда и оцѣнить не можемъ. „Мы видимъ только несчастія мудреца, ибо мы всѣ знаемъ, что такое несчастіе; но мы не видимъ его счастія, такъ какъ нужно быть такимъ же мудрымъ, какъ мудрецъ, и такимъ же справедливымъ, какъ справедливый, судьба котораго взвѣшивается, чтобы понять его счастіе... Въ счастіи гораздо болѣе невѣдомыхъ земель, чѣмъ въ несчастіи; несчастіе всегда говоритъ тѣмъ же голосомъ, а счастіе дѣлаетъ меньше шума по мѣрѣ того, какъ оно становится глубже“ (124—125).

Мы очень преувеличиваемъ то значеніе, которое имѣетъ въ нашей жизни независящая отъ насъ судьба.

При оцѣнкѣ событій мы слишкомъ склонны упускать изъ вида, что та сила, съ которой они на насъ дѣйствуютъ, цѣликомъ зависитъ отъ того, какъ мы сами ихъ принимаемъ. „Если бы всѣ, которые могутъ себя считать счастливыми, сказали совершенно просто о мотивахъ своего довольства, то видно было бы, что между скорбью и радостью всегда существуетъ только различіе нѣсколько болѣе улыбающагося и нѣсколько болѣе свѣтлаго пріема и враждеб-

наго и мрачнаго подчиненія, узкаго и упрямаго истолкованія и истолкованія гармоническаго и расширеннаго. Тогда несчастные воскликнули бы: „Какъ, только это? Но мы также обладаемъ элементами такого счастія въ нашемъ сердцѣ". Да, вы ими обладаете. За исключеніемъ великихъ физическихъ несчастій, всѣ ими обладаютъ. Но не говорите объ этомъ счастіи съ презрѣніемъ. Нѣтъ другого счастія. Самый счастливый человѣкъ тотъ, кто лучше всего знаетъ свое счастіе; а тотъ, кто лучше всего знаетъ свое счастіе, есть тотъ, кто глубоко понимаетъ, что счастіе отдѣлено отъ скорби только высокой, неутомимой, человѣчной и смѣлой идеей" (Sagesse, 6—7). „Со всѣми, кто насъ окружаетъ, происходятъ тысячи приключеній, въ которыхъ скрывается масса поводовъ къ героизму, и ничего героическаго не оказывается, когда приключеніе прошло. Но Іисусъ Христосъ встрѣчаетъ на пути толпу дѣтей, женщину-блудницу или самаритянку и человѣчество трижды подъ рядъ подымается на высоту Бога" (25). „Можно было бы сказать, что съ людьми случается лишь то, что они хотятъ, чтобы съ ними случилось. Мы имѣемъ, правда, только слабое вліяніе на извѣстное количество внѣшнихъ событій; но мы обладаемъ всемогущимъ воздѣйствіемъ на то, чѣмъ событія становятся въ насъ самихъ, т.-е. въ духовной части, которая и есть свѣтлая и безсмертная часть всякаго событія. Есть тысячи существъ, въ которыхъ эта духовная часть, которая можетъ родиться отъ всякой любви, отъ всякаго несчастія, отъ всякой встрѣчи, не смогла жить ни одного момента, и эти люди проходятъ, какъ обломки на рѣкѣ. Есть нѣкоторые другіе, въ которыхъ эта безсмертная часть поглощаетъ все; они представляются какъ бы островами на морѣ, ибо они нашли твердую точку, съ которой они распоряжаются внутренними судьбами, а вѣдь истинная судьба и есть внутренняя судьба. Для большинства людей то, что съ ними случается, освѣщаетъ или затемняетъ ихъ жизнь; но внутренняя жизнь тѣхъ, о комъ я говорю, одна освѣщаетъ все то, что съ ними случается. Если вы любите, то не любовь соста-

вляетъ часть вашей судьбы, а сознаніе васъ самихъ, которое вы найдете въ глубинѣ этой любви, измѣнитъ вашу жизнь. Если васъ предали, то важно не предательство, а то прощеніе, которое оно родитъ въ вашей душѣ, и болѣе или менѣе общая, болѣе или менѣе возвышенная, болѣе или менѣе сознательная природа этого прощенія повернетъ ваше существованіе въ болѣе мирную и болѣе свѣтлую сторону судьбы, гдѣ вы себя увидите лучше, чѣмъ если бы вамъ оставались вѣрными. Но если предательство не увеличило простоты, болѣе высокой довѣрчивости, протяженія любви, то васъ предали совершенно безполезно, и вы можете сказать, что ничего не случилось" (26—27). „Мы становимся въ точности тѣмъ, что мы открываемъ въ постигающемъ насъ счастіи и несчастіи, и самые неожиданные капризы счастія обыкновенно принимаютъ форму нашихъ мыслей. Можно сказать, что счастіе и несчастіе очищаются раньше, чѣмъ постучатъ въ дверь мудреца, и что они опускаютъ голову, чтобы войти въ заурядную душу" (30—31). „Горе всегда отдаетъ намъ только то, что наша душа дала ему взаймы въ счастливые дни" (97). Такимъ образомъ, каждый человѣкъ въ своей жизни находитъ, въ концѣ-концовъ, самого себя. „Не будемъ забывать, что съ нами случается лишь то, что имѣетъ одинаковую съ нами природу. Всякое переживаемое приключеніе представляется нашей душѣ въ формѣ нашихъ обычныхъ мыслей и ни одинъ героическій случай никогда не представился тому, кто уже не былъ молчаливымъ и скрытымъ героемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Взойдите на гору или спуститесь въ деревню, идите на край свѣта, или прогуливайтесь вокругъ дома и вы только самого себя встрѣтите на случайныхъ путяхъ. Если сегодня вечеромъ выходитъ Іуда, то онъ пойдетъ къ Іудамъ и найдетъ случай совершить предательство, но если дверь отворитъ Сократъ, то онъ найдетъ на порогѣ спящаго Сократа и будетъ имѣть случай быть мудрымъ. Наши приключенія бродятъ вокругъ насъ, какъ роящіяся пчелы бродятъ вокругъ улья. Они ожидаютъ, что

идея-мать выйдетъ, наконецъ, изъ нашей души, и когда она вышла, они собираются вокругъ нея. Лгите, и ложь прибѣжитъ къ вамъ; любите, и гроздь приключеній содрогнется отъ любви. Кажется, все будто ожидаетъ только внутренняго сигнала и, если наша душа становится болѣе мудрой къ вечеру, то и несчастіе, встрѣченное ею утромъ, также становится болѣе мудрымъ" (28—29).

Конечно, самый характеръ человѣка въ значительной степени опредѣляется его прошлымъ. „Наша предшествующая жизнь формируетъ нашу душу. Плоды мудрости не собираются со дня на день. Если я не жилъ, какъ Павелъ Эмилій, то ни одна изъ тѣхъ мыслей, которыя его утѣшали, меня не утѣшитъ, хотя бы всѣ мудрецы въ свѣтѣ собрались, чтобы мнѣ ихъ повторять. Ангелы, которые приходятъ утирать наши слезы, въ точности принимаютъ форму и обличіе того, что мы говорили, что мы думали и, особенно, что мы дѣлали до наступленія часа скорби... Если въ моей жизни существуютъ только воспоминанія безъ великодушія и безъ свѣта, то когда наступитъ всегда наступающій моментъ превращенія этихъ воспоминаній въ слезы, слезы эти также будутъ безъ великодушія и безъ свѣта. Наши слезы не имѣютъ самостоятельнаго цвѣта, чтобы онѣ могли отражать прошлое нашей души; то, что онѣ отражаютъ, составляетъ наше наказаніе или нашу награду. Есть только одна вещь, которая никогда не превращается въ страданіе, это—то добро, которое мы сдѣлали. Когда мы теряемъ любимое существо, то насъ заставляютъ плакать слезами, которыя не облегчаютъ, воспоминанія о моментахъ, когда мы его недостаточно любили. Если бы мы всегда улыбались существу, котораго больше нѣтъ, то мы не знали бы того, что насъ умаляетъ въ печали, и мы плакали бы такими слезами, въ которыхъ осталось бы немного сладости тѣхъ ласкъ и добродѣтелей, о которыхъ онѣ воспоминаютъ" (107—8).

Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы не имѣли власти надъ нашимъ характеромъ. Большимъ предразсудкомъ, по

мнѣнію Метерлинка, является общепринятый взглядъ, будто прошлое не находится въ нашей власти. Напротивъ, „если хорошенько подумать, то прошлое принадлежитъ намъ такъ же реально, какъ настоящее, и болѣе подлежитъ обработкѣ, чѣмъ будущее“ (Temple, 205). Мы видимъ въ нашемъ прошломъ именно то, что мы въ него помѣщаемъ въ моментъ, когда въ него смотримъ (206). „Чтобы извлечь изъ прошлаго то, что оно содержитъ драгоцѣннаго,—а оно содержитъ почти всѣ наши богатства,—слѣдуетъ подходить къ нему въ тѣ часы, когда наша сила находится во всей полнотѣ, входить хозяиномъ въ его область, выбирать тамъ то, что намъ подходитъ, и оставлять ему все остальное, запрещая ему переступать нашъ порогъ безъ нашего приказанія. Какъ и все, что живетъ въ общемъ только на счетъ нашей духовной силы, оно скоро приметъ привычку повиноваться. Можетъ быть, сначало оно попробуетъ сопротивляться. Оно будетъ прибѣгать къ хитростямъ, къ мольбамъ. Оно захочетъ насъ испытывать и попытается насъ разжалобить. Оно покажетъ намъ обманутыя надежды, радости, которыя не вернутся, заслуженные упреки, разбитыя привязанности, умершую любовь, угасающую ненависть, растраченную вѣру, потерянную красоту, все, что когда-то было лучшей поддержкой нашей жажды жизни, и всю ту грусть, которую теперь скрываютъ его развалины, все погибшее счастіе. Но мы пройдемъ мимо этого, не поворачивая головы, отстраняя рукой тысячу воспоминаній, какъ мудрый Улиссъ въ Киммерійской ночи при помощи своего меча отгонялъ отъ черной крови, которая должна была ихъ оживить и дать на моментъ слово, всѣ тѣ тѣни мертвыхъ, даже тѣнь своей матери, которыхъ ему не было положено спрашивать; мы пойдемъ прямо къ той радости, къ тому сожалѣнію, къ тому угрызенію, совѣтъ котораго намъ необходимъ; мы будемъ ставить вполнѣ опредѣленные вопросы такой-то несправедливости, потому ли, что мы желаемъ ее исправить, если это еще осуществимо, или потому, что мы хотимъ получить при видѣ другой, кото-

рую мы совершили и жертвы которой уже не существуютъ, силу, необходимую для того, чтобы подняться выше несправедливостей, которыя мы чувствуемъ себя въ состояніи совершить сегодня“ (210—21). Вѣдь всѣ „преступленія, которыя мы совершили, на самомъ дѣлѣ выходятъ изъ нашей жизни, лишь только мы чувствуемъ, что никакое искушеніе, никакая сила въ свѣтѣ не заставитъ насъ совершить нѣчто подобное. Они не прощаются во внѣ, ибо мало вещей забывается и прощается во внѣшней сферѣ; они продолжаютъ производить матеріальныя послѣдствія, ибо законы причинъ и слѣдствій чужды законамъ нашей совѣсти. Но передъ трибуналомъ нашей совѣсти, единственнымъ, который имѣетъ рѣшительное воздѣйствіе на нашу неприступную жизнь, единственнымъ, который насъ судитъ дѣйствительно до мозга костей и рѣшенія котораго мы не можемъ обойти, дурной поступокъ, который мы разсматриваемъ съ болѣе высокаго мѣста, чѣмъ то, гдѣ онъ былъ совершенъ, есть поступокъ, который существуетъ лишь для того, чтобы сдѣлать для насъ спускъ болѣе труднымъ и который съ этихъ поръ можетъ вставать передъ нами только въ тотъ моментъ, когда мы снова склоняемся къ пропасти, которая его хранитъ“ (212).

Такимъ образомъ, въ очень значительной степени каждый человѣкъ оказывается хозяиномъ своего счастія и можетъ самъ себѣ его создавать. Конечно, зависимость человѣка отъ внѣшней судьбы вполнѣ этимъ не устраняется. Метерлинкъ признаетъ, что при прочихъ равныхъ условіяхъ есть люди болѣе удачливые, которымъ везетъ, и люди неудачливые, которымъ не везетъ (Temple, 251). Еще въ „Сокровищѣ смиренныхъ“ онъ обрисовалъ намъ портретъ человѣка, состояніе котораго шотландскіе крестьяне называютъ Fey; это такое состояніе человѣка, когда неотразимое внутреннее влеченіе, несмотря на всѣ усилія, несмотря на всѣ совѣты и помощь, неудержимо ведетъ человѣка къ неизбѣжной катастрофѣ. Въ такомъ состояніи Яковъ I, Яковъ Екатерины Дугласъ, отправился, несмотря на ужас-

ныя предзнаменованія земли, ада и неба, провести рождественскіе праздники въ темномъ Пертскомъ замкѣ, гдѣ его ожидалъ предатель-убійца (189—190).

Но даже и такого рода удачливость или неудачливость человѣка, по оригинальной теоріи Метерлинка, также въ извѣстной степени зависитъ отъ самого человѣка. Для того, чтобы это понять, слѣдуетъ только разобраться въ характерѣ той реальной жизни каждаго человѣка, о которой столько говорилось въ „Сокровищѣ смиренныхъ“ и которая, какъ мы уже знаемъ, протекаетъ рядомъ съ видимой кажущейся жизнью, составляя ея невидимую основу. Нужно углубиться въ „святая святыхъ“ Погребеннаго храма, куда направляются наши самыя сокровенныя мысли и силы, которыя находятся подъ ними и которыхъ мы не знаемъ, куда онѣ входятъ и откуда выходятъ безъ нашего вѣдома и гдѣ онѣ ощупью ищутъ таинственнаго пути, ведущаго къ будущимъ событіямъ“ (Temple, 293—294). Въ этомъ „Погребенномъ храмѣ“, по мнѣнію Метерлинка, скрывается знаніе будущаго и только не у всѣхъ людей въ одинаковой степени присутствуетъ способность съ нимъ сообщаться.

„Я думаю, говоритъ Метерлинкъ, что объясненія нашей удачливости и неудачливости слѣдуетъ искать въ нашей безсознательной жизни,—огромной, неистощимой, неизмѣримой и божественной. Въ насъ находится существо, которое и есть наше настоящее я, наше первородное я, незапамятное, безграничное, всеобщее и, вѣроятно, безсмертное. Нашъ интеллектъ, который есть лишь нѣчто фосфоресцирующее на этомъ внутреннемъ океанѣ, знаетъ его только несовершенно. Но съ каждымъ днемъ онъ узнаетъ все больше, что тамъ, безъ сомнѣнія, скрывается тайна всѣхъ человѣческихъ феноменовъ, которыхъ онъ до сихъ поръ не понялъ. Это безсознательное существо живетъ на другомъ планѣ и въ другомъ мірѣ, чѣмъ нашъ интеллектъ. Оно не знаетъ времени и пространства, этихъ двухъ грозныхъ и призрачныхъ стѣнъ, между которыхъ долженъ протекать нашъ разумъ подъ опасеніемъ потеряться. Для него

нѣтъ ни близости, ни отдаленія, ни прошлаго, ни будущаго, ни сопротивленія матеріи. Оно знаетъ все и можетъ все. Впрочемъ, всегда въ разныхъ степеняхъ допускали и это знаніе и это могущество и его проявленіямъ давали имена инстинкта, безсознательнаго, подсознательнаго, рефлективныхъ движеній, интуиціи, предчувствія и т. п. Ему именно приписываютъ эту неопредѣленную и часто чудесную силу тѣхъ изъ нашихъ нервовъ, которые не служатъ прямо къ производству нашего разума и нашей воли; эта сила и есть, повидимому, существенный флюидъ, ультра-фіолетовый лучъ универсальной жизни. Вѣроятно, этотъ флюидъ, приблизительно, одинаковой природы у всѣхъ людей. Но онъ весьма различнымъ способомъ сообщается съ интеллектомъ. У однихъ этотъ неизвѣстный принципъ остается такъ глубоко погребеннымъ, что онъ занимается только физическими функціями и поддержаніемъ рода. У другихъ, напротивъ, онъ, повидимому, всегда бодрствуетъ и часто поднимается до такой степени, что своимъ феерическимъ присутствіемъ задѣваетъ поверхность внѣшней и сознательной жизни; по всякому поводу онъ вступается, предвидитъ, предостерегаетъ, рѣшаетъ и вмѣшивается во всѣ преобладающія событія жизни. Откуда происходитъ эта способность? Этого нельзя сказать. Здѣсь нѣтъ неподвижныхъ и опредѣленныхъ законовъ. Напримѣръ, не открываютъ никакого постояннаго соотношенія между активностью безсознательнаго и развитіемъ интеллекта. Эта активность повинуется правиламъ, которыя намъ неизвѣстны. Въ данный моментъ, при данномъ состояніи нашихъ знаній она представляется совершенно случайной. Ее встрѣчаютъ у одного и не встрѣчаютъ у другого, но ничто не позволяетъ намъ подозрѣвать причину этого различія" (Temple 257—259).

Въ случаѣ какой-нибудь катастрофы или, наоборотъ, счастливаго событія происходитъ слѣдующее. Безсознательная основа человѣка, для которой не существуетъ пространства и времени, знаетъ эту катастрофу или эту счастливую случайность впередъ, такъ какъ ей все уже дано, какъ то,

что для нашего сознанія лежитъ въ прошедшемъ и настоящемъ, такъ и то, что для него скрыто въ будущемъ. Если интеллектъ даннаго человѣка сообщается съ этой безсознательной сферой болѣе или менѣе хорошо, то она тѣмъ или другимъ путемъ предостережетъ его объ имѣющемъ совершиться событіи. Предостереженіе это можетъ быть дано въ разной формѣ, но человѣкъ, который его послушается, избѣжитъ катастрофы. И такихъ людей довольно много. Такъ, если кораблю, отправляющемуся въ плаваніе, грозитъ крушеніе, то, увѣряетъ Метерлинкъ, изъ 50 нормальныхъ пассажировъ на немъ отправится только человѣкъ 20, и притомъ среди нихъ будутъ такіе люди, которые не собирались на немъ плыть, а большинство собиравшихся не поѣдетъ. У нѣкоторыхъ будетъ ясное предчувствіе несчастія, другихъ задержатъ непредвидѣнныя затрудненія, третьихъ—болѣзни или ошибка въ пути и т. п. Вотъ почему, продолжаетъ увѣрять нашъ авторъ, при всѣхъ катастрофахъ количество жертвъ всегда ниже, чѣмъ можно бы было ожидать при нормальномъ ходѣ вещей, такъ что газетные отчеты всегда содержатъ въ себѣ фразу, указывающую на то, что, произойди катастрофа минутой раньше, количество жертвъ было бы неизмѣримо больше, или, будь число путешественниковъ нормальнымъ, несчастіе было бы еще ужаснѣе и т. п. Исключеніе составляютъ лишь такія катастрофы, гдѣ бѣдствіе вызывается не столько дѣйствіемъ силъ природы, сколько человѣческой паникой, какъ, напр., пожары театровъ.

Но есть такіе люди, у которыхъ сообщеніе подсознательной сферы съ сознательной жизнью организовано очень плохо. Эти люди и становятся жертвою несчастій, принадлежатъ къ категоріи неудачниковъ. Когда всѣ бѣгутъ, они остаются на мѣстѣ. Когда другіе удаляются, они довѣрчиво приближаются. Они безошибочно садятся въ поѣздъ, которому грозитъ крушеніе, въ надлежащій часъ проходятъ мимо башни, которая обвалится, входятъ въ домъ, гдѣ уже показался огонь, проходятъ лѣсомъ, въ который ударитъ молнія, несутъ все свое состояніе банкиру, который соби-

рается бѣжать, любятъ ту единственную женщину, которой имъ слѣдовало бы избѣгать. Напротивъ, когда дѣло идетъ о счастіи, когда всѣ сбѣгаются, они проходятъ мимо, не слыша призыва благосклонныхъ силъ, и, никогда не предупреждаемые, полагаясь только на совѣты своего интеллекта, старшаго руководителя, очень мудраго, но почти слѣпого, знающаго только маленькія тропинки у подошвы горы, они блуждаютъ въ мірѣ, котораго человѣческій разумъ еще не понялъ. Они могутъ, конечно, обвинять судьбу, но только за то, что она такъ разобщила ихъ съ тѣмъ совѣтчикомъ, указаніямъ котораго слѣдуютъ ихъ братья. Ихъ никто не обманываетъ, но они сами обманываются. Никто ихъ и не преслѣдуетъ, но только ихъ безсознательная душа не исполняетъ своихъ обязанностей (Temple, 259—266).

Пользуясь этимъ свойствомъ безсознательнаго, нѣкоторые люди болѣе или менѣе удачно предсказываютъ будущее. Этого они достигаютъ тѣмъ путемъ, что вступаютъ въ сообщеніе съ безсознательной сферой другихъ людей и въ ней прочитываютъ то, что имъ слѣдуетъ знать. Конечно, въ безсознательной сферѣ человѣка написано лишь то будущее, которое лично его касается. Мы не прочитаемъ тамъ о судьбѣ планетъ, земли, царствъ, народовъ и расъ. Если человѣку удается самому воспитать свое безсознательное и заставить его лучше сообщаться съ интеллектомъ, то онъ перестаетъ быть неудачникомъ. Если бы люди вступили въ болѣе тѣсное и правильное общеніе съ подсознательной сферой, то будущее, которое, какъ таковое, есть только феноменъ нашего сознанія, но не настоящая реальность, было бы намъ всѣмъ прекрасно извѣстно. И въ этомъ Метерлинкъ не видитъ ничего необыкновеннаго. „Можно даже поставить вопросъ, говоритъ онъ, не послужила ли бы наша необыкновенная неспособность знать столь простую и столь неоспоримую вещь, столь совершенную и столь необходимую, какъ будущее, однимъ изъ самыхъ главныхъ поводовъ для удивленія жителю другой звѣзды, если бы онъ насъ посѣтилъ?“ (Temple, 306).

Метерлинкъ убѣжденъ, что ходъ событій нисколько не измѣнился бы, если бы мы знали впередъ будущее. „Во-первыхъ, знали бы будущее или часть будущаго только тѣ, которые дали бы себѣ трудъ его узнать, точно такъ же, какъ знаютъ прошедшее или часть своего собственнаго настоящаго лишь тѣ, которые имѣютъ смѣлость и разумѣніе, чтобы его допрашивать. Мы очень быстро приспособились бы къ урокамъ этой новой науки точно такъ же, какъ мы приспособились къ урокамъ исторіи. Мы скоро начали бы дѣлать часть зла, котораго могли бы избѣжать, такъ же, какъ и зла неизбѣжнаго. Самые мудрые уменьшили бы для себя итогъ зла, а другіе пошли бы навстрѣчу ему, какъ они и сейчасъ идутъ навстрѣчу несчастіямъ извѣстнымъ, которыя легко предсказать. Сумма нашихъ непріятностей уменьшилась бы, но менѣе, чѣмъ можно было бы надѣяться; вѣдь и теперь нашъ разумъ умѣетъ предвидѣть часть нашего будущаго, если не съ очевидностью матеріальной, о которой мы мечтаемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ моральной увѣренностью, часто удовлетворительной; но мы замѣчаемъ, что большинство людей вовсе не пользуются этими столь легкими предвидѣніями. Они пренебрегли бы и совѣтами будущаго, какъ они слушаютъ, не слѣдуя имъ, совѣты прошедшаго“ (Temple, 307—308).

IV. Мудрость.

Изъ всѣхъ предыдущихъ разсужденій ясно, что человѣкъ вовсе не всецѣло зависитъ отъ внѣшняго рока, но въ значительной степени носитъ свою судьбу въ самомъ себѣ. Метерлинкъ не сомнѣвается, что у человѣка существуетъ особое назначеніе въ мірѣ, и считаетъ возможнымъ вывести это назначеніе изъ самой природы человѣка. Хорошо развивается эта идея въ заключительныхъ строкахъ „Жизни пчелъ“. „Пчелы даютъ намъ здѣсь превосходный урокъ, какъ и всякій урокъ природы. Для нихъ на самомъ дѣлѣ существуетъ чудесное вмѣшательство. Онѣ въ гораздо болѣе

явной степени, чѣмъ мы, преданы въ руки воли, которая можетъ уничтожить или видоизмѣнить ихъ расу или передѣлать ихъ судьбу. Тѣмъ не менѣе онѣ слѣдуютъ своему примитивному и глубокому долгу. И именно тѣ изъ нихъ, которыя лучше всего повинуются этому долгу, оказываются наилучше подготовленными къ тому, чтобы воспользоваться сверхъестественнымъ вмѣшательствомъ, которое въ настоящее время подымаетъ судьбу ихъ вида. И вѣдь гораздо легче, чѣмъ это думаютъ, открыть непобѣдимый долгъ любого существа. Его всегда можно прочитать въ томъ органѣ, который его отличаетъ и которому подчинены всѣ другіе. Точно такъ же, какъ написано въ языкѣ, во рту и въ желудкѣ пчелъ, что онѣ должны производить медъ, такъ написано въ нашихъ глазахъ, въ нашихъ ушахъ, въ мозгу нашихъ костей, во всѣхъ доляхъ нашей головы, во всей нервной системѣ нашего тѣла, что мы созданы, чтобы переработывать все, поглощаемое нами изъ земныхъ благъ, въ особую энергію, единственную по своему качеству на этомъ шарѣ. Никакое существо, сколько я знаю, не было создано, чтобы производить, подобно намъ, этотъ странный флюидъ, который мы называемъ мыслью, интеллектомъ, пониманіемъ, разумомъ, душой, духомъ, мозговой силой, добродѣтелью, добротой, справедливостью, знаніемъ; ибо у него много именъ, хотя одно и то же существо. Все въ насъ принесено ему въ жертву. Наши мускулы, наше здоровье, подвижность нашихъ членовъ, равновѣсіе нашихъ животныхъ функцій, спокойствіе нашей жизни, все это въ возрастающей степени подвержено стѣсненіямъ отъ его преобладанія. Онъ является самымъ драгоцѣннымъ и самымъ труднымъ состояніемъ, до котораго можно поднять матерію. Пламя, теплота, свѣтъ, самая жизнь, далѣе инстинктъ болѣе тонкій, чѣмъ жизнь, и большая часть неуловимыхъ силъ, которыя увѣнчивали міръ до нашего появленія, поблѣднѣли при соприкосновеніи съ новымъ истеченіемъ. Мы не знаемъ, куда оно насъ ведетъ, что оно сдѣлаетъ съ нами и что мы сдѣлаемъ съ нимъ. Оно само насъ этому научитъ,

когда будетъ царствовать во всей полнотѣ своихъ силъ. Въ ожиданіи будемъ думать только о томъ, чтобы дать ему все, что оно у насъ спрашиваетъ, пожертвовать ему всѣмъ, что могло бы замедлить его расцвѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ данный моментъ это—первый и самый очевидный нашъ долгъ. Онъ намъ объяснитъ, въ чемъ состоятъ другія обязанности. Онъ ихъ будетъ питать и продолжать по мѣрѣ того, какъ самъ будетъ получать питаніе, подобно тому, какъ вода съ высотъ питаетъ и продолжаетъ ручейки поляны по мѣрѣ таинственнаго питанія, получаемаго съ вершины. Не будемъ мучиться тѣмъ, что мы не знаемъ, кто же воспользуется силой, которая такимъ образомъ накопляется на нашъ счетъ. Пчелы вѣдь не знаютъ, будутъ ли онѣ ѣсть тотъ медъ, который собираютъ. И мы также не знаемъ, кто воспользуется духовной мощью, которую мы вносимъ во вселенную. Какъ онѣ переходятъ съ цвѣтка на цвѣтокъ, чтобы собрать больше меду, чѣмъ требуется имъ самимъ и ихъ дѣтямъ, такъ и мы пойдемъ отъ реальности къ реальности искать всего, что можетъ дать пищу этому непонятному пламени, чтобы быть готовыми ко всякому событію, питая увѣренность въ выполненіи органическаго долга. Будемъ его питать нашими чувствами, нашими страстями, всѣмъ, что видится, слышится, понимается, осязается, и его собственной сущностью, которая есть идея, извлекаемая изъ открытій, опытовъ, наблюденій, выносимыхъ изъ всего посѣщаемаго нами. Тогда наступитъ моментъ, когда все повернется такъ естественно ко благу для всякаго духа, подчинившагося добровольно дѣйствительно человѣческому долгу, что самое подозрѣніе, будто усилія, которыя онъ прилагаетъ, быть можетъ, не имѣютъ цѣли, сдѣлаетъ еще болѣе яснымъ, еще болѣе увѣреннымъ, еще болѣе безкорыстнымъ, болѣе независимымъ и болѣе благороднымъ пылъ исканія" („La vie des abeilles", 303—306). „Никогда не будемъ забывать, что, каково бы ни было наше назначеніе на этой землѣ, какова бы ни была цѣль нашихъ усилій и нашихъ надеждъ, результатъ нашихъ скорбей и нашихъ радостей,

мы прежде всего слѣпые хранители жизни. Вотъ единственная вещь абсолютно вѣрная, вотъ единственная твердая точка въ человѣческой морали. Намъ дали жизнь, мы не знаемъ, зачѣмъ, но, очевидно, не для того, чтобы ее ослаблять или терять. Мы представляемъ притомъ совершенно спеціальную форму жизни на этой планетѣ: жизнь мысли, жизнь чувствъ; вотъ почему все, что склонно уменьшать пылъ мысли, пылъ чувства, вѣроятно, ненормально. Итакъ, будемъ стараться дѣлать активнымъ, украшать, расширять этотъ пылъ; прежде всего, увеличимъ нашу вѣру въ величіе, въ мощь и въ назначеніе человѣка. Правда, я могъ бы сказать также: въ его ничтожность, слабость, его нищету. Столь же увлекательно быть грандіозно несчастнымъ, какъ быть грандіозно счастливымъ. Въ концѣ-концовъ, не важно, что такое человѣкъ и что такое вселенная, которая намъ кажется восхитительной, лишь бы что-нибудь казалось намъ восхитительнымъ, и мы оживляли нашу вѣру въ безконечное. Звѣзда, которую открываютъ, прибавляетъ болѣе одного луча къ мыслямъ, къ страстямъ, къ смѣлости человѣка. Все, что мы видимъ прекраснаго въ томъ, что насъ окружаетъ, уже прекрасно въ нашемъ сердцѣ, все что мы находимъ обожаемымъ и великимъ въ насъ самихъ, мы въ то же время находимъ и въ другихъ. Если моя душа, пробуждаясь этимъ утромъ, встрѣтила въ мысляхъ своей любви идею, которая ее приближаетъ немного къ Богу, который есть только самое прекрасное изъ ея желаній, то я вижу, какъ дрожитъ эта идея въ нищемъ, который сейчасъ проходитъ подъ моими окнами, и я его люблю больше, такъ какъ знаю больше“ (Sagesse, 170—171).

Истинную силу человѣкъ находитъ въ самомъ себѣ, именно когда онъ идетъ указаннымъ путемъ. „Рядомъ съ тѣми, кто угнетенъ людьми и событіями, есть на самомъ дѣлѣ другія существа, въ которыхъ имѣется нѣчто вродѣ внутренней силы, которой подчиняются не только люди, но даже окружающія ихъ событія. Они сознаютъ эту силу; и эта сила есть не что иное, какъ чувство самого себя, которое су-

мѣло расшириться за предѣлы обычнаго людямъ сознанія. Мы находимся у себя самихъ, мы защищены отъ капризовъ случая, мы счастливы и сильны только въ предѣлахъ нашего сознанія... Существо растетъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно увеличиваетъ свое сознаніе, а сознаніе его увеличивается въ той мѣрѣ, въ какой оно растетъ. Здѣсь имѣется удивительный обмѣнъ; какъ любовь питаетъ ненасытную жадность къ любви, такъ всякое сознаніе ненасытно жадно къ расширенію, къ моральному подъему, и всякій моральный подъемъ ненасытно жаденъ къ сознанію" (Sagesse, 22—23). „Но расширеніе сознанія должно быть желаемо только изъ-за все болѣе и болѣе высокаго безсознательнаго, которое оно разоблачаетъ; и на вершинахъ этого новаго безсознательнаго находятся источники самой чистой мудрости... Мы никогда не выходимъ изъ безсознательнаго, но мы можемъ постоянно улучшать качество того безсознательнаго, которое насъ омываетъ" (64—5).

Мудрость есть единственное средство для человѣка стать независимымъ отъ судьбы. „По мѣрѣ того, какъ мы становимся мудрыми, мы избавляемся отъ нѣкоторыхъ нашихъ инстинктивныхъ участей. Есть въ каждомъ существѣ извѣстное стремленіе къ мудрости, которое можетъ переработать въ сознаніе большую часть случайностей его жизни. А то, что переработано въ сознаніе, уже не принадлежитъ враждебнымъ силамъ. Страданіе, которое ваша душа перемѣнила въ нѣжность, въ снисхожденіе или въ терпѣливыя улыбки, есть страданіе, которое уже не вернется безъ духовныхъ украшеній; ошибка или недостатокъ, на которые вы посмотрѣли прямо, есть ошибка и недостатокъ, которые не могутъ болѣе вамъ вредить, и которые не могутъ болѣе вредить другимъ. Существуютъ постоянныя отношенія между инстинктомъ и судьбой; они другъ друга поддерживаютъ и они бродятъ рука объ руку вокругъ невнимательнаго человѣка. Но всякое существо, которое умѣетъ уменьшить въ себѣ слѣпую силу инстинкта, уменьшаетъ вокругъ себя силу судьбы. Кажется, что оно создаетъ нѣ-

что вродѣ убѣжища, неприкосновеннаго въ мѣру его мудрости, и тѣ, кто случайно проходитъ въ освѣщенной зонѣ его пріобрѣтеннаго сознанія, не должны бояться случая, пока они пребываютъ въ этой зонѣ. Помѣстите Сократа или Іисуса Христа среди Атридовъ,—и Орестія не произойдетъ, пока они находятся во дворцѣ Агамемнона; если бы они сидѣли на порогѣ жилища Іокасты, Эдипъ не подумалъ бы выколоть себѣ глаза. Есть несчастія, которыхъ судьба не смѣетъ предпринимать въ присутствіи души, которая болѣе одного раза ее побѣдила, и мудрецъ, который проходитъ, прерываетъ тысячу драмъ" (32—33). „Присутствіе мудреца парализуетъ судьбу; это настолько вѣрно, что не существуетъ, можетъ быть, ни одной драмы, гдѣ являлся бы настоящій мудрецъ, а если таковой появляется, то событія сами собою останавливаются раньше слезъ и крови. Не только нѣтъ драмъ между мудрецами, но очень рѣдко возникаетъ драма вокругъ мудреца. Невозможно вообразить, чтобы трагическое событіе развилось между существами, которыя серьезно ознакомились со своей совѣстью, и герои большихъ трагедій обладаютъ душами, которыя они никогда не подвергали серьезному вопросу... Единственная драма мудреца находится въ Федонѣ, въ Прометеѣ, въ страданіяхъ Христа, въ убійствѣ Орфея или жертвѣ Антигоны. Но, оставивъ въ сторонѣ эту драму, единственную драму мудрости, мы замѣтимъ, что трагическіе поэты очень рѣдко осмѣливаются позволить мудрецу хоть на моментъ показаться на сценѣ. Они боятся высокой души, такъ какъ событія ея боятся" (Sagesse, 34—35). „Гдѣ находится фатальность въ „Гамлетѣ", въ „Королѣ Лирѣ", въ „Макбетѣ"? Развѣ ея тронъ не поставленъ въ самомъ центрѣ безумія стараго короля, на низшихъ ступеняхъ воображенія молодого принца и на вершинѣ болѣзненныхъ желаній Кавдорскаго тана? Не будемъ говорить ни о послѣднемъ, ни объ отцѣ Корделіи, слишкомъ очевидная безсознательность которыхъ никѣмъ не будетъ оспариваться, но мыслитель Гамлетъ является ли мудрымъ? Видитъ ли онъ съ до-

статочной высоты Эльсинорскія преступленія? Онъ ихъ видитъ, какъ кажется, съ высотъ интеллекта, но развѣ высоты извѣстныхъ чувствъ, высоты доброты, довѣрія, снисхожденія и любви въ свѣтлой цѣпи горъ мудрости не господствуютъ надъ высотами интеллекта? Что сталось бы съ нимъ, еслибъ онъ разсматривалъ злодѣянія Эльсинора съ высотъ, съ которыхъ ихъ бы разсматривали, напримѣръ, Маркъ Аврелій или Фенелонъ?...Что влечетъ Гамлета, какъ не слѣпая мысль, которая говоритъ ему, будто месть есть единственный долгъ? Но развѣ требовалось по истинѣ нечеловѣческое усиліе, чтобы сознать, что месть никогда не является долгомъ? Я повторяю, Гамлетъ много думаетъ, но онъ вовсе не мудрецъ. Онъ, повидимому, и не подозрѣваетъ, гдѣ находится дефектъ въ кирасѣ судьбы. Не достаточно вооружиться самыми высокими мыслями, чтобы одержать надъ ней побѣду, ибо судьба умѣетъ высокимъ мыслямъ противопоставлять еще болѣе высокія; но какая судьба могла когда-нибудь сопротивляться мыслямъ нѣжнымъ, простымъ, добрымъ и честнымъ? Единственный способъ поработить судьбу состоитъ въ томъ, чтобы дѣлать противное тому злу, которое она хотѣла насъ заставить сдѣлать. Нѣтъ неотвратимой драмы... Не будемъ вмѣшивать судьбу туда, гдѣ мысль можетъ еще обезоружить убійственныя силы. Ей остается довольно хорошая часть. Я вновь нахожу царство судьбы въ стѣнѣ, которая падаетъ мнѣ на голову, въ бурѣ, которая ломаетъ корабли, въ эпидеміи, поражающей тѣхъ, кого я люблю. Но она никогда не входитъ въ душу человѣка, который ея не зоветъ“ (42—45). „Надъ чѣмъ мы господствуемъ въ насъ самихъ, надъ этимъ мы господствуемъ во всѣхъ, кто къ намъ приближается. Возлѣ справедливаго образуется большой мирный кругъ, куда стрѣлы зла понемногу теряютъ привычку проходить. Моральныя страданія, которыя его постигаютъ, не зависятъ больше отъ людей. Вѣрно въ буквальномъ смыслѣ, что ихъ злоба можетъ заставить насъ плакать только въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ мы еще не потеряли желанія заста-

влять плакать нашихъ враговъ. Если стрѣлы зависти заставляютъ насъ еще страдать, то это потому, что мы сами могли бы еще пускать эти стрѣлы; если предательство вызываетъ у насъ слезы, то это потому, что мы въ себѣ еще имѣемъ способность предательства. Нельзя ранить душу иначе, какъ наступательнымъ оружіемъ, котораго она еще не бросила на великій костеръ любви" (184—5).

Конечно, никакая мудрость не можетъ избавить человѣка отъ страданій; его будутъ постигать несчастія въ видѣ смерти любимыхъ существъ, измѣны друзей, разочарованій и т. п. Такимъ образомъ „мудрецъ страдаетъ также. Онъ страдаетъ, и страданіе есть одинъ изъ элементовъ мудрости. Онъ страдаетъ, быть можетъ, болѣе, чѣмъ другой человѣкъ, такъ какъ онъ—человѣкъ болѣе полный. Онъ страдаетъ больше, потому что человѣкъ тѣмъ болѣе страдаетъ, чѣмъ менѣе онъ одинокъ, а чѣмъ болѣе человѣкъ мудръ, тѣмъ менѣе ему кажется, что онъ одинокъ. Онъ будетъ страдать своимъ тѣломъ, своимъ сердцемъ и своимъ духомъ, такъ какъ есть части тѣла, сердца и духа, которыхъ никакая мудрость въ свѣтѣ не можетъ избавить отъ власти судьбы. Поэтому не страданій слѣдуетъ избѣгать, но упадка духа и тѣхъ цѣпей, которыя страданіе приноситъ тому, кто его принимаетъ, какъ господина, а не какъ вѣстника болѣе важнаго лица, которое поворотъ дороги еще скрываетъ отъ нашихъ глазъ. Конечно, мудрецъ, совершенно какъ и его сосѣдъ, будетъ внезапно разбуженъ ударами, которыми докучливый вѣстникъ будетъ потрясать стѣны его жилища. Придется ему сойти и говорить. Но, говоря съ посѣтителемъ, онъ болѣе одного раза посмотритъ черезъ плечо утренняго несчастія, чтобы поискать въ пыли горизонта великую идею, которой оно, быть можетъ, предшествуетъ. Въ сущности, когда объ этомъ думаешь среди счастія, то несчастіе, которымъ насъ можетъ наградить судьба, кажется намъ довольно маленькимъ. Я признаю, что когда несчастіе наступитъ, то пропорціи измѣнятся, но не менѣе вѣрно, что, если бы оно захотѣло угасить въ насъ постоянный

очагъ мужества, было бы необходимо, чтобы ему удалось унизить окончательно въ глубинѣ нашего сердца все, что мы любимъ, все, чему мы удивляемся, все, что мы обожаемъ. А какая посторонняя сила сможетъ унизить чувство и идею, если мы сами не низводимъ ее съ престола? Помимо физическихъ страданій, существуетъ ли страданіе, которое могло бы насъ коснуться иначе, какъ черезъ наши мысли? А кто же доставляетъ нашимъ мыслямъ оружіе, при помощи котораго онѣ на насъ нападаютъ или насъ защищаютъ? Люди мало страдаютъ отъ самаго страданія, но они страшно страдаютъ отъ того, какъ они его принимаютъ. „Онъ былъ несчастенъ по своей винѣ, говоритъ Анатоль Франсъ объ одномъ изъ тѣхъ, которые никогда не глядятъ черезъ плечо жестокаго вѣстника; онъ былъ несчастенъ по своей винѣ, ибо всѣ истинныя бѣдствія суть внутреннія и причиняются нами самими. Мы ошибочно думаемъ, что они приходятъ извнѣ. Мы ихъ сооружаемъ внутри насъ, изъ нашей собственной сущности“ (Sagesse, 94—96). „Можно сказать, что наша цѣнность опредѣляется цѣнностью нашихъ безпокойствъ и нашей меланхоліи. По мѣрѣ того, какъ мы двигаемся впередъ, они дѣлаются болѣе глубокими, болѣе благородными и болѣе прекрасными; Маркъ Аврелій— самый значительный изъ людей, потому что онъ лучше всякаго другого понялъ, сколько вложила наша душа въ бѣдную покорную улыбку, которую она должна имѣть въ глубинѣ насъ“ (Trésor, 185). „Только тѣ могутъ считать себя въ безопасности, къ кому захотѣли бы придти плакать всѣ, кто плачетъ. Есть на свѣтѣ существа, внутреннюю улыбку которыхъ мы замѣчаемъ только съ того момента, когда слезы, омывшія наши взгляды до самыхъ таинственныхъ ихъ источниковъ, научатъ насъ различать присутствіе счастія, которое рождается не отъ минутнаго благоволенія или вдохновенія, но отъ расширеннаго принятія жизни. Здѣсь, какъ и во многихъ случаяхъ, стремленіе и необходимость обостряютъ наши чувства. Голодная пчела находитъ медъ, спрятанный въ самыхъ глубокихъ пещерахъ; и плачущая

душа окончательно замѣчаетъ радость, которая скрывается въ самомъ неприступномъ убѣжищѣ или непроницаемомъ молчаніи“ (Sagesse, 262—3).

„Страданія, сожалѣнія, слезы и т. д., все это—сходныя имена, которыя обозначаютъ несходныя вещи. Если мы проникнемъ глубоко въ смыслъ этихъ словъ, то мы признаемъ, что мы такъ называемъ только слѣды нашихъ ошибокъ и что тамъ, гдѣ наши ошибки были благородны,—ибо есть благородныя ошибки, такъ же, какъ есть маленькія добродѣтели,—наше несчастіе будетъ ближе къ настоящему счастію, чѣмъ счастіе тѣхъ, кто счастливъ, не расширивъ своего сознанія. Думаете ли вы, что Карлейль пожелалъ бы промѣнять свое несчастіе, которое распускалось какъ огромный и нѣжный цвѣтокъ въ его душѣ, на супружеское счастіе безъ горизонта и безъ свѣта своихъ сосѣдей въ Чельзи? А горе Эрнста Ренана, когда онъ потерялъ свою сестру Генріэтту, развѣ оно не лучше для души, чѣмъ отсутствіе горя у тысячи другихъ, которые не умѣли любить свою сестру? Слѣдуетъ ли жалѣть того, кто вечерами плачетъ на берегу безбрежнаго моря, или тѣхъ, кто безсмысленно улыбается всю свою жизнь въ глубинѣ маленькой комнаты? „Счастіе, несчастіе“; если бы мы только могли на мгновеніе выйти изъ себя самихъ и отвѣдать несчастія героя, многіе ли изъ насъ безъ сожалѣнія вернулись бы къ своему узкому счастію?“ (Sagesse, 111).

Даже изъ своихъ разочарованій мудрецъ умѣетъ извлечь счастіе. „Часто мы несправедливы къ разочарованіямъ. Имъ приписываютъ печальное, блѣдное, обезкураженное лицо; на самомъ дѣлѣ они, напротивъ, первыя улыбки истины. Вы—человѣкъ доброй воли, вы стремитесь быть справедливымъ, полезнымъ, мудрымъ и счастливымъ, но, если разочарованіе васъ огорчаетъ, то, значитъ, вы сожалѣете о лжи, въ которой вы находились? Развѣ вы предпочитаете жить въ мірѣ вашихъ заблужденій и вашихъ грезъ, а не въ мірѣ реальности? Лучшіе часы лучшихъ воль слишкомъ часто теряются въ борьбѣ за прекрасный сонъ противъ

неизбѣжнаго закона, красоту котораго люди замѣчаютъ лишь тогда, когда прекрасный сонъ истощилъ ихъ силы. Если, напримѣръ, васъ обманула любовь, то полагаете ли вы, что было бы полезно думать всю жизнь, что любовь есть то, чѣмъ она не является, чѣмъ она не можетъ быть?.. Научимся дѣлать изъ нашихъ разочарованій вѣрную дружину таинственныхъ и преданныхъ друзей, неподкупныхъ совѣтниковъ. Если одно изъ нихъ, болѣе жестокое, чѣмъ другія, на моментъ насъ сразитъ, не будемъ говорить, рыдая: жизнь не такъ прекрасна, какъ наши сны; скажемъ себѣ: чего-то не хватало въ нашихъ снахъ, такъ какъ они не были одобрены жизнью. Однимъ словомъ, пресловутая сила сильныхъ душъ сдѣлана изъ разочарованій, которыя ими хорошо приняты. Каждая ошибка, каждая непризнанная любовь, каждая уничтоженная надежда прибавляютъ нѣкоторый вѣсъ къ вѣсу вашей истины и, чѣмъ болѣе иллюзій падаетъ вокругъ васъ, тѣмъ благороднѣе, тѣмъ надежнѣе выступаетъ великая реальность, какъ солнце, которое видятъ яснѣе между обнаженными вѣтвями зимняго лѣса" (Sagesse, 299—301).

Только человѣкъ, живущій справедливостью, можетъ имѣть къ себѣ довѣріе, такъ какъ только, будучи справедливъ, онъ находится въ сферѣ, принадлежащей ему; совершая же несправедливость, онъ предаетъ себя невѣдомымъ и независящимъ отъ него силамъ и никогда не можетъ предсказать всѣхъ послѣдствій своего акта. „Актъ несправедливости есть почти всегда признаніе слабости, дѣлаемое самому себѣ, и не нужно много признаній этого рода, чтобы открыть врагу наиболѣе уязвимое мѣсто души. Совершить несправедливость, чтобы получить немного славы или спасти ту, которая имѣется, значитъ признать, что не можешь заслужить того, чего желаешь или чѣмъ обладаешь; значитъ сознаться, что не можешь честно выполнить роль, за которую взялся. Несмотря на все, эту роль желаютъ сохранить, и тогда въ жизнь входятъ заблужденія, призраки и ложь" (Temple, 40). „Справедливость же содер-

житъ въ себѣ всѣ человѣческія добродѣтели, и только ея привѣтливая улыбка ихъ очищаетъ, облагороживаетъ и даетъ имъ право проникать въ нашу моральную жизнь. Ибо всякая добродѣтель, которая не можетъ выдержать яснаго и пристальнаго взгляда справедливости, полна хитрости и злодѣянія. Ее находятъ, такимъ образомъ, въ центрѣ всякаго идеала. Она находится въ серединѣ любви къ истинѣ, какъ и въ серединѣ любви къ красотѣ. Она въ той же мѣрѣ— доброта, состраданіе, великодушіе и героизмъ, ибо они суть акты справедливости того, кто достаточно высоко поднялся, чтобы не видѣть справедливаго и несправедливаго исключительно у своихъ ногъ и въ узкомъ кругу обязательствъ, которыя наложилъ на него случай, но видитъ ихъ за предѣлами сосѣднихъ годовъ и судебъ, за предѣлами того, что онъ долженъ, за предѣлами того, что онъ любитъ, за предѣлами того, что онъ встрѣчаетъ, за предѣлами того, что онъ ищетъ, за предѣлами того, что онъ одобряетъ и не одобряетъ, за предѣлами того, на что онъ надѣется и чего онъ опасается, за предѣлами самыхъ прегрѣшеній и преступленій его братьевъ людей“ (98—99).

Чѣмъ человѣкъ мудрѣе, тѣмъ безсильнѣе противъ него судьба. „Власть судьбы ограничивается во всѣхъ тѣхъ, кто становится лучше, чѣмъ сама судьба. Судьба осталась варваромъ; она не на высотѣ всѣхъ людей. Она черпаетъ всѣ свои орудія въ обыденной жизни; и ея оружіе запаздываетъ. Она нападаетъ на насъ извнѣ, какъ нападала еще во времена Эдипа. Она стрѣляетъ прямо передъ собой, какъ слѣпой стрѣлокъ изъ лука; но, когда ея стрѣлы должны нѣсколько подняться, чтобы достигнуть цѣли, онѣ падаютъ безсильно“ (Sagesse, 110). „Это вѣрно, что существа второго разряда не судятъ себя сами. И именно потому, что они отказываются себя судить, ихъ судитъ случай. Они подчинены почти неизмѣнной судьбѣ; ибо судьба можетъ перемѣниться только послѣ суда, который совершилъ надъ собой человѣкъ. Вмѣсто того, чтобы передѣлывать событія, съ которыми они встрѣчаются, они морально передѣлыва-

ются при первомъ соприкосновеніи съ тѣмъ, что имъ встрѣчается. Они немедленно принимаютъ форму несчастія, которое они оплакиваютъ, и притомъ принимаютъ его наиболѣе бѣдную и наиболѣе затасканную форму. Все, что съ ними происходитъ, имѣетъ запахъ судьбы. Для одного — это профессія, которой онъ предается, для другого — это дружба, которую онъ принимаетъ, для третьяго—это возлюбленная, которую онъ встрѣчаетъ. Въ отношеніи къ нимъ судьба и случай—тождественные термины; а случай рѣдко является благопріятной судьбой. Все, что въ насъ не занято силами нашей души, немедленно занимается враждебной силой. Всякая пустота въ сердцѣ или въ интеллектѣ становится резервуаромъ фатальныхъ воздѣйствій. Офелія Шекспира и Маргарита Гёте подчинены судьбѣ, такъ какъ онѣ такъ хрупки, что нельзя въ ихъ присутствіи сдѣлать жеста, который бы не становился жестомъ самой судьбы. Но если бы Маргарита и Офелія обладали частичкой силы, которая одушевляетъ Антигону Софокла, то развѣ онѣ не измѣнили бы не только свою собственную судьбу, но и судьбу Гамлета и Фауста?.. Будемъ осторожны: для большинства людей можно представить только одинъ настоящій рокъ; онъ сказалъ бы имъ: „начиная съ этого дня, твоя душа болѣе не можетъ укрѣпляться и не будетъ расти". Но развѣ рокъ имѣетъ право такъ намъ говорить?" (113—4). „Простая ложь самому себѣ, погребенная въ глубинѣ моего сердца, можетъ нанести моей свободѣ столь же гибельный вредъ, какъ предательство на площади. А лишь только затронута моя внутренняя свобода, рокъ приближается къ моей внѣшней свободѣ, какъ хищникъ медленными шагами приближается къ добычѣ, которую онъ давно подстерегалъ" (187). „Именно тѣ дубы, которые буря чаще всего треплетъ, пріобрѣтаютъ наиболѣе мощные и наиболѣе питательные корни въ вѣчной землѣ; и рокъ, который несправедливо на насъ нападаетъ, не болѣе знаетъ о томъ, что происходитъ въ душѣ, чѣмъ вѣтеръ—о томъ, что происходитъ подъ землей" (259).

Подъ мудростью не слѣдуетъ понимать нашъ логическій разумъ. Силы разума вообще недостаточны для того, чтобы обнять міръ, и всегда одной изъ самыхъ тщетныхъ попытокъ человѣка являлось стремленіе уложить міръ въ силлогизмъ (Temple, 51). Тотъ, кто жилъ бы исключительно разумомъ, былъ бы самымъ ничтожнымъ изъ существъ (Sagesse, 105). Мудрость дается чувствомъ любви, а не разумомъ. „Въ разумѣ нѣтъ любви; ея много въ мудрости; и самая высшая мудрость выдѣляется лишь тѣмъ, что есть наиболѣе чистаго въ любви. Но любовь есть самая божественная форма безконечнаго; и въ то же время, несомнѣнно, именно потому, что она — самая божественная, это—форма наиболѣе глубоко человѣческая. Развѣ нельзя было бы сказать, что мудрость есть побѣда божественнаго разума надъ человѣческимъ разумомъ?“ (Sagesse, 71). „Развѣ героическій актъ не переходитъ всегда границы разума? А между тѣмъ, кто осмѣлится утверждать, что герой не мудрѣе, чѣмъ тѣ, кто не двигается, такъ какъ слушается только своего разума?.. Разумъ и любовь сперва отчаянно борются въ подымающейся душѣ, но мудрость рождается изъ мира, который въ концѣ-концовъ устанавливается между любовью и разумомъ. И этотъ міръ тѣмъ болѣе глубокъ, чѣмъ больше разумъ уступитъ правъ любви“ (73). Въ основѣ морали лежитъ нѣкій безсознательный и болѣе обширный разумъ, которому сознательный разумъ почти всегда приноситъ изумленное одобреніе, когда онъ приходитъ въ мѣста, откуда добрыя чувства уже давно видѣли такія вещи, которыхъ онъ еще не видѣлъ (Temple, 62). Только тогда идея получаетъ моральную цѣнность, когда она переходитъ въ дѣйствіе. „Тысячу намѣреній не стоятъ одного жеста; не потому, что намѣренія не имѣютъ никакой цѣнности, но потому что малѣйшій жестъ доброты, смѣлости, справедливости требуетъ болѣе тысячи добрыхъ намѣреній... Мысль можетъ оставить меня до самой смерти на одномъ и томъ же мѣстѣ во вселенной; но дѣйствіе почти всегда заставитъ меня подвинуться впередъ или отодвинуться на-

задъ въ іерархіи существъ“ (149—150). „Тѣ, кто знаетъ, ничего не знаетъ, если они не обладаютъ силой любви, ибо настоящій мудрецъ есть не тотъ, кто видитъ, но тотъ, кто, видя возможно дальше, глубоко любитъ людей. Видѣть безъ любви значитъ глядѣть въ потемкахъ“ (35).

Великая любовь доставляетъ большое блаженство человѣку, но и доступна она только достойнымъ ея людямъ. „Мы можемъ надѣяться найти нашъ идеалъ внѣ себя лишь въ томъ случаѣ, если мы, насколько возможно, осуществили его въ себѣ самихъ. Неужели вы надѣетесь узнать и удержать душу честную, глубокую, любящую, вѣрную, неистощимую, душу обширную, живую, самопроизвольную, независимую, смѣлую, благорасположенную и великодушную, если вы сами столь же хорошо не знаете, что такое честность, любовь, вѣрность, мысль, жизнь, самопроизвольность, независимость, смѣлость, благорасположеніе, великодушіе? А какъ это знать, если вы не любили этихъ вещей и не жили долго между ними, какъ она ихъ любила, какъ она съ ними жила?“ (302—303). Даже нераздѣленная любовь, по мнѣнію Метерлинка, имѣетъ большую цѣнность. „Печально любить, не будучи любимымъ; но еще печальнѣе совсѣмъ не любить“ (196). „Вѣдь всегда можно любить. Любите достойнымъ удивленія образомъ и вы получите почти всѣ радости достойной удивленія любви. Даже въ самой совершенной любви, счастіе наиболѣе соединенныхъ влюбленныхъ не вполнѣ одинаково, и, конечно, лучше любитъ тотъ, кто самъ лучше, и наиболѣе счастливъ тотъ, кто лучше любитъ. Вы должны сдѣлаться достойны любви не столько для счастія другого, сколько для вашего собственнаго счастія. Не воображайте, что въ несчастные часы неравной любви больше страдаетъ тотъ, кто справедливѣе, мудрѣе, великодушнѣе, благороднѣе въ чувствахъ. Лучшій почти никогда не является жертвой, достойной сожалѣнія. Человѣкъ бываетъ жертвой вполнѣ лишь тогда, когда онъ жертва своихъ собственныхъ ошибокъ, своихъ собственныхъ грѣховъ, своихъ собственныхъ несправедливостей.

Какъ бы вы ни были несовершенны, вы можете быть достаточнымъ для любви удивительнаго существа, но удивительное существо не будетъ достаточнымъ для вашей любви, если вы не совершенны“ (309—310). Но и въ томъ случаѣ, если для человѣка закрыты наслажденія любви, онъ не долженъ приходить въ отчаяніе. Все, что въ любви наиболѣе глубоко и благородно, все это глубоко и благородно вообще въ достойной жизни. „Въ глубинѣ блаженства любви, какъ и въ глубинѣ смиренной жизни праведника, которому не улыбнулся случай, неизмѣннымъ и неподвижнымъ элементомъ являются справедливость, довѣріе, благожелательность, искренность, великодушіе. Любовь даетъ нѣсколько болѣе блеска этимъ свѣтлымъ точкамъ; вотъ почему слѣдуетъ искать любви. Самая великая выгода любви состоитъ въ томъ, что она открываетъ наши глаза на нѣкоторыя мирныя и нѣжныя истины. Самая великая выгода любви состоитъ въ томъ, что она даетъ намъ случай любить и обожать въ единственномъ существѣ то, что мы не догадались и не смогли бы любить и обожать въ тысячѣ различныхъ предметовъ; такимъ образомъ, она намъ расширяетъ сердце для будущаго. Но въ основѣ самой изумительной любви всегда лежитъ очень простое блаженство, очень понятныя нѣжность и обожаніе, очень доступныя довѣріе и искренность, чисто человѣческія поклоненіе и отдача себя, которыя неудачливая добрая воля могла бы познать и въ своей печальной жизни, если бы у нея было немного меньше горечи, немного меньше нетерпѣнія, немного больше иниціативы, немного больше энергіи“ (312—313).

Такимъ образомъ, не въ интеллектѣ коренятся основы мудрости. „Наша мудрость, т.-е. лучшее въ нашей душѣ и въ нашемъ характерѣ, находится въ особенности въ тѣхъ нашихъ идеяхъ, которыя еще не вполнѣ ясны. Если бы мы допустили, чтобы нашей жизнью руководили только ясныя идеи, то мы сдѣлались бы людьми, мало достойными любви, мало достойными уваженія. Въ основѣ, ничто не является

менѣе яснымъ, какъ тѣ аргументы, которыми мы убѣждаемъ себя, что слѣдуетъ быть добрыми, справедливыми, великодушными и во всемъ держаться чувствъ и мыслей наиболѣе благородныхъ, какихъ только мы можемъ достигнуть" (75). Но изъ этого не слѣдуетъ, что для мудреца не имѣетъ никакого значенія развитіе интеллекта. Напротивъ, въ такомъ развитіи Метерлинкъ видитъ наиболѣе надежный путь къ мудрости. Дѣло въ томъ, что характеръ самъ по себѣ не поддается прямому воздѣйствію воли; развитіе же интеллекта въ значительной степени этому воздѣйствію подчинено. Становясь болѣе интеллигентными, мы становимся лучшими, поэтому каждый человѣкъ долженъ культивировать свой интеллектъ (Temple, 63). Вѣдь „прекрасная ясная идея, которую мы въ себѣ пробуждаемъ, никогда не замедлитъ пробудить въ свою очередь прекрасную темную идею, а, когда темная идея, старѣясь, сдѣлается ясной—ибо полная ясность развѣ не является обыкновенно знакомъ усталости идей?—она также въ свою очередь пробудитъ отъ сна другую темную идею, еще болѣе прекрасную, болѣе высокую, какой она сама не была въ ея тѣни; и, можетъ быть, нащупывая такимъ образомъ, послѣдовательно и не теряя мужества, протяженіе заснувшихъ рядовъ, одна изъ нихъ какъ-нибудь случайно положитъ свою маленькую руку, еще почти невидимую, на плечо великой истины" (Sagesse, 76). Такимъ образомъ, продуманная добродѣтель стоитъ выше чисто инстинктивной. „Жесты инстинкта, какъ жесты ребенка, обыкновенно имѣютъ красоту нѣсколько расплывчатую, наивную, неожиданную, которая насъ болѣе трогаетъ; но жесты осознанной доброй воли развѣ не обладаютъ красотой болѣе серьезной и болѣе твердой?.. Осознанная добрая воля, даже тогда, когда у нея нѣтъ иллюзій, видитъ большое число обязанностей менѣе соблазнительныхъ, которыхъ инстинктъ не видитъ; а развѣ моральная цѣнность существа не измѣряется по количеству обязанностей, которыя оно замѣчаетъ и которыя оно намѣрено выполнить?" (153).

Мудрецъ, такимъ образомъ, въ весьма значительной степени независимъ отъ окружающей его среды. Онъ умѣетъ сооружать свое счастіе изъ простыхъ элементовъ, доступныхъ людямъ постоянно, и не ищетъ необыкновенныхъ событій, положеній или обстановки. „Желаніе необыкновеннаго часто составляетъ большое зло обыкновенныхъ душъ. Слѣдовало бы сказать напротивъ, что чѣмъ болѣе то, что случается, кажется намъ нормальнымъ, единообразнымъ, тѣмъ болѣе намъ удается различать и любить глубину и радости жизни въ самой этой общности, тѣмъ болѣе мы приближаемся къ спокойствію и истинѣ великой силы, которая насъ оживляетъ. Нѣтъ ничего менѣе необыкновеннаго, чѣмъ океанъ, напримѣръ, такъ какъ онъ покрываетъ двѣ трети нашего шара; и, тѣмъ не менѣе, нѣтъ ничего болѣе обширнаго. Нѣтъ въ человѣкѣ ни одной мысли, чувства, акта красоты и величія, которые не могли бы утвердиться въ простотѣ самаго нормальнаго существованія; и все, что не можетъ тамъ найти себѣ мѣста, принадлежитъ еще ко лжи лѣности, невѣжества или тщеславія“ (Sagesse, 226). „Увы, ничего еще не сдѣлано, пока мы не выучились дѣлать грубыми наши руки, пока мы не выучились превращать золото и серебро нашихъ мыслей въ ключъ, который не открываетъ болѣе дверь, изъ слоновой кости, нашихъ грезъ, но отпираетъ дверь самаго нашего дома, въ кубокъ, который не заключаетъ въ себѣ только волшебную влагу нашихъ грезъ, но не даетъ уйти очень реальной водѣ, которая падаетъ на нашу крышу, въ вѣсы, которые не довольствуются тѣмъ, что приблизительно взвѣшиваютъ то, что мы сдѣлаемъ въ будущемъ, но которые съ точностью отмѣчаютъ намъ вѣсъ того, что мы дѣлаемъ сегодня. Самый высокій идеалъ есть только предварительный идеалъ, пока онъ не проникъ во всѣ наши члены и не сроднился съ ними, пока онъ не нашелъ способа проскользнуть, такъ сказать, до конечностей нашихъ пальцевъ“ (283). Вообще, по мнѣнію Метерлинка, самая глубокая трагедія есть именно трагедія повседневной жизни, заключающаяся по существу

въ самомъ фактѣ жизни, въ томъ торжественномъ діалогѣ, который ведется между существомъ и его судьбой. Всѣ внѣшнія событія не имѣютъ большого значенія въ сравненіи съ внутренней жизнью человѣка, и анахронизмомъ въ наше время является театръ, который придаетъ трагедіи характеръ внѣшнихъ событій. Задачей искусства вообще служитъ теперь воспроизведеніе наиболѣе интимныхъ сторонъ внутренней жизни человѣка. „Хорошій художникъ не будетъ рисовать Марія, побѣдителя Кимвровъ, или убійство герцога Гиза, такъ какъ психологія побѣды или убійства элементарна и исключительна, и такъ какъ безполезный шумъ насильственнаго акта заглушаетъ болѣе глубокій, но неувѣренный и сдержанный голосъ существъ и вещей. Онъ изобразитъ домъ, затерянный въ полѣ, дверь, открытую въ концѣ коридора, отдыхающее лицо или руки; и эти простые образы смогутъ прибавить нѣчто къ нашему сознанію жизни, а это такое благо, которое больше невозможно потерять“ (Trésor, 165).

Но это не значитъ, что мудрецъ долженъ быть аскетомъ и отказываться отъ радостей жизни. Мудрецы „не святые въ самомъ обычномъ смыслѣ этого слова. Они не удаляются въ глубину пустынь или лѣсовъ, они не ищутъ эгоистическаго убѣжища въ узкихъ кельяхъ. Они мудрецы, они не выходятъ изъ жизни, они остаются въ реальности. Не будемъ думать, что ихъ спасаетъ благочестіе, и что прибѣжище ихъ души находится только въ Богѣ. Не достаточно любить Бога и служить ему наилучшимъ образомъ, чтобы человѣческая душа укрѣпилась и успокоилась. Любовь къ Богу пріобрѣтается только интеллектомъ и чувствами, которыя выработались и развились въ соприкосновеніи съ людьми. Человѣческая душа остается глубоко человѣческой, несмотря ни на что“ (252—3). „Если прекрасный внѣшній удѣлъ не необходимъ, то тѣмъ не менѣе необходимо на него надѣяться и дѣлать все, что возможно, чтобы его достигнуть, какъ будто бы ему придавалось большое значеніе. Великимъ долгомъ мудреца является сту-

чаться во всѣ храмы, во всѣ жилища славы, активности, счастія, любви. Если ничто не открывается послѣ серьезныхъ усилій, послѣ долгаго ожиданія, то, быть можетъ, въ усиліи и въ самомъ ожиданіи найдетъ онъ эквивалентъ свѣта и эмоцій, которыхъ онъ искалъ... Дѣйствовать—не значитъ непремѣнно одерживать побѣды. Дѣйствовать—это значитъ также пробовать, ждать, имѣть терпѣніе. Дѣйствовать—это значитъ также слушать, сосредоточиваться, молчать" (245). „Уже тому можно позавидовать въ наполненной событіями и блестящей судьбѣ, что она расширяетъ и пробуждаетъ извѣстное количество чувствъ и энергій, которыя никогда не вышли бы изъ ихъ сна или изъ-за загородки слишкомъ мирнаго существованія. Но знать или подозрѣвать, что эти энергіи спятъ въ насъ, не значитъ ли это уже разбудить все, что въ нихъ лучшаго, не значитъ ли это уже посмотрѣть одинъ моментъ на блестящую внѣшнюю судьбу съ высотъ, которыхъ она достигнетъ только въ концѣ своихъ дней, и впередъ собрать цвѣты жатвы, которую она сможетъ собрать лишь послѣ многихъ бурь?" (246). „Мудрецъ, котораго мы любимъ, долженъ жить среди всѣхъ человѣческихъ страстей; ибо страсти нашего сердца суть единственная пища, которой мудрость можетъ долго питаться безъ опасности. Наши страсти—это работники, которыхъ посылаетъ намъ природа, чтобы помочь намъ построить дворецъ нашего сознанія, т.-е. нашего счастія; человѣкъ, который не допускаетъ этихъ рабочихъ и думаетъ, что одинъ можетъ поднять всѣ камни существованія, будетъ всегда имѣть въ качествѣ убѣжища для своей души только узкую, холодную и голую каморку. Быть мудрымъ не значитъ не имѣть страстей, но значитъ учиться очищать свои страсти. Все зависитъ отъ положенія, которое человѣкъ занимаетъ на лѣстницѣ дней. Для одного моральныя слабости и недостатки суть ступеньки, по которымъ спускаются, для другого они представляютъ ступеньки, по которымъ подымаются. Возможно, что мудрецъ будетъ дѣлать массу вещей, которыя дѣлаетъ тотъ, кто

не мудръ; но страсти послѣдняго все болѣе уводятъ его въ глубины инстинкта, тогда какъ страсти мудреца въ концѣ-концовъ освѣщаютъ всегда какой-нибудь затерянный уголокъ его сознанія. Нѣтъ нужды, напримѣръ, чтобы онъ любилъ какъ безумный, но если онъ любитъ, какъ безумный, то онъ, вѣроятно, сдѣлается болѣе мудрымъ, чѣмъ если бы онъ всегда любилъ только благоразумно" (222—223). „Мы не называемъ мудрымъ того, кто въ области чувствъ, напримѣръ, не идетъ безконечно за предѣлы того, что позволяетъ ему разумъ, или за предѣлы того, что совѣтуетъ ему ждать опытъ. Такъ, мы не называемъ мудрымъ друга, который не отдается своему другу, такъ какъ предвидитъ конецъ дружбы, или влюбленнаго, который цѣликомъ не отдается, изъ боязни уничтожиться въ любви. Слѣдуетъ здѣсь сказать, что двадцать несчастныхъ приключеній отнимаютъ только непрочныя части нашей энергіи счастія, и можно признать, что всякая мудрость, въ сущности, есть только очищенная энергія счастія. Быть мудрымъ это значитъ, прежде всего, выучиться быть счастливымъ, чтобы выучиться въ то же время придавать все менѣе и менѣе большое значеніе тому, что является счастіемъ въ себѣ. Важно, чтобы человѣкъ былъ счастливъ такъ долго, какъ только возможно, и такъ счастливъ, какъ возможно, ибо тѣ, кто выходитъ, наконецъ, изъ себя дверями счастья, въ тысячу разъ свободнѣе, чѣмъ тѣ, кто выходитъ дверями скорби. Радость мудреца освѣщаетъ въ то же время его сердце и всю его душу, тогда какъ печаль освѣщаетъ часто только сердце. Человѣкъ, который не былъ счастливъ, похожъ на путешественника, который путешествовалъ только ночью" (230—241). „Лучше ничего не дѣлать, чѣмъ дѣлать въ половину, и то, чѣмъ не рисковали, навѣрное будетъ потеряно" (234). „Необходимо, чтобы наши идеи были въ десять разъ выше нашего поведенія, если мы хотимъ, чтобы наше поведеніе было просто порядочнымъ. Необходимо неимовѣрно желать добра, чтобы немного избѣжать зла. Никакая сила въ свѣтѣ не склонна въ такой степени

къ убыли, какъ идея, которая должна спуститься въ повседневное существованіе; поэтому необходимо быть героичнымъ въ своихъ мысляхъ, чтобы быть, самое большее, пріемлемымъ и безобиднымъ въ своихъ дѣйствіяхъ (285). „Будемъ всегда любить самый высокій пунктъ, котораго мы можемъ достичь. Не будемъ любить изъ сожалѣнія, когда можно любить изъ любви; не будемъ прощать изъ доброты, когда можно простить изъ справедливости; не будемъ учиться утѣшать, когда можно научиться уважать. Будемъ тщательно и безпрерывно улучшать качество любви, которую мы даемъ людямъ“ (172). Вотъ почему и самое содержаніе нашей мудрости постоянно мѣняется. „Вы только тогда поистинѣ мудры, когда ваша мудрость безпрерывно мѣняется отъ вашего дѣтства и до смерти. Чѣмъ болѣе смыслъ, который вы связываете съ словомъ „мудрый“. становится прекраснымъ и глубокимъ, тѣмъ болѣе вы становитесь мудры; и каждая ступень, которую вы проходите, подымаясь къ мудрости, увеличиваетъ въ глазахъ души пространство, которое мудрость никогда не сможетъ пробѣжать“ (Sagesse, 63. Ср. Temple, 64, 77—84).

Метерлинкъ—противъ самоотреченія и самопожертвованія, возводимыхъ въ принципъ. „Покорность хороша и необходима передъ общими и неизбѣжными фактами жизни, но на всѣхъ пунктахъ, гдѣ борьба возможна, покорность есть только невѣдѣніе, безсиліе и лѣность въ замаскированномъ видѣ. То же самое относится и къ самопожертвованію; оно слишкомъ часто является только ослабленной рукой, которой еще машетъ покорность въ пустотѣ. Прекрасно умѣть приносить себя въ жертву съ простотой, когда самопожертвованіе идетъ впереди насъ и приноситъ настоящее счастіе другимъ людямъ; но не мудро и не полезно посвящать свою жизнь поискамъ жертвъ и смотрѣть на эти поиски, какъ на самый лучшій тріумфъ духа надъ плотью. (Замѣчу мимоходомъ, что обыкновенно придаютъ слишкомъ много значенія тріумфамъ духа надъ плотью; эти мнимые тріумфы очень часто знаменуютъ только пол-

ное пораженіе жизни...) Вообще, гораздо легче принести себя въ жертву, т.-е. оставить свою моральную жизнь въ пользу того, кто захотѣлъ бы ее взять, чѣмъ совершить свой моральный долгъ и до конца предаваться выполненію задачи, для которой создала насъ природа. Гораздо легче умереть морально и даже физически для другихъ, чѣмъ выучиться жить для нихъ. Слишкомъ многія существа такимъ образомъ усыпляютъ всякую иниціативу, всякое личное существованіе въ идеѣ, что они всегда готовы принести себя въ жертву" (157—8). „Прежде чѣмъ давать, попробуемъ пріобрѣсти; и не будемъ думать, что отдавая себя, мы освобождены отъ обязанности пріобрѣтать" (159). „Намъ говорятъ: „любите вашего ближняго, какъ самихъ себя", но если вы самихъ себя любите узкимъ, дѣтскимъ и боязливымъ образомъ, то такимъ же образомъ вы будете любить и вашихъ ближнихъ. Итакъ, выучитесь любить себя широко, здорово, мудро и полно. Это менѣе легко, чѣмъ думаютъ. Эгоизмъ ясновидящей и сильной души гораздо болѣе и сострадателенъ, чѣмъ всякая преданность слѣпой и слабой души. Прежде чѣмъ существовать для другихъ, важно, чтобы вы существовали для себя; прежде чѣмъ отдавать себя, слѣдуетъ себя пріобрѣсти" (162). „Будемъ искать нашего счастія въ отреченіи только тогда, когда невозможно найти его инымъ путемъ. Легко быть мудрымъ, когда довольствуешься счастіемъ, которое находишь въ отсутствіи счастія. Но мудрецъ созданъ не для того, чтобы быть несчастнымъ; гораздо почетнѣе, а также и человѣчнѣе, не переставать быть мудрымъ, оставаясь счастливымъ. Высшая цѣль мудрости состоитъ именно въ томъ, чтобы найти твердую точку счастія въ жизни; но искать эту твердую точку въ отреченіи отъ радости и въ прощаніи съ нею, это значитъ съ достаточной степенью нелѣпости отправиться искать ее въ смерти. Легко почитать себя мудрымъ, не двигаясь съ мѣста. Но развѣ человѣкъ созданъ для того, чтобы никогда не шевелиться?" (136—7). Но, конечно, изъ всего этого не слѣдуетъ, что мудрецъ можетъ собственное

счастіе сооружать на чужомъ несчастіи. „Конечно, справедливо воздерживаться отъ всякаго счастія, которое приноситъ зло другимъ, но развѣ счастіе, приносящее зло другимъ, можетъ на долго остаться счастіемъ для мудреца?“ (134).

Далеко не всѣмъ людямъ одинаково легко достигнуть мудрости, и не всѣ къ ней идутъ одинаковымъ путемъ. „Судьба болѣе строго царитъ надъ нѣкоторыми изъ насъ въ силу наслѣдственности, въ силу инстинкта, въ силу другихъ законовъ, еще болѣе неумолимыхъ, болѣе глубокихъ и болѣе неизвѣстныхъ“ (37). „Есть столько видовъ внутреннихъ жизней, сколько внѣшнихъ. Самые малые проникаютъ въ эти спокойныя области такъ же хорошо, какъ и великіе, но не всегда въ нихъ входятъ дверьми интеллекта. Очень часто случается, что тотъ, кто знаетъ, попусту стучится въ эти двери, а тотъ, кто ничего не знаетъ, отвѣчаетъ ему изнутри... Есть болѣе темныя существованія, которыя также знаютъ свои убѣжища. Есть инстиктивныя внутреннія жизни. Есть души безъ иниціативы и безъ интеллигентности, которыя никогда не найдутъ тропинку, которая спускается въ нихъ самихъ, которыя никогда не увидятъ, чѣмъ онѣ обладаютъ въ этомъ убѣжищѣ, и которыя дѣйствуютъ въ немъ тѣмъ не менѣе такимъ же образомъ, какъ тѣ, интеллектъ которыхъ взвѣсилъ всѣ эти сокровища. Существуютъ люди, которые, не зная даже, что добро есть единственная неподвижная звѣзда самаго высокаго сознанія, желаютъ только добра, сами не зная, почему они его желаютъ. Всякая внутренняя жизнь начинается не столько въ тотъ моментъ, когда развивается интеллектъ, сколько въ тотъ, когда душа становится доброй“ (86—7).

Въ особенности большое различіе между людьми порождается ихъ отношеніемъ къ внѣшнимъ благамъ. Большинство людей не умѣетъ отличить своей внѣшней судьбы отъ судьбы моральной и потому угнетается людьми и событіями. „Они похожи на маленькій слѣпой ручеекъ, который я наблюдалъ однажды утромъ съ вершины холма. Ощупью, натыкаясь на сопротивленіе, спотыкаясь и шата-

ясь безпрестанно въ глубинѣ темной долины, онъ искалъ пути къ большому озеру, которое спало съ другой стороны лѣса въ мирѣ зари. Здѣсь его заставляла сдѣлать четыре длинныхъ поворота глыба базальта, тамъ—корни стараго дерева, еще дальше—простое воспоминаніе о препятствіи, навсегда исчезнувшемъ, заставляло его, попусту клокоча, возвращаться къ своему источнику и безконечно удаляло его отъ его цѣли и его счастія. Но въ другомъ направленіи и почти перпендикулярно къ влюбленному несчастному и безполезному ручейку, сила высшая, чѣмъ инстиктивныя силы, намѣтила черезъ поля, черезъ сваленные камни, черезъ повинующійся лѣсъ нѣчто вродѣ длиннаго канала, крѣпкаго, зеленѣющаго, беззаботнаго, мирнаго, идущаго безъ колебаній своимъ спокойнымъ и свѣтлымъ шагомъ изъ глубины другого источника, скрытаго на горизонтѣ, къ тому же озеру, блестящему и спокойному. И я имѣлъ у своихъ ногъ образъ двухъ судебъ, которыя предложены человѣку" (20—21).

Въ своихъ представленіяхъ о внѣшнихъ благахъ люди, притомъ слишкомъ находятся подъ властью матеріи. „Войдите въ собраніе мужчинъ и женщинъ, освобожденныхъ отъ заботъ о существованіи, наиболѣе насъ подавляющихъ, въ избранное, если хотите, общество, произнесите тамъ слова: радость, счастіе, блаженство, благополучіе, идеалъ и предположите, что какой-нибудь ангелъ соберетъ въ тотъ же моментъ и удержитъ въ волшебномъ зеркалѣ или въ сверхъестественной корзинѣ тѣ образы, которые эти слова вызовутъ въ душахъ, услыхавшихъ ихъ. Что вы увидите въ этомъ зеркалѣ или корзинѣ? Сплетшіяся прекрасныя тѣла, золото, драгоцѣнные камни, дворецъ, большой паркъ, напитокъ здоровья, прихотливыя украшенія и игрушки, которыя представляютъ собой грезы тщеславія, и въ большой кучѣ, слѣдуетъ признаться, хорошіе обѣды, хорошія вина, роскошный столъ, великолѣпныя комнаты. Неужели человѣчество еще слишкомъ близко къ своему началу, чтобы понимать нѣчто иное? Развѣ не пришелъ

еще часъ, когда слѣдовало бы найти въ корзинѣ мощный и безкорыстный интеллектъ, умиротворенную совѣсть, справедливое и любящее сердце, взгляды и вниманіе, которые умѣли бы схватить всякую красоту и проникнуть въ нее, въ такой же степени красоту вечеровъ, городовъ, морей и лѣсовъ, какъ и красоту лица, улыбки, слова, дѣйствія, движенія души?“ (Temple, 176—7).

Конечно, дѣло идетъ не объ умерщвленіи плоти, къ которому, какъ мы знаемъ, Метерлинкъ относится отрицательно. „Мы имѣемъ право на все, что благопріятно полному развитію нашего тѣла и его поддерживаетъ; но необходимо такъ точно, какъ только возможно, установить предѣлы этого права, ибо все, что ихъ превосходитъ, вредитъ развитію другой части нашего существа, которая подобна цвѣтку, питаемому листьями или же заглушенному ими“ (180—1). „Надлежитъ приносить въ жертву все, что даетъ тѣлу только безплодныя удовольствія, т.-е. не переводится въ болѣе великую и болѣе прочную энергію мысли; всѣ эти маленькія удовлетворенія, которыя считаются безобидными, будучи сами по себѣ довольно невинны, тѣмъ не менѣе поддерживаютъ, по привычкѣ и примѣру, предразсудокъ низшихъ удовольствій и занимаютъ мѣсто, которое должны бы были занимать удовольствія интеллекта“ (182). Тѣло есть „ребенокъ капризный, требовательный, непредусмотрительный, эгоистичный и тѣмъ болѣе опасный, чѣмъ оно сильнѣе. У него есть только одинъ культъ—даннаго момента... Предоставленное себѣ самому, оно наслаждалось бы такъ глупо и такъ дико, что не замедлило бы заглушить интеллектъ, которому оно обязано своимъ счастіемъ. Есть, слѣдовательно, необходимыя ограниченія и отреченія“ (184).

Среди разнообразныхъ человѣческихъ натуръ попадается не мало и такихъ, которыя склонны ко злу. Но не слѣдуетъ завидовать тому счастію, которымъ будто бы наслаждаются нѣкоторые изъ такихъ людей. „Зло, которое причиняется, по необходимости суживаетъ мысль и ограничи-

ваетъ ее вещами личными и эфемерными. Совершая несправедливое дѣйствіе, мы показываемъ, что еще не достигли счастія, котораго можетъ достигнуть человѣкъ... Ребенокъ не видалъ моря; его ведутъ на берегъ большого озера; онъ воображаетъ, что видитъ море, хлопаетъ въ ладоши и ничего болѣе не требуетъ; но развѣ настоящее море отъ этого перестаетъ существовать?" (Sagesse, 199). Не слѣдуетъ поэтому и раздражаться противъ злыхъ людей. „Развѣ сердятся на бѣдняка за то, что онъ не живетъ во дворцѣ; онъ и такъ достаточно несчастенъ оттого, что жилищемъ ему служитъ хижина" (206). Слѣдуетъ помнить, что злоба есть только доброта, потерявшая своего руководителя, что предательство есть честность, которая не находитъ больше дороги къ счастію, что ненависть есть любовь, которая съ тревогою отворяетъ дверь своей гробницы (84—5). Вообще, зло, въ концѣ концовъ, есть добро, которое обманывается (277). Никогда не слѣдуетъ также возмущаться человѣческой неблагодарностью. „Если доброта Тита снисходитъ на неблагодарнаго, то безполезность прощенія, безполезность любви научаютъ его простирать свои взоры за предѣлы прощенія, за предѣлы любви" (207). „Неблагодарность учитъ человѣка, что есть въ благодѣяніи радости болѣе обширныя, менѣе личныя и болѣе соотвѣтствующія общей жизни, чѣмъ тѣ, которыхъ онъ ожидалъ отъ признательности" (209). Не слѣдуетъ никого презирать, какъ бы обыденной ни казалась его участь и его личность. „Возможно, что огромный лѣсъ составленъ только изъ стволовъ и вѣтвей средней величины, но вѣдь онъ глубокъ, и онъ правъ, такъ какъ онъ—лѣсъ. Послѣднее слово никогда не будетъ принадлежать исключительному, и то, что называютъ превосходнымъ, должно бы быть только болѣе яснымъ и проницательнымъ сознаніемъ того, что оказывается самымъ нормальнымъ. Спасительно часто глядѣть на тѣхъ, кто сражается на вершинахъ; но необходимо не забывать и тѣхъ, кто кажется мирно спящимъ въ долинѣ... Чѣмъ болѣе я подымаюсь (говоритъ мудрецъ), тѣмъ болѣе мнѣ кажется, что я

менѣе удаляюсь отъ моихъ самыхъ многочисленныхъ и самыхъ смиренныхъ спутниковъ, и я считаю шаги, которые я дѣлаю къ невѣрному идеалу, за шаги, которые меня приближаютъ къ тѣмъ, кого я презиралъ въ незнаніи и тщеславіи первыхъ дней" (216—7). „Что такое, въ сущности, маленькая жизнь? Мы такъ называемъ жизнь, которая сама себя не знаетъ, жизнь, которая истощается на мѣстѣ между четырьмя или пятью лицами, жизнь, которой чувства, мысли, страсти, желанія привязаны къ незначительнымъ объектамъ. Но для того, кто на нее смотритъ, самымъ фактомъ, что онъ на нее смотритъ, всякая жизнь становится великой. Жизнь не велика и не мала сама по себѣ, но на нее можно смотрѣть съ большимъ или меньшимъ величіемъ; вотъ и все; и существованіе, которое кажется всѣмъ людямъ обширнымъ и высокимъ, есть существованіе, которое привыкло бросать на себя расширенный взглядъ" (218).

Мы уже знаемъ, что скрытая, реальная душа человѣка, по ученію Метерлинка, жадна къ красотѣ и скрываетъ въ себѣ невидимую доброту. Насъ не удивитъ поэтому утвержденіе, что „человѣческая душа, несмотря на глаза, которые слишкомъ охотно отворачиваются и закрываются, болѣе благородна, чѣмъ большинство людей желало бы для своего спокойствія, и безъ труда видитъ то, что выше безполезнаго мгновенія, въ которомъ ее пытаются заинтересовать" (261). „Какой человѣкъ могъ бы жить, не подчиняясь нѣкоторымъ изъ тѣхъ истинъ, которыя не подчинены разуму? Даже самые ничтожные имъ повинуются и чѣмъ больше число тѣхъ истинъ, которымъ человѣкъ повинуется, тѣмъ менѣе онъ ничтоженъ. Тотъ, кто убилъ, скажетъ вамъ: я убиваю, это вѣрно, но я не ворую. Тотъ, кто укралъ, крадетъ, но не занимается предательствомъ; а тотъ, кто предаетъ, не предаетъ своего брата. Такимъ образомъ, каждый находитъ прибѣжище въ послѣдней моральной красотѣ, которая у него осталась. Самый опустившійся изъ людей всегда имѣетъ нѣчто въ родѣ священнаго мѣста, мѣсто прибѣжища въ своей душѣ, гдѣ онъ находитъ

немного чистой воды и гдѣ онъ почерпаетъ силу, необходимую, чтобы продолжать жить“ (104).

Для насъ всѣхъ очень большое значеніе имѣетъ повышеніе нравственнаго уровня окружающихъ. „Человѣчество есть существо единое и единодушное. Кажется страннымъ, что пониженіе мысли массы, той мысли, которая едва мыслитъ, можетъ имѣть нѣкоторое вліяніе на характеръ, моральность, трудовыя привычки, идеалы, чувство долга, независимость и интеллектуальную силу астронома, химика, поэта или философа. Между тѣмъ оно имѣетъ такое вліяніе и притомъ рѣшительное. Ни одна идея не зажигается на вершинахъ, если безчисленныя и однообразныя маленькія идеи равнины не достигаютъ извѣстнаго уровня. Внизу не мыслятъ съ силой, но мыслятъ въ большомъ количествѣ и то немногое, что тамъ мыслятъ, пріобрѣтаетъ вліяніе нѣкоторымъ образомъ атмосферическое. Эта атмосфера враждебна или спасительна тѣмъ, кто отваживается взбираться на вершины, на край пропастей, на остріе ледниковъ, смотря по тому, болѣе или менѣе она тяжела или болѣе или менѣе легка, болѣе или менѣе насыщена великодушными идеями или же грубыми привычками и желаніями. Героическій поступокъ народа (напримѣръ, реформація, французская революція, всѣ войны за независимость или освобожденіе, убійство тирановъ и т. п.) ее оздоровляетъ и оплодотворяетъ болѣе, чѣмъ на одинъ вѣкъ. Но не нужно такъ много, чтобы облегчить тѣхъ, кто трудится надъ выполненіемъ судебъ. Пусть вокругъ нихъ привычки будутъ нѣсколько менѣе низкими, надежды нѣсколько болѣе безкорыстными; пусть безпокойства, страсти, удовольствія, любовь освѣтятся лучомъ милости, беззаботности, нематеріальнаго жара, и вотъ они вздыхаютъ болѣе свободно, они чувствуютъ поддержку, они больше не вынуждены бороться противъ своихъ собственныхъ инстинктивныхъ элементовъ, ихъ силы облегчаются и концентрируются. Крестьянинъ, который въ воскресенье, вмѣсто того, чтобы напиваться въ кабакѣ, мирно остается за чтеніемъ подъ яблонями своего садика;

маленькій буржуа, который приноситъ въ жертву благородному зрѣлищу или просто молчаливому вечеру эмоціи и крики скакового поля; рабочій, который вмѣсто того, чтобы оглашать улицы неприличными и глупыми пѣснями, идетъ гулять въ поле или смотритъ на заходъ солнца съ высоты укрѣпленій, всѣ они, можно сказать, приносятъ анонимную и безсознательную, но значительную помощь тріумфу великаго человѣческаго племени" (Temple, 185—187).

Вообще, Метерлинкъ убѣжденъ, что „практическая справедливость есть тайна всего рода. Родъ имѣетъ массу тайнъ, которыя онъ открываетъ одну за другой въ поистинѣ опасные моменты исторіи; и рѣшенія, которыя онъ полагаетъ слишкомъ смертельнымъ затрудненіямъ, почти всегда неожиданны и отличаются довольно странной простотой" (84). „Въ исторіи человѣческаго разума не всегда наиболѣе справедливыми и великими оказываются мысли, которыя подымаются выше всего. Къ мыслямъ человѣческимъ до нѣкоторой степени относится то же самое, что и къ фонтанамъ, которые подымаются такъ высоко только потому, что они были заперты и вырываются изъ очень узкаго отверстія. Можно думать, что при выходѣ изъ отверстія вода, устремляющаяся къ небу, презираетъ великое безбрежное озеро, которое разстилается подъ ней. Но, что-бы ни говорили, вѣдь правда—на сторонѣ великаго озера. Оно выполняетъ спокойно въ своей кажущейся неподвижности и въ своемъ пассивномъ молчаніи огромное и нормальное дѣло наиболѣе важнаго элемента нашей планеты, и фонтанъ есть не что иное, какъ любопытный инцидентъ, который быстро падаетъ обратно въ универсальное дѣло. Для насъ родъ есть большое озеро, на сторонѣ котораго всегда правда, даже съ точки зрѣнія разума высшаго человѣка, которому родъ иногда наноситъ, повидимому, обиды. Онъ обладаетъ болѣе обширной идеей, той, которая содержитъ всѣ остальныя и которая обнимаетъ наиболѣе неограниченныя пространство и время. А развѣ мы не видимъ изо дня въ день,

что самая обширная идея, въ какой бы то ни было области, есть, въ концѣ концовъ, самая мудрая, самая справедливая, а также и самая прекрасная?“ (90—91). Поэтому всякій мыслитель тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ менѣе онъ является мечтателемъ и утопистомъ и чѣмъ болѣе онъ старается быть наблюдателемъ; тогда онъ скорѣе всего окажется въ согласіи съ геніемъ рода (92).

Значеніе отдѣльныхъ мыслителей состоитъ вообще въ томъ, что въ ихъ твореніяхъ постепенно раскрывается разумъ рода. Иногда они ошибаются. Но и эти ошибки полезны. „Мудрость иногда находится въ полной противоположности съ тѣмъ, что утверждаетъ самый мудрый. Но что за важность? Вѣдь этого не замѣтили бы, не будь такого утвержденія; и мудрецъ выполнилъ свой долгъ“ (Sagesse, 3).

Главной задачей мудреца является обученіе людей счастію. Правда, „идея счастія различна для каждаго изъ насъ. Ваша мнѣ совсѣмъ не подходитъ; вы напрасно будете мнѣ ее повторять краснорѣчиво, она не достигнетъ скрытыхъ органовъ моей жизни. Необходимо, чтобы я пріобрѣталъ мою идею во мнѣ самомъ, мною самимъ. Но, говоря о вашей идеѣ, вы мнѣ поможете, сами того не зная, пріобрѣсти мою. Случится, что то, что васъ огорчаетъ, меня утѣшитъ, то, что васъ утѣшаетъ, меня, быть можетъ, разстроитъ, но это не важно; что было прекраснаго въ вашемъ утѣшительномъ видѣніи, войдетъ въ мою печаль, что было великаго въ вашей грусти, войдетъ въ мою радость, если только моя радость достойна вашей печали“ (7—8). Поэтому можно обучать людей быть счастливыми; и ничто не внушается легче, чѣмъ счастіе. „Если вы живете среди людей, которые благословляютъ свою жизнь, то вы также не замедлите благословлять вашу жизнь. Улыбка также заразительна, какъ и слезы, и эпохи, которыя называютъ счастливыми, часто были только эпохами, когда нѣсколько людей сумѣли сказать, что они счастливы. Обычно намъ не хватаетъ не счастія, но умѣнія быть счастливыми“ (127). „Есть смѣлость счастія, какъ есть смѣлость несчастія. Мо-

жетъ быть, больше силы требуется, чтобы продолжать быть счастливымъ, чѣмъ чтобы продолжать быть несчастнымъ... Часто видишь, что существа, сильныя и полныя моральнаго благоразумія, побѣждаются счастіемъ. Не находя въ немъ всего, что они искали, они его не защищаютъ и не удерживаютъ съ той энергіей, которую всегда надлежитъ развивать въ жизни. Какимъ мудрымъ слѣдуетъ быть, чтобы не удивляться, что счастіе всегда приноситъ и печаль, и чтобы эта печаль не заставила насъ думать, что мы еще не обладаемъ истиннымъ счастіемъ" (140—141).

Вообще, быть пессимистомъ гораздо легче, чѣмъ быть оптимистомъ, но и гораздо менѣе почетно. „Не будемъ обманываться внѣшностью. Гамлетъ, который жалуется на краю пропасти, кажется намъ болѣе глубокимъ и болѣе страстнымъ, чѣмъ Антонинъ Благочестивый, который невозмутимо смотритъ на тѣ же силы, принимаетъ и спрашиваетъ ихъ со спокойствіемъ, вмѣсто того, чтобы проклинать и искать въ нихъ поводовъ къ отчаянію. Все, что дѣлаютъ днемъ, кажется менѣе торжественнымъ, чѣмъ малѣйшій жестъ, который производятъ при наступленіи ночи; но человѣкъ рожденъ, чтобы трудиться днемъ, а не волноваться въ темнотѣ" (146). „Легче показаться глубокимъ въ недовѣріи и потемкахъ, чѣмъ въ довѣріи и честномъ свѣтѣ, въ которомъ должны жить люди. Развѣ можно быть увѣреннымъ, что вами совершены всѣ возможныя усилія, при подобныхъ размышленіяхъ отъ имени всѣхъ вашихъ братьевъ о бѣдствіяхъ жизни, если, чтобы не уменьшать великой картины этихъ бѣдствій, вы отъ нихъ скрываете причины, въ конечномъ счетѣ рѣшающія, почему же эту жизнь принимаютъ, почему же продолжаютъ жить? Развѣ это значитъ идти до конца своей мысли, если мыслятъ, чтобы не находить утѣшенія? Гораздо легче сказать мнѣ, почему вы жалуетесь, чѣмъ съ простотой уяснить мнѣ болѣе мощные и болѣе глубокіе мотивы, изъ-за которыхъ вашъ инстинктъ не отвергаетъ этой жизни, на которую вы такъ сильно жалуетесь" (144).

V. Двѣ міровыя тайны и ихъ соотношеніе.

Наиболѣе полное счастіе, какъ мы видѣли, доступно только справедливому человѣку, мудрецу. Но это, какъ мы также не разъ имѣли случай отмѣтить, вовсе не значитъ, что для мудреца не существуетъ многочисленныхъ внѣшнихъ бѣдствій и страданій, ими причиняемыхъ, справедливость которыхъ очень проблематична. Правда, людямъ присуща тенденція всюду искать справедливости. Ищутъ они ея и въ природѣ и стремятся истолковать ея событія въ духѣ своего пониманія справедливости. „Человѣкъ не можетъ рѣшиться повѣрить, что во всемъ внѣшнемъ онъ долженъ бороться и считаться только со слѣпыми фактами и силами: водой, огнемъ, воздухомъ, законами тяготѣнія и нѣкоторыми другими. У насъ есть потребность извинять случай... Намъ нравится создавать случай болѣе справедливый, чѣмъ мы сами, и, когда онъ совершитъ неизвинимую несправедливость, то, по минованіи ошеломленія, въ глубинѣ нашего сердца мы возвращаемъ ему наше довѣріе, говоря себѣ, что мы не знаемъ всего, что онъ знаетъ, что онъ повинуется законамъ, въ которые мы не можемъ проникнуть. Міръ показался бы намъ слишкомъ чернымъ, если бы случай не былъ моральнымъ“ (Sagesse, 175 ср. Temple, 14—5, 19, 22). Но всѣ такія разсужденія покоятся, несомнѣнно, на иллюзіи, съ которой надлежитъ разстаться во имя истины. Съ нами постоянно происходятъ событія, не зависящія отъ нашей воли и постигающія насъ внѣ всякой связи съ нравственнымъ закономъ. „Добродѣтель очень часто оказывается наказанной и самая сила какой-нибудь души иногда ускоряетъ ея несчастіе. Чѣмъ больше человѣкъ любитъ, тѣмъ большую поверхность онъ предоставляетъ для благородной скорби; но мудрецъ любитъ увеличивать эту поверхность, которая прекрасна. Да, слѣдуетъ признать, судьба не всегда остается въ глубинѣ своихъ потемокъ; ей нужны въ нѣкоторые часы жертвы болѣе чистыя, которыя она хватаетъ, простирая на свѣтъ свои

ледяныя руки... Нельзя отрицать, что Антигона является добычею холоднаго бога, потому что ея душа имѣетъ втрое больше силы, чѣмъ душа другой женщины. Она погибаетъ, потому что судьба поставила ее въ такое положеніе, что она вынуждена выбирать между смертью и тѣмъ, что̀ она считаетъ самою повелительною изъ своихъ обязанностей, какъ сестры. Она захвачена внезапно между смертью и любовью, и притомъ любовью наиболѣе безкорыстной, такъ какъ дѣло идетъ о любви къ тѣни, которую она никогда не увидитъ на этой землѣ" (Sagesse, 115—6).

Нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній ожидать встрѣтить въ природѣ что-либо подобное нашему нравственному закону. Природа аморальна. „Между внѣшнимъ міромъ и нашими актами существуютъ простыя отношенія причины къ слѣдствію, по существу аморальныя. Если я совершаю какую-нибудь неосторожность или эксцессъ, то я подвергаюсь извѣстной опасности и плачу извѣстный долгъ природѣ. И, такъ какъ неосторожность или эксцессъ чаще всего имѣютъ причину, которую мы называемъ безнравственной, ибо мы должны были приспособить нашу жизнь къ маленькимъ требованіямъ нашего здоровья и нашей безопасности, то мы не можемъ удержаться отъ того, чтобы не установить извѣстное соотношеніе между безнравственной причиной и опасностью, которой мы подверглись, или долгомъ, который мы вынуждены уплатить, и у насъ возникаетъ вѣра въ справедливость вселенной, которая составляетъ весьма укоренившійся предразсудокъ нашего сердца. Но, укрѣпляясь въ этой вѣрѣ, мы теряемъ изъ вида, что все вѣдь было бы въ томъ же положеніи, если бы эксцессъ или неосторожность имѣли причину невинную или героическую, выражаясь нашимъ дѣтскимъ языкомъ. Бросаюсь ли я въ холодную воду, чтобы спасти моего ближняго, или же падаю въ нее, пытаясь его туда бросить, послѣдствія простуды будутъ абсолютно сходны, и ничто ни на землѣ, ни въ небесахъ, помимо меня самого и человѣка, если онъ можетъ, не прибавитъ страданія къ моимъ страданіямъ на

томъ основаніи, что я совершилъ преступленіе, не убавитъ горести у моихъ горестей на томъ основаніи, что я совершилъ актъ добродѣтели" (Temple, 6—7). Возможно, что неизвѣстная намъ въ цѣломъ вселенная оставила въ своемъ вѣчномъ и колоссальномъ планѣ небольшое эфемерное мѣстечко для всего человѣческаго рода, но дѣйствія самаго мощнаго, самаго лучшаго и самаго худшаго индивида имѣютъ въ этомъ планѣ не больше значенія, чѣмъ въ исторіи морей и континентовъ едва замѣтныя движенія маленькой геологической частицы. Невидимое и безконечное каждый моментъ вмѣшивается въ нашу жизнь, но только въ видѣ безразличныхъ элементовъ, огромныхъ и слѣпыхъ, которые проходятъ надъ нами и въ насъ, проникаютъ въ насъ, воздѣйствуютъ на насъ и оживляютъ насъ, совершенно не подозрѣвая о нашемъ существованіи, какъ это дѣлаютъ вода, воздухъ, огонь и свѣтъ (108—9). „Нѣтъ идеи, о которой вселенная думаетъ меньше, чѣмъ идея справедливости. Вселенная занимается только равновѣсіемъ, и то, что мы называемъ справедливостью, есть лишь человѣческое преобразованіе законовъ равновѣсія, точно такъ же, какъ медъ есть только преобразованіе соковъ, которые находятся въ цвѣтахъ. Внѣ человѣка нѣтъ справедливости" (Sagesse, 198). Нѣтъ никакой связи между шарикомъ рулетки и жизнью игрока; шарикъ повинуется только сложнымъ законамъ центробѣжной и центростремительной силы; для него не имѣютъ никакого значенія думы, волненія и надежды играющихъ, но большое значеніе получаютъ такія событія, какъ сотрясеніе пола ихъ шагами или даже восходъ какой-нибудь звѣзды на небосклонѣ (Le double jardin, 33—49). Не существуетъ „справедливости вещей", справедливости физической; есть только заключающаяся въ самомъ человѣкѣ справедливость психологическая и справедливость соціальная, которая основана на психологической (Temple, 4—5). Приходится констатировать, „что есть между нашею моралью и образомъ дѣйствій природы такое же противорѣчіе, какъ между нашимъ инстинктомъ, который мы полу-

чили отъ природы, и нашимъ сознаніемъ, которое въ послѣднемъ счетѣ мы получили также отъ природы, но которое сформировали мы сами и которое мы все болѣе и болѣе твердо, въ силу самой возвышенной человѣческой морали, противопоставляемъ желаніямъ нашего инстинкта" (45). Въ природѣ торжествуетъ всегда самый сильный и наименѣе разборчивый. Когда постигающія насъ бѣдствія мы зовемъ испытаніями, наградами и наказаніями, то мы даемъ слишкомъ высокое и слишкомъ моральное имя безразличнымъ капризамъ природы (140).

Дѣлались различныя попытки отыскать въ природѣ справедливость, но слѣдуетъ признать, что всѣ онѣ были неудачны. Такъ, напримѣръ, пытались усмотрѣть справедливость въ дѣйствіи наслѣдственности, какъ физической, такъ и духовной. Это была бы, конечно, нѣсколько странная, съ нашей обычной точки зрѣнія, справедливость, такъ какъ она карала бы дѣтей за грѣхи ихъ отцовъ. Но все-таки тутъ была бы какая-то справедливость, съ которой мы могли бы освоиться. Но суть дѣла состоитъ въ томъ, что наслѣдственность сурово караетъ за такіе сравнительно невинные грѣхи, какимъ часто, напримѣръ, является алкоголизмъ, и вообще посылаетъ намъ бѣдствія въ результатѣ извѣстнаго внѣшняго поведенія, совершенно не сообразуясь съ тѣмъ, было ли вызвано это поведеніе мотивами нравственными или безнравственными. Природа вообще считается только съ нашими внѣшними актами, а вовсе не съ намѣреніями и побужденіями къ нимъ (Temple, 7—13).

Въ наше время дѣлаются даже попытки обратнаго характера. Отчаявшись найти въ природѣ подтвержденіе нашей морали, люди пытаются распространить законы природы на наше поведеніе и, такимъ образомъ, отказываются отъ морали во имя законовъ природы. Такой смыслъ, въ глазахъ Метерлинка, имѣютъ всѣ системы такъ называемой эволюціонной морали; эволюціонная мораль основана на подражаніи природѣ, такъ какъ она возлагаетъ на каждаго естественныя послѣдствія его дѣйствій; но, оперируя поня-

тіями отбора, торжества сильныхъ и гибели слабыхъ, она вноситъ въ представленія о нормахъ поведенія ту же холодность, безучастность и равнодушіе, которымъ отличается природа, т.-е. на самомъ дѣлѣ уничтожаетъ всякую человѣческую справедливость (Temple, 48). И въ самомъ дѣлѣ, передъ нами возникаетъ серьезный вопросъ: если наша человѣческая мораль въ такой степени расходится съ законами природы, то не представляетъ ли она изъ себя простое заблужденіе, простую иллюзію, и не должны ли мы съ нею разстаться во имя истины? Вѣдь человѣкъ не долженъ жить иллюзіями; онъ всегда долженъ искать правды и подчиняться истинѣ, какъ бы она ни казалась непріемлема. Заблужденіе и ложь никогда не приносили людямъ прочнаго счастія. Иногда съ ихъ помощью достигалось временное утѣшеніе и успокоеніе, такъ какъ поддерживались надежды, несбыточныя передъ лицомъ истины. Но сколько же при этомъ даромъ терялось времени. А между тѣмъ человѣчество, которое хочетъ узнать истину, не можетъ терять времени (Temple, 16—7). „Передъ лицомъ тайны, какъ передъ лицомъ всего остального и даже болѣе, чѣмъ передъ лицомъ всего остального, дѣло идетъ уже не о красотѣ или величіи, но объ истинѣ и искренности“ (Temple, 107).

Однако, болѣе внимательный анализъ обнаруживаетъ, что въ данномъ случаѣ положеніе вовсе не такъ просто, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Правда, мы не знаемъ послѣднихъ основаній нашей человѣческой морали. Какъ уже много разъ было указано, причины, по которымъ мы считаемъ одобрительнымъ служеніе добру, а не злу, даются намъ не разумомъ, но чувствомъ, сокрыты въ глубинахъ нашего безсознательнаго, передъ откровеніями котораго только почтительно склоняется нашъ разумъ, какъ передъ высшимъ свѣтомъ. Раціональнаго обоснованія морали дать мы не можемъ. Но вѣдь мы въ одинаковой степени не знаемъ и не можемъ раціонально объяснить и послѣднія основанія природной закономѣрности. Мы не знаемъ,

конечно, куда ведетъ человѣческій родъ признаваемый имъ нравственный законъ, но мы въ такой же мѣрѣ не знаемъ и того, куда направляется жизнь всего міра природной закономѣрностью. Мы встрѣчаемся здѣсь съ двумя міровыми тайнами и тайну для насъ составляетъ и ихъ соотношеніе. Обѣ эти тайны остаются пока непроницаемыми для нашего интеллекта; міръ представляется намъ въ основѣ непонятнымъ и не вполнѣ согласованнымъ, и мы еще разъ убѣждаемся въ извѣстной уже намъ тщетности нашихъ попытокъ уложить вселенную въ рамки нашего силлогизма.

Но при рѣшеніи вопроса слѣдуетъ принять во вниманіе, что эти двѣ міровыя тайны стоятъ не въ одинаковомъ отношеніи къ самому человѣку. Одна изъ этихъ тайнъ, тайна моральная, заключается въ самомъ человѣкѣ и уже потому одному гораздо намъ ближе, доступнѣе, понятнѣе и родственнѣе, чѣмъ другая. Мы, конечно, могли бы разстаться съ нашей моралью, перестать руководиться нравственнымъ закономъ, присущимъ людямъ, и начать пытаться въ нашихъ дѣйствіяхъ подражать природной закономѣрности. Но какое же мы имѣемъ на это право и во имя чего будемъ мы такъ поступать, если и въ природѣ, въ концѣ-концовъ, мы сталкиваемся съ непроницаемой для насъ тайной? „Желая подражать несправедливости природы, мы рискуемъ подражать и благопріятствовать нашей собственной несправедливости“ (Temple, 56). Вѣдь мы, въ концѣ-концовъ, ничего не можемъ сказать объ основаніяхъ дѣйствій природы. „Она не дѣйствуетъ, какъ мы дѣйствуемъ, но, я повторяю, мы абсолютно не знаемъ, почему она дѣйствуетъ инымъ образомъ; и мы не имѣемъ права подражать кому-либо, кто, по нашему представленію, совершаетъ несправедливыя или жестокія дѣйствія, разъ мы не знаемъ въ точности тѣхъ основаній, можетъ-быть, даже глубокихъ и спасительныхъ, въ силу которыхъ онъ такъ дѣйствуетъ“ (53). Конечно, возможно выставлять утвержденіе, что вся наша мораль есть только иллюзія человѣческаго рода. Но, когда на этомъ основаніи намъ предлагаютъ съ нею разстаться,

то возникаетъ вопросъ, во имя какой же другой иллюзіи мы съ ней разстанемся? „Если даже слѣдуетъ допустить, что все это иллюзіи, то справедливо допустить въ то же время, что иллюзія есть единственная вещь, которая можетъ завладѣть душой, и во имя какой же иной иллюзіи присвоимъ мы себѣ право относиться съ неуваженіемъ къ иллюзіи?“ (Sagesse, 102). „Изъ того, что наша мораль не пропорціональна къ огромнымъ размѣрамъ вселенной, не слѣдуетъ, что мы должны ее оставить, ибо она пропорціональна къ нашему росту и къ нашей ограниченной участи. Если даже несправедливость природы не подлежала бы спору, то слѣдовало бы рѣшить еще другой вопросъ, вполнѣ нерѣшенный, а именно, приказано ли человѣку слѣдовать несправедливости природы... Нашъ разумъ и нашъ инстинктъ говорятъ намъ, что законно слѣдовать совѣтамъ природы, но они говорятъ также, что не нужно имъ слѣдовать, если бы это нарушило въ насъ другой инстинктъ, равнымъ образомъ глубокій, т.-е. инстинктъ справедливаго и несправедливаго. И, если инстинкты приближаются къ истинѣ и должны быть уважаемы пропорціонально ихъ силѣ, то этотъ послѣдній является, быть-можетъ, болѣе могущественнымъ, такъ какъ онъ одинъ боролся до сего дня противъ всѣхъ другихъ и не былъ еще поколебленъ. Не пришелъ часъ отъ него отказываться. Мы люди и намъ необходимо, ожидая другихъ увѣренностей, оставаться справедливыми въ человѣческой сферѣ. Мы не видимъ ни достаточно далеко, ни достаточно ясно, чтобы быть справедливыми въ другой. Не будемъ поэтому порываться въ нѣчто вродѣ пропасти, гдѣ расы и народы, безъ сомнѣнія, найдутъ исходъ, но куда человѣкъ, поскольку онъ просто человѣкъ, не долженъ проникать. Несправедливость природы, въ концѣ-концовъ, становится справедливостью для цѣлаго рода, родъ имѣетъ время ждать и эта несправедливость по его росту. Но насъ это давитъ и мы насчитываемъ слишкомъ мало дней. Оставимъ силу господствовать во вселенной, а справедливость —въ нашемъ сердцѣ“ (Temple, 57—8).

„Это, конечно, истина и, если хотите, самая обширная и самая вѣрная изъ истинъ, что наша жизнь—ничто, что усилія, которыя мы дѣлаемъ, достойны смѣха, что наше существованіе, что существованіе самой нашей планеты есть только ничтожная случайность въ исторіи міровъ; но вѣдь истиной является и то, что наша жизнь и наша планета оказываются для насъ наиболѣе важными феноменами и даже единственно важными въ исторіи міровъ. Которая изъ истинъ наиболѣе вѣрная? Развѣ первая съ необходимостью разрушаетъ вторую и безъ второй имѣли ли бы мы силу формулировать первую? Одна обращается къ нашему воображенію и можетъ сдѣлать намъ добро въ своей области, но другая непосредственно интересуетъ нашу реальную жизнь. Каждая должна имѣть свою часть. Самое существенное состоитъ въ томъ, чтобы привязаться не къ той истинѣ, которая, быть-можетъ, наиболѣе истинна съ точки зрѣнія вселенной, но къ той, которая болѣе истинна съ точки зрѣнія человѣческой. Мы не знаемъ цѣли вселенной и того, важны ли для нея судьбы нашего рода; слѣдовательно, вѣроятная безполезность нашей жизни или нашего рода есть истина, которая касается насъ только не прямымъ образомъ и остается для насъ подъ сомнѣніемъ. Напротивъ, другая истина, та, которая даетъ намъ сознаніе важности нашей жизни, безъ сомнѣнія, есть истина болѣе узкая, но она затрогиваетъ насъ на дѣлѣ, непосредственно и безспорно. Мы были бы неправы, если бы принесли ее въ жертву или подчинили посторонней истинѣ. Конечно, намъ дозволено не терять изъ вида первую, она поддержитъ и освѣтитъ вторую, она научитъ насъ не быть ея хвастливыми и ограниченными рабами, извлекающими выгоду изъ всего, чего она не охватываетъ. Но если она насъ лишаетъ мужества и парализуетъ, то это потому, что мы не въ достаточной степени отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ огромномъ, но и очень непрочномъ мѣстѣ, которое она занимаетъ въ области важныхъ истинъ; ибо она зависитъ отъ огромнаго количества проблемъ, которыя еще не рѣшены,

тогда какъ проблемы, отъ которыхъ зависитъ вторая, рѣшаются на каждомъ шагу самою жизнью“ (116—7).

Мы еще разъ убѣждаемся, что силы нашего интеллекта ограничены и что мы не имѣемъ права полагаться на него въ разрѣшеніи коренныхъ вопросовъ бытія. Человѣкъ не есть животное чисто логическое (Intelligence des fleurs, 158), и одинъ изъ большихъ недостатковъ нашего времени составляетъ чрезмѣрное поклоненіе передъ логическимъ разумомъ и основанными на немъ точной наукой и „здравымъ смысломъ“ въ ущербъ правамъ воображенія и мистическаго проникновенія. Не слѣдуетъ забывать, что человѣчество до сихъ поръ не жило однимъ разумомъ и, если оно двигалось впередъ, то главную поддержку при этомъ получало именно отъ мистическихъ силъ. Силы разума до сихъ поръ не работали безъ поддержки мистики и потому преждевременно ожидать, что онѣ дѣйствительно окажутся въ состояніи вести насъ впередъ безъ этой помощи. Во всякомъ случаѣ, не годится разуму выдавать показанія нашего мистическаго чувства за химеры, „такъ какъ по этому поводу мы могли бы спросить, не является ли самъ этотъ высшій судья, со всѣхъ сторонъ превышаемый и опровергаемый геніемъ природы и необъяснимыми законами вселенной, самъ гораздо болѣе химеричнымъ, чѣмъ химеры, которыя онъ пытается уничтожить“ (Intelligence des fleurs, 177). „Если химеры стоятъ противъ химеръ, то лучше примемъ химеры, стоящія выше, чѣмъ химеры, стоящія ниже“ (178).

При нашихъ разсужденіяхъ о несправедливости природы, которыя, какъ мы видѣли, лежатъ въ основѣ современныхъ сомнѣній въ правомѣрности человѣческой морали и предположеній объ ея иллюзорности, не слѣдуетъ забывать и еще объ одномъ. Вѣдь, въ концѣ-концовъ, и эта несправедливость природы не есть нѣчно вполнѣ доказанное и твердо установленное. Все дѣло сводится, въ сущности, только къ тому, что мы не въ состояніи охватить природу цѣликомъ и понять ее до конца. Природа совершенно не-

соизмѣрима нашимъ ограниченнымъ силамъ; она располагаетъ такимъ будущимъ и такимъ пространствомъ, о которыхъ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго представленія. Можетъ-быть, у нея есть и своя справедливость, соотвѣтствующая этому протяженію времени и этому пространству? И можетъ-быть, эта справедливость, непонятная для насъ въ нашемъ теперешнемъ ограниченномъ существованіи, станетъ доступна нашему пониманію въ загробной безконечной жизни? (Temple, 54—55). Метерлинкъ убѣжденъ въ томъ, что душа человѣческая безсмертна. Онъ думаетъ только, что обычныя представленія о безсмертіи души слишкомъ дѣтски и наивны и потому очень затемняютъ вопросъ для болѣе критическаго ума. По обычнымъ представленіямъ подъ безсмертіемъ души слѣдуетъ понимать нѣчто въ родѣ безконечнаго продолженія нашего земного личнаго сознанія, основаннаго на памяти. Метерлинкъ согласенъ, что въ этой формѣ безсмертіе души непредставимо и мало вѣроятно: вѣдь это сознаніе даже въ предѣлахъ земной нашей жизни постоянно прерывается, хотя бы сномъ, и очень часто намъ измѣняетъ и помимо этого, постепенно притомъ ослабѣвая по мѣрѣ приближенія старости. Но безсмертіе становится вполнѣ допустимымъ, если представлять его себѣ, какъ высшую жизнь духа, превышающую предѣлы нашего обычнаго сознанія; проблески такой жизни мы ощущаемъ въ себѣ, когда бываемъ охвачены порывомъ безкорыстной симпатіи къ другому человѣку или же погружаемся въ эстетическое созерцаніе и т. п. (Intelligence des fleurs, 277—313) [1]).

---

[1]) Свои мысли о безсмертіи души Метерлинкъ теперь подробнѣе развилъ и обосновалъ въ только что появившейся новой книгѣ „La mort“ (1913), съ которой я познакомился уже во время печатанія этихъ статей. И здѣсь также отрицается безсмертіе въ формѣ продолженія личнаго сознанія того же характера, съ какимъ это сознаніе является во время земной жизни. Но Метерлинкъ продолжаетъ вѣрить въ вѣчность нашего духа, указывая однако на то, что постигнуть эту тайну, какъ и тайну всякой безконечности, мы не въ силахъ средствами нашего ограниченнаго ума, и потому намъ остается влагать въ эту тайну тотъ смыслъ, который больше всего намъ поможетъ жить,

Есть, во всякомъ случаѣ, свое величіе и въ томъ положеніи, которое является удѣломъ человѣка въ его земной жизни. Правда, онъ не знаетъ навѣрное, справедлива ли судьба, и даже имѣетъ очень много видимыхъ основаній вѣрить въ ея несправедливость. Но вѣдь только при этомъ условіи и возможна безкорыстная добродѣтель и безкорыстная заслуга. „Какая душа могла бы себя назвать доброй, если бы награда была обезпечена?“ (Sagesse, 124). Когда мы жалуемся на несправедливость судьбы, „мы забываемъ, что, если бы случай былъ надѣленъ малѣйшимъ чувствомъ справедливости, то высокая и безкорыстная мораль, о которой мы мечтаемъ, была бы невозможна... Не будемъ терять изъ вида, что именно изъ неморальности судьбы рождается болѣе прекрасная мораль. Здѣсь, какъ и вездѣ, чѣмъ болѣе человѣкъ чувствуетъ себя оставленнымъ, тѣмъ болѣе онъ находитъ въ себѣ настоящей человѣческой силы... Съ уничтоженіемъ возмездія и награды возникаетъ необходимость дѣлать добро ради добра... Все, что мы прибавляемъ къ моральности судьбы, мы отнимаемъ отъ чистоты нашего моральнаго идеала. Напротивъ, чѣмъ болѣе мы убѣждены, что судьба несправедлива, тѣмъ болѣе мы расширяемъ и очищаемъ передъ собой поля лучшей морали“ (176—7). „Не въ законахъ тяготѣнія, но въ насъ самихъ должны мы искать награды... Есть человѣческая радость дѣлать добро, преслѣдуя опредѣленную цѣль; но есть и божественная радость дѣлать добро и ни на что не надѣяться“ (179). „Несправедливость судьбы ставитъ человѣка на его мѣсто въ природѣ. Вовсе не полезно для него

больше всего соотвѣтствуетъ нашимъ идеаламъ и стремленіямъ. Мысли Метерлинка о міровой тайнѣ принимаютъ въ этомъ сочиненіи явно прагматическій оттѣнокъ и, надо думать, эта новая версія представленій Метерлинка о безконечномъ сложилась подъ прямымъ вліяніемъ Джемса, на котораго часто дѣлаются ссылки въ этой книгѣ, хотя по другимъ поводамъ, болѣе мелкимъ. Очень яркими красками изображена въ этомъ новомъ трудѣ Метерлинка неспособность нашего ограниченнаго интеллекта понять безконечный космосъ въ его цѣломъ.

постоянно озираться вокругъ себя, подобно ребенку, который ищетъ еще свою мать“ (189).

Есть нѣчто даже возвышающее насъ въ мысляхъ о необъятности и непонятности вселенной. „Изъ самаго несоотвѣтствія между безконечнымъ, которое насъ убиваетъ, и ничтожествомъ, которое мы представляемъ, рождается чувство извѣстнаго величія въ насъ самихъ: намъ пріятнѣе быть раздавленнымъ горой, чѣмъ камешкомъ; на войнѣ мы предпочитаемъ погибнуть въ борьбѣ противъ тысячи, а не противъ одного. Интеллектъ, показывая намъ, такъ сказать, огромность нашего безсилія, тѣмъ самымъ избавляетъ насъ отъ сожалѣнія о нашемъ пораженіи“ (192). „Нѣчто въ нашей душѣ предпочтетъ всегда по временамъ плакать въ безграничномъ мірѣ, чѣмъ быть постоянно счастливымъ въ ограниченномъ мірѣ“ (193). „Когда наши глаза открываются, мы чувствуемъ, что надъ нами господствуетъ сила все болѣе и болѣе необъятная, но въ то же время мы пріобрѣтаемъ увѣренность все болѣе и болѣе интимную, что и мы составляемъ часть этой силы; и даже, когда она насъ поражаетъ, мы можемъ на нее любоваться, какъ Телемакъ-ребенокъ любовался силою отцовской руки“ (191).

„Если бы даже было вѣроятно, что мы не имѣемъ никакой иной миссіи, чѣмъ на моментъ занять маленькое мѣстечко, которое иначе было бы занято кузнечиками или фіалками безъ всякаго отъ этого измѣненія блеска или экономіи вселенной, безъ всякаго отъ этого сокращенія или продолженія хотя бы на часъ судебъ земли, если бы мы шли только, чтобы идти, не направляясь никуда, то и въ этомъ случаѣ намъ ничего бы не оставалось, какъ интересоваться этимъ безполезнымъ шествіемъ и это было бы, сверхъ того, самымъ раціональнымъ и самымъ высокимъ рѣшеніемъ, которое мы могли бы принять“ (Temple, 192).

Человѣкъ долженъ жить, главнымъ образомъ, своею внутренней тайной, тайной моральной, а не тайной міровой. Вотъ почему неправильно поступаютъ тѣ поэты и

вообще „истолкователи жизни“, которые ищутъ трагедію человѣка, главнымъ образомъ, во внѣшнемъ фатумѣ. Подобная идея ярко проведена у греческихъ трагиковъ, но она часто встрѣчается и у новыхъ, даже у такихъ, какъ Шекспиръ. Въ наше время Ибсенъ пытался воскресить ее подъ формой наслѣдственности, тяготѣющей надъ людьми. И самъ Метерлинкъ, передавая настроеніе большинства людей, посвятилъ этой мысли свои маленькія драмы (Temple, 112). Но не слѣдуетъ поддерживать въ людяхъ такое представленіе о жизни. „Конечно, съ извѣстной точки зрѣнія, несмотря на все, что мы узнаемъ, несмотря на всѣ завоеванія, которыя мы сдѣлаемъ, и всѣ увѣренности, которыя мы, быть-можетъ, пріобрѣтемъ, мы всегда будемъ маленькими жалкими и безполезными существами, обреченными на смерть и преданными во власть капризовъ невнимательныхъ и неизмѣримыхъ силъ, которыя насъ окружаютъ. Мы представляемся моментомъ въ безграничномъ пространствѣ и не имѣемъ иной уловимой миссіи, кромѣ продолженія рода, который самъ не имѣетъ опредѣленной миссіи, въ организмѣ вселенной, протяженіе и продолжительность которой ускользаютъ отъ самаго мощнаго и самаго смѣлаго воображенія. Это — истина, одна изъ тѣхъ глубокихъ, но бездѣятельныхъ истинъ, передъ которыми поэтъ можетъ склониться мимоходомъ, но около которыхъ человѣкъ съ тысячью обязанностей, живущій въ поэтѣ, не долженъ останавливаться долго. Существуетъ куча великихъ и достойныхъ уваженія истинъ, въ области которыхъ не годится, однако, засыпать“ (115).

Истолкователь жизни долженъ обращать вниманіе людей, главнымъ образомъ, на ту моральную тайну, которая заключается въ нихъ самихъ. Устранить тайну справедливости намъ не удастся. Да это и бываетъ очень рѣдко, что тайна исчезаетъ. Большой заслугой часто является простое перемѣщеніе тайны. Это и происходитъ въ данномъ случаѣ. Мы перемѣщаемъ тайну, которой мы живемъ, въ самого человѣка и тѣмъ отводимъ ей такое мѣсто, гдѣ она

становится ближе къ намъ, представляется намъ глубже и получаетъ характеръ не убійственный, отравляющій энергію, но спасительный, понуждающій къ дѣйствованію въ направленіи добра (27—32, 37).

Во всякомъ случаѣ никогда не слѣдуетъ олицетворять внѣшній фатумъ и придавать ему черты личнаго существа, по своимъ свойствамъ похожаго на человѣка, но гораздо болѣе могущественнаго, чѣмъ онъ. Главный ужасъ, который людямъ внушаетъ судьба, всегда происходилъ именно отъ такого ея олицетворенія (157).

VI. Драмы и стихотворенія Метерлинка.

Данный выше очеркъ міровоззрѣнія Метерлинка составленъ на основаніи его книгъ, появившихся въ печати, начиная съ 1896 года (Le trésor des humbles; далѣе идутъ: La sagesse et la déstinée 1898, La vie des abeilles 1901, Le temple enseveli 1902, Le double jardin 1904, L'intelligence des fleurs 1907 [1]). Но литературное творчество Метерлинка началось раньше и выражалось въ стихотвореніяхъ и драматическихъ произведеніяхъ. Поэтому представляетъ интересъ бросить взглядъ и на этотъ матеріалъ, такъ какъ по нему въ извѣстной степени можно прослѣдить, какъ постепенно пришелъ нашъ авторъ къ своему міровоззрѣнію. Сверхъ того, здѣсь мы найдемъ рядъ не лишенныхъ интереса художественныхъ иллюстрацій къ отвлеченнымъ разсужденіямъ поэта-мыслителя. Я не ставлю себѣ задачи произвести подробный разборъ этихъ вещей Метерлинка, эстетическую критику оставлю совершенно въ сторонѣ и ограничусь тѣмъ, что въ возможно краткой формѣ попытаюсь намѣтить философское содержаніе, заключающееся въ этихъ произведеніяхъ.

---

[1]) О только-что появившейся (1913 г.) книгѣ „La mort“ сказано было выше на стр. 84 въ примѣчаніи.

Первый трудъ Метерлинка [1]), появившійся въ 1889 г., носитъ названіе „Теплица“ (Les serres chaudes). Очень трудно передать общее содержаніе это сборника стихотвореній, написанныхъ въ весьма свободной и часто причудливой внѣшней формѣ. Здѣсь описываются страданія человѣческой души, которая изображается авторомъ въ видѣ растенія, заключеннаго въ теплицу. На образахъ, создаваемыхъ при этомъ фантазіей автора, явственно отражаются картины родного города Гента съ его мрачными каналами, госпиталями, старыми замками и монастырями [2]). Душа задыхается въ тепличной влажной и тяжелой атмосферѣ, куда не проникаетъ ни вѣтеръ, ни снѣгъ, и гдѣ весь окружающій міръ видѣнъ только сквозь зеленоватыя стекла. Въ этомъ мірѣ теплицы нѣтъ никакого порядка и связи, и воображеніе автора рисуетъ ему все время весьма странныя и противорѣчивыя по своему внутреннему содержанію картины. Мы постоянно встрѣчаемся съ самыми причудливыми сопоставленіями; поэту приходятъ на умъ „мысли принцессы, которая голодна, скука матроса въ пустынѣ, музыка мѣдныхъ инструментовъ подъ окнами неизлѣчимо больныхъ, безумная передъ судьями, военный корабль съ распущенными парусами на каналѣ, запахъ эѳира въ солнечный день, бродяга на тронѣ, косарь на прудѣ, допотопныя животныя, наполняющія города, больная невѣста, предательство въ воскресенье, маленькія дѣти въ темницѣ, умирающая у дверей кухни и т. п.“. Настроеніе автора все время остается самымъ подавленнымъ и ярко пессимистическимъ. Его душа жаждетъ освобожденія отъ тепличной обстановки, но въ то же время полна усталости и скуки. Чувственные соблазны раздираютъ душу и наносятъ тяжелыя раны ея гордости. Авторъ молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ послалъ дождь, вѣтеръ и снѣгъ въ теплицу. Онъ ожидаетъ хоть какого-нибудь пробужденія,

---

[1]) Родился Метерлинкъ 29 августа 1862 года.

[2]) *Ансельма Гейне*, Морисъ Метерлинкъ (изд. Всеобщ. библ.), стр. 10.

мечтаетъ о томъ, чтобы прошелъ сонъ и чтобы хоть немного свѣта попало на его руки, замороженныя луной. Онъ молитъ Бога о томъ, чтобы Онъ открылъ ему Свои пути, освѣтилъ его усталую душу, ибо печаль его радости представляется ему травой подо льдомъ.

Въ этомъ сборникѣ, такимъ образомъ, мы уже встрѣчаемъ нѣкоторые мотивы будущаго ученія. Міръ внѣшней жизни не увлекаетъ поэта; онъ не находитъ въ немъ внутренняго смысла и не можетъ имъ наслаждаться; ему хочется проникнуть за предѣлы теплицы, въ которую помѣщена его душа, и узнать хоть что-нибудь о настоящей реальной жизни, которая скрыта тепличными стеклами и отравлена тепличной атмосферой. Но поэтъ пока остается въ предѣлахъ своей тоски; путь избавленія еще не видѣнъ.

Слѣдующимъ по времени созданіемъ поэта является драма въ пяти дѣйствіяхъ подъ названіемъ „Принцесса Маленъ“ (1889). Въ отличіе отъ дальнѣйшихъ драматическихъ произведеній Метерлинка, эта драма полна внѣшними событіями и имѣетъ довольно сложную интригу. Принцесса Маленъ помолвлена съ принцемъ Гіальмаромъ, при чемъ молодые люди искренно любятъ другъ друга. Но хитрая и чувственная королева Анна, сама питающая страсть къ принцу, сватаетъ за него свою дочь Угліану; ей удается разстроить помолвку и даже заставить отца жениха, стараго Гіальмара, влюбленнаго въ нее, объявить войну отцу невѣсты. Въ результатѣ этой войны погибаютъ родители принцессы Маленъ и разрушается все ихъ королевство. Принцесса не отказывается однако отъ своей любви къ Гіальмару. Она разыскиваетъ его резиденцію, гдѣ случай помогаетъ ей подъ видомъ служанки проникнуть во дворецъ. Тамъ она находитъ возможность открыться Гіальмару, котораго успѣли уже обручить съ Угліаной. Гіальмаръ отказывается отъ своей новой невѣсты, желая остаться вѣрнымъ первой и единственной любви къ Маленъ. Королева Анна пробуетъ отравить принцессу Маленъ, но, такъ какъ врачъ даетъ слишкомъ слабый ядъ, то она, при содѣйствіи стараго ко-

роля, душитъ Маленъ своими руками. Старый король такъ потрясенъ этимъ событіемъ, что раскрываетъ тайну, и драма кончается тѣмъ, что принцъ Гіальмаръ убиваетъ королеву Анну, а затѣмъ и самого себя.

Въ этой драмѣ человѣческія страсти роковымъ образомъ ведутъ людей по извѣстному пути и затѣмъ, благодаря скрещиванію этихъ путей, фатально разыгрываются ужасныя событія, которыя дѣйствующими лицами смутно предчувствуются, но не предвидятся ясно. Принцесса Маленъ все время послѣдовательно движется по тому пути, который ей указанъ любовью къ принцу Гіальмару. Королева Анна увлечена аналогичной страстью, ослѣплена своимъ честолюбіемъ, но отличается существенно тѣмъ, что не стѣсняется никакими средствами при достиженіи своихъ цѣлей. Дороги этихъ двухъ женщинъ скрещиваются и наступаетъ катастрофа, ничѣмъ не отвратимая, хотя смутно все время предчувствуемая всѣми участниками драмы. Предчувствія эти выражаются въ томъ, что эти люди постоянно склонны въ трагическомъ духѣ истолковывать происходящія вокругъ нихъ по внѣшности совершенно невинныя событія. И чѣмъ проще и искреннѣе существо, тѣмъ сильнѣе говоритъ въ немъ этотъ голосъ предчувствія. Особенно ярко проявляются предчувствія у самой принцессы Маленъ передъ ея трагической кончиной, а затѣмъ у ея собаки Плутона. Старый король, въ концѣ драмы впадающій въ дѣтство, видитъ указаніе на совершонное имъ преступленіе во всей окружающей его обстановкѣ и проникается полной увѣренностью, что „здѣсь есть кто-то, все знающій, здѣсь есть кто-то, все подстроившій, кто-то, все видѣвшій, но не смѣющій сказать прямо“.

Такимъ образомъ, въ этой драмѣ мы уже встрѣчаемся съ таинственной и ужасной судьбой, которая влечетъ людей въ бѣдствія помимо ихъ воли и вѣдома, воздѣйствуя на ихъ страсти и создавая для нихъ роковыя положенія. Но внутренняя драма человѣка намъ не изображается; все дѣйствіе вертится на внѣшнихъ событіяхъ. Люди изобра-

жены пассивными жертвами судьбы, и никакой попытки вступить съ ней въ борьбу или противопоставить ей нѣчто въ родѣ будущей „Мудрости“ мы здѣсь не находимъ.

Уже съ болѣе тонкимъ символизмомъ встрѣчаемся мы въ одноактной картинѣ „Непрошенная“ (L'intruse, 1890), гдѣ изображается появленіе смерти въ семьѣ, которая только что была успокоена обнадеживающими заключеніями врача. Вся пьеса посвящена опять изображенію тѣхъ предчувствій грозящаго несчастія, которыя въ разной степени появляются у собравшихся рядомъ съ комнатой умирающей женщины членовъ семьи. Интересно, что больше всего безпокойства проявляетъ слѣпой старикъ, отецъ умирающей [1]). Онъ пугается рѣшительно всего; онъ видитъ мрачныя предзнаменованія во внезапномъ прекращеніи пѣнья соловьевъ, въ упоминаніи о столярѣ, котораго ждутъ завтра для какихъ-то работъ, въ звукѣ оттачиванія косы, раздающемся изъ сада, въ стукѣ въ дверь и т. п. Онъ чувствуетъ приближеніе смерти: ему кажется, что кто-то вошелъ въ комнату и сѣлъ за столъ рядомъ съ находящимися въ ней людьми. Женщины также обнаруживаютъ бо̀льшую чуткость, чѣмъ мужчины, присутствующіе въ комнатѣ, со включеніемъ мужа умирающей: дѣвушки раньше другихъ замѣчаютъ, что кто-то вошелъ въ садъ. Наконецъ, новорожденный ребенокъ умирающей матери начинаетъ кричать въ самый моментъ смерти. Всѣ эти существа живутъ болѣе внутренней, болѣе глубокой жизнью; они ближе къ своему погребенному храму, чѣмъ другіе люди.

Грандіозная аллегорическая картина набросана въ небольшой одноактной пьесѣ „Слѣпые“ (1890). Здѣсь мы находимъ изображеніе современнаго человѣчества, утратившаго вѣру и вынужденнаго полагаться только на разумъ, руководство котораго недостаточно въ основныхъ вопросахъ жизни и который именно здѣсь-то и оставляетъ насъ безъ всякой помощи. Въ пьесѣ всѣ люди, кромѣ ихъ вождя—

---

[1]) Ср. съ этимъ Trésor, стр. 168.

стараго священника — представлены слѣпыми. Нѣкоторые изъ нихъ—слѣпорожденные, другіе—давно ослѣпли. Такимъ образомъ, человѣчество въ цѣломъ, по пониманію автора, ничего не видитъ вокругъ себя, живетъ въ потемкахъ и движется ощупью. Люди имѣли до сихъ поръ руководителя въ лицѣ стараго священника. Онъ вывелъ ихъ на прогулку изъ стараго замка, гдѣ они жили въ безопасности за стѣнами, и къ вечеру умеръ между ними, такъ что они этого не замѣтили. Все общество слѣпыхъ изображено находящимся въ томительномъ ожиданіи возвращенія священника, котораго слѣпые считаютъ просто ушедшимъ. Въ разговорахъ, которые они ведутъ между собою, авторъ пытается представить разные человѣческіе типы. Не всѣ слѣпые одинаково смотрятъ на свое положеніе и не всѣ они одинаково относятся къ старому вождю священнику, въ которомъ изображена угасающая религіозная вѣра. Прежде всего бросается въ глаза разница въ положеніи мужчинъ и женщинъ. Женщины стоятъ вообще ближе къ священнику. Онѣ однѣ его слушали и знаютъ его ученіе. Онѣ вообще чувствуютъ окружающую ихъ тайну и стараются прозрѣть. „Самая старая слѣпая“ боится встать съ мѣста, гдѣ находится. Она повинуется наставленіямъ священника, приказавшаго ждать его въ молчаніи. Она знакома хорошо съ планами священника. Слыша шумъ моря, страшащаго слѣпыхъ, она указываетъ, что молитвами этотъ шумъ заглушается. Когда къ слѣпымъ приближается собака, въ которой мужчины готовы видѣть своего новаго вождя, она прежде всѣхъ догадывается, что это—не человѣкъ, и отказывается слѣдовать за нею. Красавица „молодая слѣпая“ также знакома съ ученіемъ священника; она знаетъ, что онъ хотѣлъ пойти по направленію къ маяку. Священникъ ее обнялъ передъ уходомъ. Она чувствуетъ свѣтъ луны, слышитъ шумъ крыльевъ пролетающихъ птицъ. Она не совсѣмъ забыла, какъ была зрячей, и можетъ узнавать, какимъ людямъ предстоитъ несчастіе. Она не теряетъ надежды на прозрѣніе, такъ какъ ея вѣки сомкнулись, но

взоръ не угасъ. Себя она никогда не видала. Она слышитъ запахъ цвѣтовъ и вдохновляетъ одного изъ мужчинъ къ поискамъ за ними; сама она идетъ прямо на нихъ, но не можетъ преодолѣть встрѣчающихся на пути препятствій. Она первая слышитъ шаги таинственнаго избавителя, приближающіеся къ слѣпымъ въ концѣ пьесы. „Безумная слѣпая“ имѣетъ ребенка, который является единственнымъ зрячимъ существомъ во всемъ обществѣ. Ребенокъ подымаетъ раздирающій душу плачъ при приближеніи таинственныхъ шаговъ. Остальныя три слѣпыя все время погружены въ молитвы и молчатъ.—Совсѣмъ иначе ведутъ себя мужчины. Изъ нихъ „первый слѣпорожденный“ является типомъ упорнаго и ограниченнаго позитивиста, который не хочетъ знать никакихъ тайнъ, не хотѣлъ бы совсѣмъ уходить изъ безопаснаго замка, считаетъ глупостями всякое упоминаніе о Богѣ и готовъ идти за явившейся собакой, полагая, что она будетъ лучшимъ вожакомъ, такъ какъ во всемъ будетъ слушаться людей. У него нѣтъ воспоминаній, а сны онъ видитъ только въ полночь. „Второй слѣпорожденный“ стоитъ очень близко къ первому по настроенію, но только не такъ самоувѣренъ и проявляетъ большее безпокойство. „Третій слѣпорожденный“ любитъ огонь въ столовой; онъ боится молчанія и страшится моря. До нѣкоторой степени онъ прислушивается къ тому, что говорятъ женщины, и раскаивается, что плохо слушалъ разъясненія священника. Всѣ трое сходятся въ томъ, что слышатъ вокругъ себя только запахъ земли; всѣ они изъ одного прихода. „Самый старый слѣпой“ постоянно повторяетъ, что женщины, какъ ему кажется, правы. Онъ утверждаетъ, что слѣдуетъ больше думать о жизни, и признается, что не можетъ выходить одинъ. Вообще, онъ въ большей степени чувствуетъ вокругъ себя тайну жизни, чѣмъ слѣпорожденные. „Пятый слѣпой“, кромѣ слѣпоты, страдаетъ еще глухотой. Онъ постоянно спитъ и очень огорчается, когда его будятъ. Внезапно возглашаетъ: „подайте слѣпому, ради Христа“. „Шестой слѣпой“ не совсѣмъ слѣпъ:

когда свѣтитъ солнце, онъ видитъ голубую полоску; онъ надѣется прозрѣть; по указанію молодой слѣпой онъ рветъ для нея цвѣты. Въ приближающемся избавителѣ, шаги котораго слышатся женщинами, онъ предполагаетъ женщину.

Въ пьесѣ „Семь принцессъ“ (1891) мы опять находимъ то же самое описаніе тоски человѣческой души, съ которымъ встрѣчались въ сборникѣ стихотвореній „Теплица“. Семь принцессъ по смерти своихъ родителей пріѣхали къ дѣдушкѣ и бабушкѣ въ страну, гдѣ холодно и туманно, гдѣ онѣ не видятъ солнца и гдѣ имъ скучно. Онѣ больны и постоянно спятъ въ большомъ залѣ, поставивъ около себя воду, такъ какъ ихъ мучитъ жажда, и свѣтильникъ, такъ какъ онѣ боятся темноты. Наконецъ, пріѣзжаетъ давно ожидаемый принцъ и застаетъ ихъ спящими. Бабушку-королеву томятъ страшныя предчувствія. Въ залу, гдѣ спятъ принцессы, нельзя войти черезъ дверь, которая принцессами заперта изнутри, и на нихъ приходится смотрѣть черезъ окна. Принцъ проникаетъ въ залу страшнымъ подземнымъ ходомъ и будитъ всѣхъ сестеръ, за исключеніемъ, однако, самой желанной—Урсулы, которая умерла, не дождавшись его.

„Пелеасъ и Мелизанда“ (1893) опять вводитъ насъ въ царство страшной судьбы, съ которымъ мы уже имѣли дѣло въ „Принцессѣ Маленъ“. И здѣсь происходитъ трагедія на почвѣ страстей, возникающихъ въ людяхъ помимо ихъ воли и вѣдома. Пожилой и суровый Голо влюбляется въ Мелизанду, молоденькую дѣвочку, встрѣченную имъ на охотѣ, и немедленно женится на ней, несмотря на то, что происхожденіе ея ему совершенно неизвѣстно. Но затѣмъ Мелизанда встрѣчается съ братомъ своего мужа, молодымъ Пелеасомъ, и между ними рождается любовь съ перваго взгляда. Голо не выноситъ мученій ревности и оба, влюбленныхъ становятся его жертвами, вынуждены поплатиться жизнью. Случай устроилъ такъ, что Пелеасъ, созданный для Мелизанды, слишкомъ поздно появился на

ея дорогѣ. Въ драмѣ мы опять все время имѣемъ дѣло съ предчувствіями, которыя предвѣщаютъ несчастія. Но эти предчувствія нерѣдко истолковываются людьми превратно, напр., Пелеасъ ошибочно относитъ посылаемыя ему судьбой предостереженія къ болѣзни своего отца. Какъ и въ „Принцессѣ Маленъ", никому изъ дѣйствующихъ лицъ и въ голову не приходитъ вступить въ борьбу съ судьбой и противопоставить ей какую-нибудь внутреннюю силу. Старый король Аркель прямо заявляетъ: „Я никогда не противился судьбѣ... въ жизни, вѣроятно, все предопредѣлено, не случается ничего ненужнаго".

„Три маленькихъ драмы для маріонетокъ: Алладина и Паломидъ; Тамъ внутри; Смерть Тентажиля" составляютъ слѣдующее произведеніе Метерлинка (1894). Почему эти пьесы названы драмами для маріонетокъ? Повидимому, авторъ хотѣлъ этимъ сказать, что истинная реальная жизнь заключается не въ разсказанныхъ тамъ внѣшнихъ событіяхъ, но скрывается глубже. Люди ведутъ двойную жизнь. Они двигаются, разговариваютъ, переживаютъ внѣшнія событія, но при этомъ внутри нихъ течетъ невидимая извнѣ таинственная жизнь души, а вовнѣ ихъ окружаетъ еще болѣе таинственная, имъ вполнѣ неизвѣстная судьба. Старикъ въ пьесѣ „Тамъ внутри" говоритъ: „Цѣлыми мѣсяцами мы живемъ съ тѣми, кто не принадлежитъ уже этому міру и чья душа не можетъ больше опуститься до него; мы отвѣчаемъ имъ, не думая объ этомъ; и вы видите, что происходитъ... Онѣ похожи на неподвижныхъ куколъ, а между тѣмъ столько событій разыгрывается у нихъ въ душѣ". И такъ, передъ нами двѣ тайны: тайна человѣческой души и тайна внѣшней судьбы.—Въ „Алладинѣ и Паломидѣ", мы встрѣчаемся съ тайной человѣческой души. Старый Абламоръ, мудрецъ, который до сихъ поръ останавливалъ событія и точно сковалъ судьбу, вдругъ ощущаетъ въ себѣ любовь къ маленькой рабынѣ изъ Греціи, Алладинѣ, и начинаетъ жаждать событій, разсуждая, что даже несчастіе лучше, чѣмъ жизнь тихихъ ожиданій. Паломидъ—женихъ послѣд-

ней оставшейся въ живыхъ дочери Абламора, Астолэны, хотя и понимаетъ, что душа Алладины въ сравненіи съ душой Астолэны—душа ребенка, бѣднаго, слабаго ребенка, но все же не можетъ сопротивляться внезапно охватившей его любви къ Алладинѣ. Абламоръ, внѣ себя отъ ревности и отъ скорби за свою дочь, запираетъ влюбленныхъ въ подземелье и самъ исчезаетъ въ безуміи. Охваченнымъ страстью Алладинѣ и Паломиду на первыхъ порахъ подземелье кажется чуднымъ волшебнымъ гротомъ, но все великолѣпіе меркнетъ, лишь только туда проникаетъ солнечный свѣтъ, и влюбленная пара падаетъ въ море, даже не сопротивляясь опасности. Будучи спасены оттуда, Паломидъ и Алладина не могутъ однако пережить своего разочарованія и умираютъ, не жалѣя солнечныхъ лучей, въ полной увѣренности, что опять увидятъ новую зелень травъ.—Въ пьесѣ „Тамъ внутри“ изображены люди, спокойно сидящіе въ мирной семейной обстановкѣ у себя дома, занимающіеся своими обычными дѣлами, считающіе себя въ полной безопасности за запертыми засовами и не подозрѣвающіе, что неподалеку отъ нихъ только что разыгралась душевная драма одной изъ трехъ дочерей семейства; она утопилась въ рѣкѣ и трупъ ея уже несутъ къ нимъ въ домъ. Чужіе люди уже знаютъ про несчастіе, постигшее семью, но самой семьѣ оно еще остается неизвѣстнымъ. Правда, у сестеръ умершей возникаютъ какія-то смутныя предчувствія, которыя заставляютъ ихъ подходить къ окнамъ и всматриваться въ темноту, но смотрятъ онѣ не въ ту сторону, откуда идетъ несчастіе.—„Смерть Тентажиля“ изображаетъ власть смерти надъ людьми. Смерть—ревнивая королева, живущая въ башнѣ, откуда она не показывается; всѣ ея приказанія слѣпо исполняются, хотя неизвѣстно, какъ передаются; никто не можетъ противиться ея велѣніямъ. Воспитатель Агловаль привезъ маленькаго Тентажиля по ея приказанію изъ его безопаснаго убѣжища. Правда, прислужницы королевы отступаютъ передъ крикомъ самого Тентажиля, но, когда онъ заснулъ,

вся сила любви его сестеръ, спящихъ съ нимъ и опутавшихъ его своими волосами, не можетъ спасти его отъ этихъ прислужницъ. Золотистые волосы сестеръ обрѣзываются ножницами и, когда сестра Игрэнъ, разбуженная крикомъ Тентажиля, находитъ дорогу къ жилищу королевы по разбросаннымъ на пути волосамъ, то ей не удается открыть желѣзную дверь, имѣющую лишь узенькую щель, и Тентажиль погибаетъ въ башнѣ смерти. Даже сила женской любви оказывается ничтожной передъ неумолимымъ господствомъ старой королевы, которая хочетъ властвовать одна.

Въ одинъ годъ съ „Сокровищемъ смиренныхъ“ (1896) появляется новая драма Метерлинка „Аглавена и Селизетта“. Здѣсь мы находимъ гораздо меньше внѣшняго символизма и гораздо больше углубленія въ сокровенныя переживанія человѣческой души. Внѣшнихъ событій въ драмѣ чрезвычайно мало. — Красивая и умная Аглавена и Мелеандръ любятъ другъ друга съ перваго взгляда такой любовью, при которой души начинаютъ говорить одна другой раньше, чѣмъ раскрываются губы; они созданы другъ для друга и живутъ другъ другомъ. Но Мелеандръ — мужъ некрасивой и невидной, маленькой Селизетты. Она его горячо любитъ, но слишкомъ проста для него. Мелеандръ ее скорѣе жалѣетъ, чѣмъ любитъ; Селизетта жалуется, что онъ ее любитъ за что-то другое, тогда какъ ей хотѣлось бы, чтобы онъ ее любилъ за то, что это — она, только за это. Для Селизетты такой любви мало; она чувствуетъ себя лишней, мѣшающей чужому счастію. Она не можетъ перенести того, что къ ней стали относиться покровительственно, что съ ней не говорятъ иначе, какъ съ улыбкой, цѣлуютъ ее въ лобъ, называютъ маленькой Селизеттой. Правда, любовь Аглавены и Мелеандра остается вполнѣ чистой; Аглавена мечтаетъ о томъ, что всѣ они будутъ счастливы втроемъ. Мелеандръ любитъ и ту, и другую, но разною любовью. Тѣмъ не менѣе въ головѣ Селизетты складывается планъ пожертвовать собою

для любящихъ другъ друга и любимыхъ ею самою людей. Когда Аглавена убѣждается въ томъ, что счастіе втроемъ невозможно, такъ какъ не насталъ еще часъ, когда люди могли бы такъ соединяться, то она рѣшается уѣхать и прямо сообщаетъ объ этомъ Селизеттѣ, чтобы она знала, какъ страдаетъ Аглавена, уходя отъ нихъ, и несла свою долю жертвъ. Но во время этихъ сборовъ Аглавены Селизетта, не говоря никому ни слова, приводитъ свой планъ въ исполненіе: она бросается съ высокой башни и умираетъ, увѣряя всѣхъ, что упала нечаянно. Аглавена вынуждена признать, что всѣ мы нищіе передъ тѣми, кто любитъ просто. Мелеандръ выражаетъ свое отчаяніе, проклиная красоту, потому что она ведетъ за собою несчастіе, разумъ, потому что онъ хочетъ быть слишкомъ прекрасенъ, судьбу, потому что она ничего не хочетъ знать, слова, которыя обманываютъ, жизнь, которая не слышитъ жизни.

„Аріана и Синяя Борода или безполезное освобожденіе“ (1901) представляетъ собою волшебную сказку, полную аллегорическаго смысла. Рыцарь Синяя Борода заперъ уже въ подземелье пять женъ за нарушеніе его приказа пользоваться золотымъ ключомъ. Шестая жена его Аріана—разсуждаетъ однако слѣдующимъ образомъ: „онъ меня любитъ, я прекрасна, я узнаю его тайну. Прежде всего надо нарушить приказаніе; это—первая обязанность, когда приказаніе грозно и непонятно. Другія впали въ ошибку и онѣ погибли, потому что колебались“. При помощи крестьянъ, возставшихъ противъ Синей Бороды, Аріана проникаетъ въ подземелье, гдѣ заперты пять первыхъ женъ, и узнаетъ отъ нихъ, что онѣ не смѣли искать спасенія, такъ какъ это было имъ запрещено, и сверхъ того, такъ какъ онѣ боялись моря, которое могло ворваться въ подземелье, если бы онѣ стали открывать выходъ изъ него. Аріана безстрашно открываетъ этотъ выходъ и выводитъ всѣхъ на свободу. Но когда крестьяне приносятъ въ замокъ израненнаго ими рыцаря, то женщины сохраняютъ ему жизнь и

освобождаютъ его. Аріана не желаетъ оставаться въ замкѣ Синей Бороды; она отправляется далеко, туда, гдѣ ее ждутъ еще. Остальныя женщины за ней не слѣдуютъ. Своимъ поведеніемъ онѣ оправдываютъ слова Аріаны, сказанныя еще въ подземельи: „бѣдныя, бѣдныя мои сестры, зачѣмъ вы желаете освобожденія, если обожаете мракъ [1])“,

Содержаніе „Сестры Беатрисы“, написанной въ 1901 г.. очень несложно. Принцъ Беллидоръ похищаетъ изъ монастыря сестру Беатрису, затѣмъ бросаетъ ее, и она вынуждена вести жизнь, полную испытаній, страданій и порока. Но въ теченіе двадцати пяти лѣтъ ея отсутствія Святая Дѣва, статую которой должна была охранять Беатриса, сойдя со своего возвышенія и принявъ видъ Беатрисы, исполняетъ за Беатрису всѣ ея обязанности, такъ что исчезновеніе Беатрисы остается незамѣченнымъ въ монастырѣ, и сама она становится въ глазахъ монахинь святой. По истеченіи двадцати пяти лѣтъ Беатриса возвращается, измученная и умирающая, въ монастырь. Святая Дѣва вновь занимаетъ оставленное ею возвышеніе—и Беатриса умираетъ, окруженная сестрами, которыя не замѣчаютъ перемѣны и продолжаютъ смотрѣть на нее, какъ на святую. Смыслъ этой аллегоріи, мнѣ кажется, довольно ясенъ, если вспомнить все то, что намъ извѣстно о взглядахъ Метерлинка на человѣческую природу. Мы знаемъ, что внутреннее реальное существо человѣка, по Метерлинку, живетъ жизнью, довольно независимой отъ всѣхъ внѣшнихъ приключеній человѣка; мы знаемъ также, что реальное существо человѣка, по внѣшности святого, можетъ быть антипатично, и, наоборотъ, какой-нибудь злодѣй можетъ быть очень привлекателенъ. Вотъ это-то раздвоеніе человѣческаго существа и изображено аллегорически въ „Се-

---

[1]) Аналогичное настроеніе женской души, къ чему-то стремящейся и не находящей исхода, передано и въ «Quinze chansons» Метерлинка, относящихся, въ большей части, къ этой же эпохѣ: «Les filles aux yeux bandés... ont salué la vie, et ne sont point sorties». «Les sept filles d'Orlamonde... frappent à la porte close, sans oser l'ouvrir».

стрѣ Беатрисѣ“: пока внѣшне существующая Беатриса странствуетъ по свѣту, ея реальная душа остается спокойной и невозмутимой въ своей святости въ стѣнахъ обители. Всѣ внѣшніе грѣхи Беатрисы, разъ только они вызываютъ искреннія слезы ея прекрасной сущности, служатъ только къ ея спасенію. Эта мысль и проводится въ пѣснѣ Мадонны, которой открывается второе дѣйствіе:

Всякой плачущей душѣ,
Бѣдной грѣшницѣ мгновенья,
Простираю въ лонѣ звѣздъ
Руки съ благостью прощенья.
Грѣхъ не можетъ больше жить,
Гдѣ любовь, грустя, вздохнула.
Духъ не можетъ умереть,
Гдѣ любовь слезой блеснула.
Если жъ тѣмъ, кто полюбилъ,
Суждено съ дороги сбиться,
Слезы ихъ текутъ ко мнѣ
И не могутъ заблудиться.

(Переводъ *Л. Вилькиной*).

Въ „Моннѣ Ваннѣ“ (1903) передъ нами изображается та непроницаемая стѣна, которая отдѣляетъ человѣческія души другъ отъ друга, приводитъ часто къ непониманію людьми своихъ отношеній и фатально вызываетъ человѣческую ложь. У героини пьесы—Монны Ванны—вспыхиваетъ любовь къ Принцивалле, такъ какъ она убѣждается въ его необычайной любви къ ней, сказывающейся въ томъ, что онъ не завладѣваетъ ею, имѣя на то полную внѣшнюю возможность, и въ объясненіи съ нею вполнѣ искренъ, такъ какъ устраняетъ самъ ея ложное предположеніе о той жертвѣ, которую онъ раньше, будто бы, принесъ ей. Но тѣмъ не менѣе, Монна Ванна принимаетъ рѣшеніе отказаться отъ любви къ Принцивалле во имя вѣрности своему мужу. Когда же она убѣждается, что мужъ ей не вѣритъ, что онъ не видитъ ея такъ непосредственно, какъ это дѣ-

лаетъ настоящая любовь, что онъ вообще неспособенъ къ любви высшаго типа, то она рѣшается солгать мужу, видя въ этомъ единственное средство успокоить его ревность, и отдается любви къ Принцивалле. „Люди безумны,—говоритъ она.—Ихъ надо обманывать. Они любятъ ложь. Когда имъ показываютъ жизнь, они думаютъ, что это смерть, когда имъ предлагаютъ смерть, они принимаютъ ее за жизнь". „Надо еще лгать,—говоритъ старикъ Марко Колонна,—когда намъ не вѣрятъ". Такъ кончился для Ванны ужасный сонъ и начался иной, прекрасный, чудный сонъ.

Пьеса „Жуазель" (1903) есть фантазія на мотивъ „Сокровеннаго храма" и „Судьбы и мудрости". Мерлинъ прозрѣваетъ будущее свое и отчасти тѣхъ, кого онъ любитъ, такъ какъ ему удалось разбудить Аріель, гробницу своей жизни, свой сокровенный храмъ. Лансеора, сына Мерлина, соединяетъ любовь съ Жуазелью, любовь наивысшаго типа, которая проходитъ всѣ испытанія, посылаемыя судьбой, не ослабѣвая, и побѣждаетъ судьбу въ той мѣрѣ, въ какой человѣкъ вообще властенъ ее побѣдить. Это любовь такого рода, что влюбленные понимаютъ другъ друга безъ словъ и даже вопреки словамъ, составляютъ одно и могутъ читать въ душѣ другъ друга, любовь такого рода, что она, смѣясь, не останавливается даже передъ преступленіемъ, чтобы снова обрѣсти счастіе. Мерлинъ, изъ любви къ сыну, отказывается отъ Жуазели, хотя Аріель, желая сохранить его и свою жизнь, протестуетъ противъ этого. Мерлинъ повинуется при этомъ слабому голосу, который ничего опредѣленнаго и увѣреннаго сказать не можетъ, но который одинъ правъ, т.-е. голосу долга. Онъ добровольно идетъ на печальную участь, которая его ожидаетъ въ случаѣ отказа отъ любви къ Жуазели. „Но не всѣ скрытыя отъ насъ предначертанія жизни такъ опредѣленны и такъ прекрасны... И мы напрасно говоримъ о томъ, что предначертано... Будемъ же наслаждаться предоставленнымъ намъ часомъ въ тихой грусти, слѣдующей за большими радостями, слушая, какъ проходятъ и текутъ одна за дру-

гой минуты любви, при свѣтѣ этихъ слабыхъ лучей ночного свѣта, когда мы сжимаемъ другъ друга въ своихъ объятіяхъ, чтобы быть болѣе счастливыми... Остальное не дано еще людямъ".

Небольшая пьеса „Чудо святого Антонія" показываетъ намъ, что подлинный святой, появившись среди людей, погруженныхъ въ заботы и интересы чисто внѣшней жизни, не былъ бы ими узнанъ и признанъ, несмотря на чудеса. Святого Антонія узнаетъ только служанка, „такъ какъ она добра, проста духомъ, проста сердцемъ, безупречна, безъ боязни и безъ лукавства передъ великими тайнами и вѣрна своимъ смиреннымъ обязанностямъ".

Въ „Синей птицѣ" (1908 г.) Метерлинкъ аллегорически изобразилъ всѣ свои этическія идеи. Отсюда мы узнаемъ, что мертвыхъ нѣтъ; они живутъ въ воспоминаніяхъ, слѣдовательно, они—не мертвые; люди не знаютъ этой тайны, потому что они вообще мало что знаютъ. Картина въ царствѣ будущаго показываетъ намъ, что будущее уже дано, уже существуетъ и только остается намъ неизвѣстно. По поводу этихъ картинъ припоминаются слѣдующія строки изъ „Сокровища смиренныхъ": „Мы находимся за тысячу вѣковъ отъ насъ самихъ, когда мы выбираемъ нашу возлюбленную, и первый поцѣлуй жениха есть только печать тысячи рукъ, стремящихся родиться, которую онѣ налагаютъ на уста желаемой ими матери. Съ другой стороны, мы знаемъ, что мертвые не умираютъ. Мы знаемъ теперь, что они находятся не около нашихъ церквей, но во всѣхъ нашихъ домахъ, во всѣхъ нашихъ привычкахъ. Нѣтъ ни одного жеста, ни одной мысли, грѣха, слезы, атома пріобрѣтеннаго сознанія, которые бы терялись въ глубинахъ земли; при самомъ незначительномъ изъ нашихъ актовъ предки встаютъ не въ своихъ могилахъ, гдѣ они недвижимы, но въ глубинѣ насъ самихъ, гдѣ они живутъ всегда. Насъ ведетъ такимъ образомъ прошедшее и будущее. Настоящее, составляющее нашу сущность, падаетъ въ глубину моря, какъ маленькій островъ, который безпрерывно гло-

жутъ два непримиримыхъ океана“ (200—201). — Въ этой пьесѣ мы находимъ природу въ лицѣ деревьевъ и животныхъ, которая ненавидитъ человѣка, но въ то же время его боится и подъ покровомъ ночи, стерегущей тайну жизни, старается скрыть отъ него свои тайны. Исключеніе составляетъ только одно животное, преданное человѣку и искренно его любящее, именно собака. И эта собака напоминаетъ намъ тотъ граціозный этюдъ, который въ сборникѣ „Двойной садъ“ посвященъ смерти маленькой собаки и содержитъ въ себѣ чрезвычайно живое и любопытное воспроизведеніе внутренней жизни бульдога Пелеаса. — Изъ этой пьесы мы узнаемъ, наконецъ, что счастіе—синяя птица,—та подлинная синяя птица, которая не боится солнечнаго свѣта и отъ него не чернѣетъ, совсѣмъ близко къ намъ. Оно внутри насъ самихъ и каждое доброе, свѣтлое движеніе нашей души, каждый порывъ любви приближаютъ насъ къ нему; только благодаря нашей нерѣшительности и неловкости оно отъ насъ ускользаетъ.

Таковы пьесы Метерлинка. Конечно, этотъ сжатый и сухой обзоръ ихъ содержанія не можетъ дать понятія обо всемъ богатствѣ поэтическихъ образовъ и глубокихъ переживаній человѣческой души, которое въ нихъ содержится. Моя задача состояла лишь въ томъ, чтобы показать, какъ постепенно занимающій насъ авторъ отъ глубокаго и безпросвѣтнаго пессимизма, налагающаго такой мрачный отпечатокъ на его первыя произведенія, отъ безнадежнаго ужаса, внушаемаго человѣку холодной и несправедливой судьбой, пришелъ къ бодрому и энергическому міровоззрѣнію, которое сумѣло всѣмъ этимъ ужасамъ внѣшней доли человѣка противопоставить внутреннюю силу, заключающуюся въ человѣкѣ и состоящую въ его мудрости, не интеллектуальной только, но опирающейся на все духовное содержаніе. Если сдѣланный обзоръ показалъ, въ какой тѣсной связи поэтическія произведенія Метерлинка стоятъ съ эволюціей его общаго міровоззрѣнія, то моя цѣль достигнута. Намъ остается теперь подвести общій итогъ всему

изслѣдованію и, между прочимъ, посмотрѣть, можно ли то окончательное міровоззрѣніе, которое сложилось у Метерлинка по преодолѣніи имъ пессимизма, назвать оптимистическимъ въ обычномъ смыслѣ этого слова.

VII. Общая оцѣнка ученія Метерлинка.

Наше изложеніе ученія Метерлинка закончено. Я постарался въ извѣстной системѣ представить тѣ соображенія по основнымъ вопросамъ человѣческаго бытія, которыя содержатся въ произведеніяхъ поэта - мыслителя. Теперь мнѣ остается въ заключеніе выразить собственное отношеніе къ нравственному міровоззрѣнію Метерлинка [1]).

Въ общемъ, мое отношеніе къ этому ученію является вполнѣ сочувственнымъ. Хотя Метерлинкъ много говоритъ на протяженіи своихъ книгъ о счастіи людей, хотя онъ приглашаетъ своего мудреца не отказываться отъ счастія, но, напротивъ, добиваться его и открывать свою душу возможно полнѣе для воспріятія радостей бытія, тѣмъ не менѣе его этику нельзя было бы назвать эвдемонистической. Во-первыхъ, Метерлинкъ признаетъ, что сколько-нибудь абсолютное счастіе человѣку недоступно. Человѣкъ всегда останется, какъ бы онъ ни былъ мудръ, во власти судьбы, которая будетъ ему посылать, по своему усмотрѣнію и часто для насъ непонятному капризу, всевозможныя бѣдствія, которыя могутъ причинять ему тяжелыя страданія. Во-вторыхъ, и пониманіе счастія у Метерлинка такъ тонко и такъ возвышенно, что оно мало общаго имѣетъ съ утилитаризмомъ или эвдемонизмомъ въ обычныхъ формахъ. Вѣдь мудрецъ Метерлинка часто оказывается счастливъ именно своими несчастіями. Для него благородная скорбь настолько выше грубаго довольства, что онъ никогда не промѣняетъ ее на послѣднее.

---

[1]) Библіографія критическихъ этюдовъ о Метерлинкѣ дана въ книгѣ *Ad. van Bever et Paul Léautaud*, Poètes d'aujourd'hui (1908 г.), стр. 315 и 322.

Если вдуматься хорошенько въ этику Метерлинка, то ее придется отнести, несомнѣнно, не къ числу эвдемонистическихъ моральныхъ ученій, но въ категорію тѣхъ ученій, которыя усматриваютъ разрѣшеніе нравственной проблемы въ чувствѣ человѣческаго достоинства. Вѣдь для Метерлинка нравственное совершенствованіе состоитъ въ расширеніи человѣкомъ своего сознанія, при чемъ онъ долженъ все время стараться какъ можно больше почерпнуть добра и красоты изъ своего „погребеннаго храма", изъ той своей реальной души, которая такъ мало имѣетъ общаго съ нашей внѣшней жизнью и такъ жадна къ добру и красотѣ. Но вѣдь такое расширеніе духовной личности человѣка, воспитаніе въ себѣ служенія истинѣ, добру и красотѣ и составляетъ то, что называется *достоинствомъ человѣка*. И только къ человѣку, который воспиталъ въ себѣ чувство достоинства, примѣнимо то, что пишетъ Метерлинкъ о своемъ мудрецѣ; только такой человѣкъ откажется пожертвовать своей скорбью узкому мѣщанскому счастію. Откажется онъ это сдѣлать именно во имя своего достоинства: для него благородная скорбь дѣйствительно много, неизмѣримо дороже низменнаго счастія, такъ какъ, принявъ послѣднее, онъ понизилъ бы уровень своего достоинства.

Метерлинкъ ставитъ свою этику и самъ на почву достоинства. Можно привести не одну цитату изъ его произведеній, гдѣ мы встрѣчаемся именно съ этимъ словомъ. Вотъ одна изъ самыхъ яркихъ. Разсуждая въ „Погребенномъ храмѣ" о справедливости, Метерлинкъ пишетъ: „Она поддерживаетъ въ глубинѣ нашего духа и нашего сердца пониманіе и удовлетвореніе, можетъ-быть, нѣсколько разочарованное, но благородное и неистощимое, *достоинство существованія*, которыя достаточны для того, чтобы питать нашу жизнь послѣ того, какъ потеряно богатство, послѣ того, какъ молнія или болѣзнь нанесли свой ударъ, послѣ того, какъ обожаемое существо навсегда покинуло наши руки" (95).

Этика достоинства получаетъ у Метерлинка обоснованіе,

главнымъ образомъ, эмпирическое. Въ основу ея онъ кладетъ изслѣдованіе человѣческой природы. Это изслѣдованіе выводитъ его далеко за предѣлы обычной психологіи и заставляетъ создать начатки новой психологіи, той психологіи, которая пытается проникнуть за предѣлы яснаго сознанія и вскрыть сокровенное существо человѣка, въ которомъ и заключается корень нравственныхъ убѣжденій людей. Чисто Кантовская идея, что моральный долгъ живетъ въ каждомъ человѣкѣ и что въ своихъ основахъ долгъ непостижимъ и необъяснимъ для теоретическаго разума, оставаясь въ то же время самымъ высокимъ и самымъ цѣннымъ достояніемъ человѣка, получаетъ въ такой постановкѣ нѣчто въ родѣ эмпирическаго фундамента, отчего становится намъ ближе и понятнѣе. Строя ученіе о долгѣ на эмпирической основѣ, на природѣ человѣка какъ даннаго въ опытѣ существа, а не на простомъ понятіи „разумнаго существа вообще", изъ котораго повсюду исходитъ Кантъ, Метерлинкъ въ своей этикѣ избѣгаетъ нѣкоторыхъ существенныхъ недостатковъ Кантовской морали. Признавая, подобно Канту, коренную антиномію между природной необходимостью и нравственнымъ закономъ, въ предѣлахъ, по крайней мѣрѣ, нашего человѣческаго пониманія, рѣзко проводя различіе между жизнью чисто инстинктивной и жизнью разумной, Метерлинкъ тѣмъ не менѣе не впадаетъ въ Кантовскій преувеличенный ригоризмъ и формализмъ и видную и положительную роль отводитъ въ морали чувству. При такой постановкѣ нравственное ученіе окрашивается теплымъ любовнымъ колоритомъ, оно становится для насъ гораздо болѣе убѣдительнымъ и пріемлемымъ, такъ какъ дѣйствуетъ не на одинъ только нашъ логическій разумъ, но и на другія стороны нашего существа, имѣющія въ морали не меньшее, если не большее значеніе, чѣмъ теоретическій разумъ.

Въ своемъ ученіи о „сокровенномъ храмѣ" Метерлинкъ довольно близко подходитъ также къ Кантовскому разграниченію человѣка - феномена и человѣка-ноумена. Но и

здѣсь онъ остается на почвѣ расширеннаго эмпиризма и не впадаетъ въ Кантовскій холодный и, въ концѣ-концовъ, ничего не объясняющій даже теоретическому разуму апріоризмъ. Мистическій Метерлинковскій человѣкъ долженъ быть гораздо понятнѣе и доступнѣе людямъ, нежели Кантовскій homo noumenon. Ставши на почву сверхчувственнаго опыта, Метерлинкъ сдѣлалъ и ученіе о нравственной свободѣ человѣка, на ряду съ природной необходимостью, гораздо болѣе понятнымъ, чѣмъ оно является въ извѣстномъ Кантовскомъ построеніи. Подчеркивая все время возможность для человѣка боротся съ грозящимъ ему слѣпымъ неумолимымъ рокомъ силами своей мудрости, Метерлинкъ тѣмъ самымъ показываетъ намъ, что человѣкъ есть существо свободное и что основы этой свободы коренятся въ той мощи, которой надѣлена подсознательная сфера человѣка. Чѣмъ больше удастся человѣку ввести въ свое сознаніе содержаніе ея темныхъ идей и сдѣлать ихъ практическими идеями своего поведенія, тѣмъ на большую независимость отъ судьбы можетъ онъ разсчитывать. Метерлинкъ приближается къ Канту и своимъ ученіемъ о безсмертіи души, которое однако у него также является въ значительной степени психологизированнымъ, приближеннымъ къ природѣ человѣка, какъ она намъ извѣстна изъ опыта, и потому болѣе понятнымъ и пріемлемымъ.

Этика Метерлинка, какъ и всякая этика достоинства, носитъ характеръ императивный. Ея совѣты обязательны для человѣка, какъ разумнаго существа, т.-е. какъ существа, дорожащаго своимъ достоинствомъ. Уклониться отъ ея предписаній я могу лишь путемъ заявленія, что достоинство не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакой цѣнности. Но на такое заявленіе человѣку не такъ легко рѣшиться и въ огромномъ большинствѣ случаевъ люди, нарушающіе въ своемъ поведеніи требованія достоинства, не признаются въ этомъ открыто, но всѣми силами стараются доказать, что они только понимаютъ эти требованія иначе, чѣмъ окружающія ихъ и несогласныя съ ихъ поведеніемъ лица. Ме-

терлинкъ показываетъ намъ всѣми своими разсужденіями, что такое оправданіе низкаго поведенія на почвѣ достоинства неосуществимо; изучая его книги, мы ясно видимъ, что есть извѣстное объективное содержаніе въ чувствѣ человѣческаго достоинства, что, хотя этика людей должна весьма индивидуализироваться, смотря по ихъ конкретнымъ задаткамъ и положенію въ обществѣ, но извѣстныя руководящія тенденціи остаются для всѣхъ общеобязательными. Можно безконечно спорить о счастіи и немыслимо навязать другъ другу опредѣленный идеалъ счастія. Но споры о достоинствѣ вовсе не такъ безнадежны. Всегда возможно показать, что достоинство состоитъ не въ чемъ иномъ, какъ въ культивированіи въ насъ именно тѣхъ духовныхъ свойствъ, которыя отличаютъ насъ отъ остальныхъ живыхъ существъ, и что человѣческое чувство уваженія — эмоція, соотвѣтствующая нравственному достоинству,—всегда вызывается совершенно опредѣленными свойствами людей. Такимъ образомъ, этика достоинства имѣетъ достаточно объективное содержаніе и въ достаточной мѣрѣ надѣлена императивнымъ характеромъ.

Эта императивность этики еще болѣе усиливается у Метерлинка тѣмъ, что онъ не отказывается и отъ извѣстнаго метафизическаго обоснованія нравственнаго долга. Расширеніе сознанія у него представляется не только единственнымъ возможнымъ путемъ для завоеванія независимости отъ внѣшней судьбы, но и дѣломъ, соотвѣтствующимъ космическому назначенію человѣка. Хотя Метерлинкъ не даетъ намъ опредѣленной метафизической схемы мірозданія, хотя мы постоянно встрѣчаемся у него съ упоминаніемъ о слѣпой и безжалостной, вѣроятно, вполнѣ аморальной судьбѣ, господствующей надъ человѣкомъ, но есть у него, какъ мы видѣли, указанія и на то, что добро едва ли можетъ быть считаемо только за человѣческую иллюзію, что въ немъ есть нѣчто космическое и что человѣкъ, служащій нравственному принципу и расширяющій свою духовность, такъ же выполняетъ свое космическое назначе-

ніе, какъ пчела выполняетъ свое назначеніе, вырабатывая медъ.

Если я тѣмъ не менѣе вынужденъ сдѣлать нѣсколько упрековъ Метерлинку, то эти замѣчанія касаются сравнительно второстепенныхъ пунктовъ его ученія и притомъ такихъ, въ которыхъ, какъ мы увидимъ, самъ Метерлинкъ не особенно твердъ. Я не могу, въ частности, согласиться съ двумя идеями, которыя иногда проскальзываютъ у Метерлинка.

Первой изъ этихъ идей является его вѣра въ данность будущаго, помимо человѣческаго сознанія, которое въ силу своей ограниченности только лишено способности его видѣть, и въ связанное съ этимъ неизбѣжно предопредѣленіе всѣхъ событій во всемъ мірѣ и въ жизни каждаго человѣка. Мы уже видѣли, какъ изъ этой своей вѣры Метерлинкъ выводитъ даже возможность для человѣка предвидѣть будущія событія, если только ему удастся привести свое сознаніе въ болѣе тѣсное общеніе со своей внутренней сущностью, которая стоитъ внѣ времени и для которой будущее не существуетъ. Это ученіе Метерлинка я считаю цѣликомъ непріемлемымъ и думаю, что при послѣдовательномъ его проведеніи намъ пришлось бы отказаться отъ всякой этики.

Вторымъ недостаткомъ Метерлинка я считаю его нѣсколько преувеличенный оптимизмъ, который проглядываетъ временами въ его разсужденіяхъ. Хотя Метерлинкъ и говоритъ, что „человѣческая жизнь, въ общемъ, есть нѣчто довольно печальное“ (Temple, 163), но тѣмъ не менѣе иногда въ его сочиненіяхъ сквозитъ увѣренность, что міръ устроенъ, въ концѣ-концовъ, вполнѣ разумно и что, несмотря на кажущуюся несправедливость судьбы, человѣчество придетъ къ блаженному состоянію, когда не будетъ ни физическихъ, ни моральныхъ страданій и восторжествуетъ добро и красота въ чистомъ видѣ. Главное основаніе для такого оптимизма высказано въ сочиненіяхъ, посвященныхъ жизни пчелъ и интеллекту цвѣтовъ. Убѣдив-

шись въ томъ удивительномъ умѣ, который обнаруживается не только въ дѣятельности насѣкомыхъ, но и въ жизни растеній, при помощи весьма хитрыхъ приспособленій преодолѣвающихъ судьбу, приковавшую ихъ къ мѣсту, Метерлинкъ заключаетъ, что интеллектъ природы вполнѣ подобенъ человѣческому и дѣйствуетъ такъ же ощупью, какъ и человѣческій, руководясь той же логикой и съ той же неувѣренностью. Отсюда онъ дѣлаетъ выводъ, что вообще всѣ вещи проникнуты міровымъ интеллектомъ, для котораго человѣкъ оказывается только наилучшимъ вмѣстилищемъ, наиболѣе сильнымъ аккумуляторомъ, что вся вселенная устроена этимъ интеллектомъ, а потому и жизнь ея направляется къ счастію и разуму, такъ что зло является только тѣнью на лицѣ интеллекта или состояніемъ его, подобнымъ сну. „Развѣ вѣроятно, заключаетъ Метерлинкъ эти свои разсужденія, когда мы находимъ въ жизни такую сумму пониманія, что эта жизнь не является дѣломъ интеллекта, т.-е. не преслѣдуетъ цѣли счастія, совершенства, побѣды надъ тѣмъ, что мы называемъ зломъ, смертью, тьмой, небытіемъ, которое, вѣроятно есть только тѣнь его лица или его собственный сонъ?“ (Intelligence des fleurs, 107). Увлекаясь этимъ оптимизмомъ, Метерлинкъ въ статьѣ о нашемъ соціальномъ долгѣ рекомендуетъ намъ при разрѣшеніи соціальнаго вопроса отбросить всякую осторожность и смѣло проводить самыя радикальныя мѣропріятія, полагаясь на то, что сила вещей сама устранитъ всякія затрудненія и исправитъ допущенныя ошибки (Intelligence des fleurs, 255—276). Оптимизмъ въ такой формѣ мнѣ представляется также непріемлемымъ и покоящимся на своего рода фатализмѣ и вѣрѣ въ предопредѣленіе, исключающее всякую человѣческую свободу [1]).

Въ самомъ дѣлѣ, если мы примемъ ученіе Метерлинка о

---

[1]) Интересно, что подобный же совѣтъ даетъ практическимъ дѣятелямъ и Г. Спенсеръ, опираясь на свою этику, проникнутую фатализмомъ и отрицающую человѣческую свободу. См. *мою* книгу „Очеркъ исторіи этическихъ ученій“ (изд. 2-е 1913 г.), стр. 183—4.

данности будущаго, которое только является для насъ субъективно неизвѣстнымъ, то вѣдь всѣ наши усилія, направленныя къ прогрессу человѣчества въ цѣломъ и къ искорененію нравственнаго зла въ насъ самихъ, теряютъ всякое самостоятельное значеніе. При такихъ условіяхъ все, что каждый изъ насъ дѣлаетъ, также уже дано и только намъ представляется еще несдѣланнымъ и зависящимъ отъ самого человѣка. Каждый нашъ шагъ уже существуетъ въ этомъ навсегда данномъ въ своемъ прошедшемъ и будущемъ мірѣ. Всѣ мы обращаемся тогда въ простыхъ маріонетокъ, которыя живутъ неизвѣстно кому и зачѣмъ понадобившейся иллюзіей свободы, а на самомъ дѣлѣ только выполняютъ заранѣе предначертанную имъ во всѣхъ деталяхъ роль. И безъ того, мы не въ силахъ объяснить, почему міръ устроенъ такъ, что большая часть человѣчества вполнѣ лишена физической возможности, погруженная въ заботы просто о повседневной жизни и ея поддержаніи, предаваться тѣмъ утонченнымъ внутреннимъ эмоціямъ, которыя ведутъ къ высшему достоинству человѣка, что для нея попросту весьма затрудненъ или даже совсѣмъ закрытъ нравственный прогрессъ (см. Sagesse, 1—2). И самъ Метерлинкъ не въ силахъ дать этому явленію сколько-нибудь удовлетворительное объясненіе, хотя съ его точки зрѣнія злѣйшій рокъ человѣка именно въ томъ и состоитъ, что иногда для человѣка безъ его вины можетъ оказаться закрытой дорога къ мудрости. Но вѣдь съ точки зрѣнія данности будущаго дѣло получаетъ такой видъ, что и подобнаго рода явленія также разъ навсегда предопредѣлены и даны въ цѣликомъ уже существующемъ и не допускающемъ перемѣны мірѣ. А такъ какъ міръ, устроенный міровымъ разумомъ, если вѣрить второй изъ отмѣченныхъ мыслей Метерлинка, въ концѣ-концовъ, идетъ къ добру, то нечего намъ и особенно безпокоиться: все это необходимыя тѣни на лицѣ мірового интеллекта, тѣни, которыя допущены въ томъ количествѣ, въ какомъ безъ нихъ обойтись было нельзя. Да и вообще, если мы примемъ подоб-

ное ученіе, то нечего намъ приходить въ волненіе отъ чего бы то ни было: все устроено уже безъ насъ и помимо насъ, все дано и ничто измѣнено быть не можетъ. Мы кончаемъ полнымъ фатализмомъ и квіетизмомъ, а вмѣсто нравственныхъ заданій и нравственной борьбы получаемъ этику, какъ чисто описательную науку о томъ, какъ различно устроены люди міровымъ интеллектомъ и сколь различная отведена имъ участь въ міровомъ планѣ. Мы можемъ при этихъ условіяхъ совершенно спокойно изучать человѣческія страсти, какъ очень любопытную вещь, проявляя не большій энтузіазмъ при этомъ, какъ если бы дѣло шло, по классическому выраженію Спинозы, о линіяхъ, поверхностяхъ и тѣлахъ. Ясно, что не о такого рода спинозизмѣ мечталъ Метерлинкъ, когда писалъ свои труды, и это показываетъ, что все ученіе о предопредѣленіи и о данности будущаго должно быть откинуто изъ его системы. Въ такомъ случаѣ проблематичнымъ становится и излюбленная имъ теорія вѣщихъ предчувствій и предзнаменованій, допускающая возможность предвидѣть будущее.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и самъ Метерлинкъ оказывается не особенно твердымъ въ своемъ ученіи о предвидѣніи будущаго. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ произведеній, въ сборникѣ, озаглавленномъ „L'intelligence des fleurs", Метерлинкъ проводитъ уже другую идею о роли инстинкта въ тѣ моменты, когда насъ постигаетъ опасность. Здѣсь мы уже не находимъ извѣстной намъ изъ „Погребеннаго храма" теоріи предвидѣній и предостереженій, исходящихъ отъ нашего сокровеннаго существа, но совсѣмъ другой взглядъ на вещи, гораздо болѣе пріемлемый. Именно, Метерлинкъ здѣсь утверждаетъ, что, когда насъ постигаютъ непредвидѣнныя и внезапныя опасности, то интеллектъ оказывается совершенно безсиленъ съ ними справиться и найти путь къ спасенію. Онъ спокойно созерцаетъ сложившееся положеніе, правильно оцѣниваетъ силу опасности, но оказывается неспособнымъ уловить средство, которое дало бы возможность избѣжать надвигающагося

бѣдствія. Въ этихъ случаяхъ инстинктъ можетъ спасти человѣка; съ быстротой молніи и безъ всякаго предварительнаго анализа онъ усматриваетъ такую комбинацію, которая является спасительной, и тѣ люди, въ которыхъ инстинктъ силенъ, имѣютъ гораздо больше шансовъ спастись при подобныхъ катастрофахъ, нежели тѣ, у которыхъ онъ слабъ. Притомъ Метерлинкъ увѣренъ, что инстинктъ сильнѣе всегда у тѣхъ людей, жизнь которыхъ проходитъ ближе къ природѣ. Попутно здѣсь высказывается замѣчаніе, получившее аллегорическое развитіе въ „Синей птицѣ", что природа вообще боится человѣка; если бы не было такой боязни съ ея стороны, то современный человѣкъ, окружившій себя массой имъ же самимъ созданныхъ опасностей, постоянно дѣлался бы жертвой имъ самимъ вызванныхъ для служенія себѣ силъ природы (236—253).

По моему глубокому убѣжденію всякое ученіе о предопредѣленіи и данности будущаго, въ какой бы утонченной формѣ оно ни проводилось, наноситъ тяжелый и непоправимый ударъ морали, такъ какъ отнимаетъ всякую почву для реальной, а не кажущейся только человѣческой свободы и не оставляетъ мѣста для дѣйствительной нравственной борьбы, для связаннаго съ ней риска и для вытекающей отсюда заслуги. Я не буду подробно останавливаться на этихъ мысляхъ, такъ какъ онѣ достаточно были мною развиты въ моемъ „Очеркѣ исторіи этическихъ ученій" (2-е изд. 1913 г.) и моей „Этикѣ человѣческаго достоинства" (1912 г.). Я утверждаю, что при построеніи моральной системы мы должны отказаться отъ всякой вѣры въ предопредѣленіе, отъ всякой мысли о гарантированности міровой развязки въ духѣ побѣды добра или зла. Съ моральной точки зрѣнія можно принять только представленіе о незаконченности, пластичности бытія, которое предполагаетъ въ свою очередь принятіе трансцендентной реальности времени. Становясь на почву такого представленія о мірѣ, мы, конечно, неизмѣримо увеличиваемъ тѣмъ самымъ ирраціональный элементъ въ нашей космической кон-

цепціи и отказываемся, между прочимъ, отъ всякаго космическаго оптимизма. Не можемъ мы тогда принять и той весьма для нашего успокоенія соблазнительной мысли Метерлинка, что вся вселенная есть плодъ строительства интеллекта, такъ что зло является лишь тѣнью на его лицѣ. Но вѣдь слѣдуетъ признать, что у Метерлинка этотъ оптимистическій выводъ является не болѣе обоснованнымъ, чѣмъ и у всѣхъ иныхъ проповѣдниковъ монистическаго оптимизма. Если даже и согласиться съ Метерлинкомъ, что во вселенной замѣчаются явственные слѣды мірового интеллекта, то отсюда вѣдь вовсе еще не слѣдуетъ, что вся вселенная цѣликомъ находится во власти этого интеллекта и что онъ представляетъ собою единственную космическую силу. Зло вовсе еще не вынуждено этимъ снизойти на степень несамостоятельнаго начала. Вполнѣ возможно, что рядомъ съ разумомъ и добромъ, рядомъ съ творческими, созидательными силами, во вселенной дѣйствуютъ, какъ вполнѣ самостоятельныя начала, зло и неразуміе, находящіяся въ ожесточенной борьбѣ съ добромъ и разумомъ. Весьма возможно, далѣе, что міръ не исчерпывается силами этихъ двухъ порядковъ, что въ немъ имѣются также элементы вполнѣ безразличные къ добру и злу, которые могутъ быть использованы для тѣхъ и другихъ цѣлей. Между всѣми этими силами возможно взаимодѣйствіе и въ этомъ смыслѣ между ними существуетъ какая-то связь, выражающаяся въ природной закономѣрности. Но въ то же время онѣ враждуютъ другъ съ другомъ и претендуютъ на безраздѣльное господство надъ міромъ. Какая изъ этихъ силъ побѣдитъ, намъ не дано знать, и слѣдуетъ думать, что въ этой борьбѣ извѣстную роль играетъ не только все человѣчество, но и каждый отдѣльный человѣкъ, представляющій изъ себя микрокосмъ. Но если, такимъ образомъ, мы не можемъ успокоиться на безусловномъ оптимизмѣ и считать побѣду добра обезпеченной, то ничто не заставляетъ насъ впадать и въ безнадежный пессимизмъ. Наша плюралистическая концепція

міра признаетъ возможнымъ полное устраненіе изъ міра зла, полное подчиненіе добру безразличныхъ элементовъ міра, такъ какъ она считаетъ міръ пластичнымъ, незаконченнымъ и подлежащимъ переработкѣ. Въ то же время она призываетъ людей къ энергичной борьбѣ за добро, борьбѣ, сопряженной съ рискомъ пораженія, но зато и съ возможностью безкорыстной нравственной заслуги. Необходимо искренно любить добро само по себѣ, чтобы при такихъ условіяхъ быть его вѣрнымъ защитникомъ и служителемъ. Не непоколебимая увѣренность въ окончательной побѣдѣ добра, но уваженіе и любовь къ добру, желаніе ему побѣды и надежда на эту побѣду должны вдохновлять людей, какъ самостоятельныхъ и свободныхъ участниковъ мірового процесса.

Слѣдуетъ отмѣтить, что и самъ Метерлинкъ не чуждъ этой концепціи, что и не удивительно при общемъ характерѣ его бодраго и энергичнаго этическаго ученія. Въ статьѣ „Le rameau d'olivier", помѣщенной въ сборникѣ „Le double jardin", Метерлинкъ приводитъ рядъ аргументовъ, доказывающихъ наличность въ человѣчествѣ не только интеллектуальнаго, но и нравственнаго прогресса. Однако, въ концѣ-концовъ, онъ самъ сознается, что всѣми этими доводами его тезисъ не превращенъ въ непоколебимую истину и что оптимистическая вѣра не является вполнѣ доказанной. Но онъ настаиваетъ на томъ, что, если намъ приходится *выбирать* между оптимизмомъ и пессимизмомъ, то лучше и благороднѣе отдать преимущество первому. Это заключеніе дѣлается однако въ такихъ выраженіяхъ, что, въ результатѣ, получается уже не оптимистическая увѣренность, но оптимистическія *надежды*, т.-е. именно то, что, по моему мнѣнію, и можетъ быть единственно пригоднымъ основаніемъ нравственнаго міровоззрѣнія.

„Такъ какъ мы имѣемъ выборъ между истолкованіемъ, которое составляетъ свѣтлый или мрачный фонъ нашего существованія, то всякое колебаніе обнаруживало бы мало мудрости. Въ самыхъ незначительныхъ обстоятельствахъ,

наше невѣдѣніе чаще всего оставляетъ намъ только выборъ этого рода и не болѣе неизбѣжный. Понимаемый такъ оптимизмъ не заключаетъ въ себѣ ничего блаженнаго и дѣтскаго; онъ не радуется глупо, какъ крестьянинъ, выходящій изъ трактира, но онъ взвѣшиваетъ то, что было и что могло быть, опасенія и надежды; и если послѣднія не достаточно тяжелы, то онъ къ нимъ прибавляетъ вѣсъ жизни... Я повторяю, мы никогда не имѣли столько мотивовъ для надежды. Наши предшественники были поддерживаемы гораздо меньшими мотивами, когда они совершали великія дѣла, оставшіяся для насъ лучшими свидѣтельствами человѣческихъ судебъ. Они имѣли довѣріе тогда, когда находили только весьма неразумныя основанія для него. Теперь, когда нѣкоторыя изъ этихъ основаній исходятъ поистинѣ изъ разума, было бы плохо показывать меньше смѣлости, чѣмъ проявляли тѣ, кто черпалъ свою смѣлость изъ такихъ источниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ только наше отчаяніе“ (295—6).

Этотъ бодрый призывъ къ надеждѣ на лучшее будущее и къ его созданію нашими усиліями, гораздо больше подходитъ къ общему духу бодрой этики Метерлинка, нежели самодовольный и спокойный оптимизмъ, для котораго все уже дано и все предрѣшено. Только такое міровоззрѣніе, основанное на надеждѣ и на безкорыстной любви къ добру, соотвѣтствуетъ природѣ человѣка, какъ дѣятельнаго существа.

Того же автора.

Опытъ характеристики понятій aequitas и aequum jus въ римской классической юриспруденціи. М. 1895 г. Ц. 2 р.

Натуральныя обязательства по римскому праву. М. 1898 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новый трудъ по римской традиціи. М. 1902 г. (Уч. Зап. Моск. Унив., отд. юр., вып. 20).

Система римскаго права. I. Общая часть. Изд. 4-е. М. 1908 г. Ц. 1 р. 50 к. II. Вещное право. Изд. 3-е. М. 1908 г. Ц. 1 р. IV. Семейное право. V. Наслѣдственное право. Изд. 3-е. М. 1909 г. Ц. 1 р.

Исторія римскаго права. Изд. 5-е. М. 1910 г. Ц. 2 р. 50 к.

Общая теорія права. Изд. 5-е. М. 1910 г. Ц. 1 р.

Теорія историческаго процесса. Курсъ лекцій. М. 1911 г. Ц. 2 р. Складъ изданія въ книжномъ магазинѣ Карбасникова.

Общественное мнѣніе и политическія партіи. М. 1906 г. Ц. 15 к.

Значеніе и права народнаго представительства. М. 1905 г. Ц. 8 к.

Избирательное право. М. 1906 г. Ц. 8 к.

Женщина наканунѣ новой эпохи. Изд. П. Д. Путиловой. М. 1905 г. Ц. 30 к.

Психологія женщинъ. О равноправіи женщинъ. Складъ въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи». Доходъ отъ продажи поступаетъ въ пользу недостаточныхъ слушательницъ Московскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. М. 1911 г. Ц. 50 к.

Этюды по современной этикѣ. Изд. Сытина. М. 1908 г. Ц. 1 р.

Нравственная личность и общество. Изд. Клочкова. М. 1911 г. Ц. 1 р. 35 к.

Этика человѣческаго достоинства. Складъ изданія въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи». М. 1912 г. Ц. 1 р.

Очеркъ исторіи этическихъ ученій. Складъ изданія въ кн. магазинахъ Карбасникова и «Новаго Времени». Изд. 2-е. М. 1913 г. Ц. 2 р.

Им. Кантъ. Основоположеніе къ метафизикѣ нравовъ. Пер. Л. Д. Б. подъ ред. В. М. Хвостова. Складъ въ конторѣ журнала «Вопросы философіи и психологіи». М. 1911 г. Ц. 70 к.

Цѣна 75 коп.